

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ПРАГМАТИКА ВЫБОРА КВАНТОРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
ДЛЯ УКАЗАНИЯ НА НЕОПРЕДЕЛЁННО-МНОЖЕСТВЕННОГО
СУБЪЕКТА АВТОРИЗАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

СИТУАЦИОННОСТЬ КАК ОСНОВА
КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА

ПОЭТОНИМЫ В МИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ
А. К. ТОЛСТОГО «СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА»

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ РАССКАЗА
И ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ДРАГУНСКОГО

2022 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2022. — № 1. — 120 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Professor, Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2022. – № 1. – 120 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ватина А. Е. Особенности семантики бисубстантивных предложений с нейтрально оценочным значением	6
Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста.	13
Колесникова С. М., Морозова О. А. Значение меры и степени в эвфемистических конструкциях русского языка	25
Куличева Е. В. Репрезентация концепта «музыка» в творческом наследии Ф. А. Вигдоровой 1950–1960-х годов.	31
Осипова Е. П. Константиновский говор в поэтических произведениях С. А. Есенина как попытка создания литературного микроязыка.	42
Пивоварчик Т. А. Прагматика выбора кванторных местоимений для указания на неопределённо-множественного субъекта авторизации в медиатексте	56

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Круглова Е. Е. Три собаки в рассказе И. С. Тургенева «Собака»: о роли бессознательного в поэтике писателя.	68
Маньшиев С. С. Значение переводной антологии «Поэты Франции. 1870–1913» в творчестве И. Г. Эренбурга.	76
Полтавец М. А. Два «демона»: история создания либретто и постановок опер по одноимённой поэме М. Ю. Лермонтова «Демон»	84
Пронченко С. М. Поэтонимы в мистическом рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака»	91
Ши Юйцин. Жанровые разновидности рассказа и типология характеров в творчестве Виктора Драгунского.	99

РЕЦЕНЗИИ

Алексеева Л. Ф. Рецензия на книгу: Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география / науч., отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. 412 с.	108
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Милянчук Н. С., Шереметьева Е. С. Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Всероссийская научная конференция с международным участием, посвящённая 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной.	114
---	-----

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- A. Vatina.** Peculiarities of the Semantics of Bisubstantive Sentences with a Neutral Evaluative Meaning 6
- A. Glazkov.** Situationality as a Basis of Text Coherence 13
- S. Kolesnikova, O. Morozova.** Significance of Measures and Degrees in Eupemistic Constructions in the Russian Language 25
- E. Kulicheva.** Representation of the Concept of Music in the Creative Heritage of F. A. Vigdorova in the 1950s–1960s 31
- E. Osipova.** The Konstantinovo Dialect in the Poetic Works of Sergey Yesenin as an Attempt to Create a Literary Micro-Language 42
- T. Pivavarchyk.** Pragmatics of the Choice of Quantifier Pronouns to Indicate the Indefinite-Plural Subject of Authorization in a Media Text 56

LITERARY STUDIES

- E. Kruglova.** Three Dogs in the Story of I. S. Turgenev “The Dog”: The Role of the Unconscious in the Poetics of the Writer 68
- S. Manyshev.** Effect of the Translated Anthology “Poets of France. 1870-1913” in the Works of Ilya Ehrenburg 76
- M. Poltavets.** Two “Demons”: The History of the Creation of a Libretto and Stage Pieces of Operas Based on M. Lermontov’s Poem “Demon” 84
- S. Pronchenko.** Poetonyms in the Mystical Story of A. K. Tolstoy “The Family of the Ghoul” . . 91
- Shi Yuqing.** Genre Varieties of Short Stories and Typology of Characters in the Work of Victor Dragunsky. 99

REVIEWS

- L. Alekseeva.** Book Review: Shubnikova-Guseva N. I., ed. The Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Iss. 1: Memorial Places and Literary Geography. Konstantinovo, State Museum-Reserve of S. Yesenin Publ., 2020. 412 p. 108

SCIENTIFIC LIFE

- N. Milyanchuk, E. Sheremetyeva.** Russian Syntax: from Structures to Functioning: All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 95th Birthday of Doctor of Philological Sciences, Professor Alla Fedorovna Priyatkina. . 114

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-6-12

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕЙТРАЛЬНО ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Ватина А. Е.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Московский энергетический институт

111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить, какие смыслы и с помощью каких конструкций выражают бисубстантивные предложения с нейтрально оценочным значением.

Процедура и методы. Функционально-семантический анализ бисубстантивных предложений с нейтрально оценочным значением в текстах разных жанров.

Результаты. По итогам исследования выявлены частотные смыслы, выражаемые в бисубстантивных предложениях при описании людей, определены типовые конструкции, используемые в предложениях с нейтральной оценкой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется уточнением семантики бисубстантивных предложений, расширением представления о нейтральном оценочном значении, определённым вкладом в методику лингвистического анализа текста. Материалы работы могут быть использованы в практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, глагол-связка, нейтральная оценка, оценочная шкала, функционально-семантический анализ

PECULIARITIES OF THE SEMANTICS OF BISUBSTANTIVE SENTENCES WITH A NEUTRAL EVALUATIVE MEANING

A. Vatina

Moscow Power Engineering Institute

ul. Krasnokazarmennaya 14, Moscow 111250, Russian Federation

Moscow Region State University

ul. Veri Voloshinoy 24, Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to determine meanings and grammar constructions that are used to express bisubstantive sentences with a neutral evaluative meaning, as well as constructions that are used in such sentences.

Methodology. The research relies on the functional-semantic analysis of bisubstantive sentences with a neutral evaluative meaning in texts of different genres.

Results. The study makes it possible to reveal frequent meanings expressed in bisubstantive sentences when describing people, as well as typical constructions used in sentences with neutral evaluation.

Research implications. The theoretical significance of the paper is determined by the clarification of the semantics of bisubstantive sentences, the expansion of the concept of a neutral evaluation, and a certain contribution to the method of linguistic analysis of a text. The materials of the research can be used in the practice of teaching the modern Russian language.

Keywords: bisubstantive sentences, linking verb, neutral evaluative meaning, evaluation scale, link-verb, functional-semantic analysis

Введение

Оценочные значения в языке могут выражаться различными способами: имплицитно и эксплицитно, при помощи лексики с оценочным значением, фразеологических сочетаний, аффиксов субъективной оценки, степеней сравнения прилагательных и наречий, прецедентных имён и т. д. Оценка может выражаться графически и интонационно.

Рассматривая общий характер, исследователи обычно говорят о положительной и отрицательной оценках. Е. М. Вольф [3, с. 8], Н. Д. Арутюнова [1, с. 6], Г. фон Вригт [4, с. 437], Т. В. Маркелова [10] и другие лингвисты выделяют две группы оценок: общую оценку (хорошо / плохо) и частную оценку по какому-либо признаку. А. А. Ивин разделяет оценки на две группы: абсолютные (хорошо – безразлично – плохо) и сравнительные (лучше – равноценно – хуже) [8, с. 28–43]. Мы предлагаем использовать оценочную шкалу «хорошо / плохо» и учитывать нейтральную оценку (нулевую, нормативную). В рамках темы данного исследования проводится функционально-семантический анализ с целью выявить семантико-прагматические особенности БП с нейтрально оценочным значением.

Нейтральная оценка на оценочной шкале

Характер оценки обозначает положительное, отрицательное или нейтральное отношение субъекта к оцениваемому объекту. Нейтральная оценка представляет собой центр оценочной шкалы «хорошо / плохо»: *Покровителем послов в Древней Греции был Гермес. Участниками конкурса стали иностранные студенты.* Стоит отметить, что нейтральная оценка может меняться на положительную или от-

рицательную в зависимости от контекста. Например, предложение *Мой знакомый – коммунист* нейтральное. Но оценка может измениться как на положительную, так и на отрицательную – необходимо учитывать множество факторов, например, кто говорящий и каких политических взглядов он придерживается, время и место произнесения и т. д. Во времена СССР на территории бывших союзных республик слово *коммунист* имело высокое и пафосное значение и обладало положительной оценкой: *Но, у Коровье, по всему видать, сложилось убеждение, что коммунист – это лучшее русское имя, которое даёт самым достойным, пусть даже не русским*¹. *Неудобнов замечательный человек, кристально честный, несгибаемый коммунист сталинской складки*². В наше время слово *коммунист* может употребляться с отрицательной оценкой: – *Каменченко ...–... морда, фашист, коммунист...*³. *Папа у меня коммунист / мама моя всё время кричала / «Что ты такой коммунист/ никогда ничего в дом не можешь!»*⁴. Таким образом, при анализе оценочных значений бисубстантивных предложений необходимо учитывать контекст высказывания.

¹ Рыхтэу Ю. В долине Маленьких Зайчиков (1962) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 28.09.2021).

² Гроссман В. Жизнь и судьба. Часть 2 (1960) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 28.09.2021).

³ «Я там, а вы — здесь. Счастливы оставаться». Lenta.ru, 2017.12.23 // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Истоки (Крестцы). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2008). ТК «Культура» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 28.09.2021).

Смыслы, выражаемые в бисубстантивных предложениях с нейтральной оценкой

Бисубстантивные предложения (БП) – это особый тип двусоставного предложения, который выявлен и описан впервые Н. А. Герасименко [5]. Для БП характерны определённые структурно-семантические особенности и функциональная специфика, и они играют важную роль в отражении мыслительной деятельности человека. Существуют разные виды значений, которые могут быть реализованы в этом типе предложений. Н. А. Герасименко описала БП со значениями характеристики лица, состояния (см. также: О. Г. Берестова [2]), превращения (см. также: М. А. Степанчиков [12, с. 238]), с таксономическим значением (см. также: Н. А. Герасименко [6, с. 27], с семантикой сходства и сравнения (см. также: Е. С. Прокофьева [11, с. 1]).

До сих пор не были описаны бисубстантивные предложения со значением оценки, хотя оценочный компонент присутствует, по нашему мнению, во всех этих предложениях. Существуют лишь отдельные статьи, в которых авторы упоминают данное значение (например, Л. А. Калинина [9] и Н. А. Герасименко [7]).

Существует мнение, что нейтральная оценка используется в языке реже, чем положительная или отрицательная¹. Нами были собраны и проанализированы около 550 примеров БП из публицистики, художественной и научно-популярной литературы, среди которых 184 предложения характеризовались нейтральной оценкой, не имели ни контекстуальной, ни прямой оценки (примерно 34% от общего числа предложений). 242 предложения имели положительную оценку (44%), и 115 – отрицательную (21%). Мы допускаем, что для более точного вывода нужно проанализировать больший массив данных, а также что подобные результаты

могут быть связаны с неровным распределением примеров по жанрам: примеры из художественной литературы составили 58% от общего числа предложений, из публицистики – 41%, из научно-популярной литературы – 1%. Однако проанализированные примеры позволяют показать примерное распределение оценочных смыслов в разных стилях русского литературного языка.

Значительную часть предложений с нейтральной оценкой составляют предложения о живых существах – 66 предложений (35% от общего числа). Из всех предложений о живых существах мы отобрали 55 предложений, в которых речь идёт о людях, и проанализировали, какие смыслы выражаются в данных предложениях. **Выявлены следующие группы: профессия или род занятий, качество, социальный статус, национальность и этнос, именование, возраст и сходство.** В группах возраст, сходство, национальность и именование количество примеров не превышает 1–3, поэтому пока они не могут быть подвергнуты анализу.

Профессия или род занятий

Самыми частотными примерами оказались предложения, в которых предикат выражал принадлежность к определённой профессии или указывал на род занятий субъекта (26 примеров). Среди этих примеров были выявлены 2 разные конструкции.

1. И. п. (кто) быть / стать / становиться / являться / выступить Т. п. (кем).

В этих предложениях нейтральная оценка сохраняется благодаря отсутствию оценочной лексики, эмоционально окрашенных существительных и оценочных прилагательных: **Валерия Алексеевна была членом редколлегии журнала «Электричество», «Вестник высшей школы»**². Характеристика лица по профессии в данном контексте не предполагает оценочных смыслов.

¹ Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке: учебное пособие по спецкурсу. М.: Изд-во МПУ, 1993. С. 61.

² Энергетик: многотиражная газета. 2021.05. С. 9.

К данной группе примеров мы относим предложения не только с обозначением профессии, но и с указанием рода занятий, должности. Род занятий понимается шире, чем профессия, т. к. предполагает любую деятельность, выполняемую человеком, в том числе и для удовлетворения своих материальных потребностей. В некоторых случаях род занятий и профессия совпадают. К роду занятий относятся такие слова, как *спикер, деловой партнёр, член команды, донор* и др. Рассмотрим следующее предложение: *Впервые я попробовала стать донором в этом году – как раз в МЭИ объявили о Дне Донора*¹. Слово *впервые* показывает, что для субъекта донорство имеет значение рода занятий, подчёркивается, что человек уже был донором или планирует ещё раз стать донором в будущем. Донор – не профессия, т. к. не предполагает наличия квалификации. Использование фазисной модификации не влияет на формирование оценочного отношения, предложение сохраняет нейтральную оценку.

2. И. п. (кто) – И. п. (кто).

Особенностью БП в этой конструкции является нулевая форма связки *быть*, которая во всех формах наиболее продуктивна в значении тождества, особенно в предложениях с нейтрально оценочным значением. В предложении *Он – автор целого ряда книг для детей и юношества*² нет указания на профессию, т. к. не существует такой квалификации – *автор*. Это человек, который создаёт какое-либо произведение, что является результатом деятельности, его рода занятий, например, в данном предложении, результатом писательства.

Среди всех БП со значением профессии или рода занятий человека, а также результата его рода занятий самой продуктивной конструкцией оказалась конструкция И. п. (кто) быть / стать Т. п. (кем) – 22 предложения. Конструкция И. п. (кто) – И. п. (кто) встретила в 4 предложениях.

Качество

Вторыми по частотности (14 примеров) стали предложения со значением качества. В эту группу относятся такие слова, как *победитель, проигравший, увлечение, обладатель* и др. Мы встретили 4 разные конструкции, две из которых уже рассматривались нами ранее, и отметили, что чаще всего встречались предложения с лексемой *победитель*. Данная лексема означает не род занятий, а выделение кого-то из группы по его ценности для данного вида деятельности по его качествам. *Победитель* показывает статус субъекта относительно других в группе, выделяя его качественное значение «первый из всех». В предложении *Победителями соревнований в своих весовых категориях стали керчанин Константин Луговской и симферополец Павел Дорошилов*³ слово *победитель* нейтрально и обозначает участие и факт победы определённых участников. Похожее значение участия и победы присутствует у лексики *обладатель*: *Обладателями бронзовых медалей стали Арсен Халилов из Старого Крыма и бахчисараец Ариф Феттаев*⁴. Это качественная характеристика участников, то, насколько они лучше или хуже остальных членов группы.

У предложений с подобными лексемами оценка может измениться независимо от дополнительных лексических средств: *Ведущие Радио МЭИ – победители Московской студенческой весны 2021*⁵. Несмотря на внешнюю нейтральность предложения, в нём присутствует положительная оценка, т. к. оно было опубликовано в студенческой газете университета с целью чествования членов своей группы.

Среди всех примеров группы «качество» встречаются уже описанные выше конструкции:

1) И. п. (кто) быть / являться / стать Т. п. (кем);

2) И. п. (кто) – И. п. (кто).

¹ Энергетик: многотиражная газета. 2021.04. С. 17.

² Энергетик: многотиражная газета. 2021.05. С. 10

³ Крымская газета. 2020. 06 нояб. С. 29

⁴ Крымская газета. 2020. 06 нояб. С. 29.

⁵ Энергетик: многотиражная газета. 2021. Июнь. С. 4.

Проанализируем интересный, на наш взгляд, пример. В предложении *Для России Патюс – всего лишь одно из предраспутинских увлечений императрицы Александры Федоровны*¹ нейтральная оценка проявляется благодаря сочетаниям *всего лишь* и *одно из*, устанавливающих значение **неважности**, типичности, обыденности данного человека, исключающих его особенность.

3. И. п. (кто) относиться к Д. п. (к кому / к чему).

В данной конструкции Д. п. может быть выражен неодушевлённым существительным, относящимся по смыслу к одушевлённому в Р. п.: *к числу, к разряду*. В предложении *Поэтому Пер-Лашез – истинная отрада для франкофила, к числу которых относится 99 % человечества* за исключением разве что корсиканских и новокаледонских сепаратистов² автор делится своим мнением о всеобщей любви к Франции, но не добавляет оценочной характеристики, в отличие от первой части предложения, где при помощи словосочетания *истинная отрада* БП получает положительную оценку. Франкофил не является профессией или родом занятий. Это качественная характеристика человека по его увлечениям.

В предложении *При всей причудливости своих биографий эти четверо гринвудцев безусловно относятся к разряду «типичных представителей»*³ автор относит этих персонажей к **типичной** категории людей. По контексту мы понимаем, что графическое выделение кавычками не влияет на оценку и лишь показывает, что данное наименование является знакомым и понятным большинству русских людей по школьной программе, в которой сочетание «типичный представитель» было штампом. В качестве безоценочной характеристики используется прецедентный текст.

В БП для описания качественной характеристики людей наиболее частотной кон-

струкцией оказалась конструкция И. п. (кто) быть / стать Т. п. (кем) – 10 примеров. По 2 примера у конструкций И. п. (кто) – И. п. (кто) и И. п. (кто) относиться к Д. п. (к кому / к чему). Последняя конструкция может использоваться в сочетании с Р. п. после Д. п. Нейтральная оценка образуется при описании обычности, типичности субъекта или безразличного отношения автора к субъекту.

Социальный статус

8 примеров характеризуют значение принадлежности к социальной группе или социальный статус человека. Под этими категориями мы понимаем положение человека в обществе, которое он занимает в соответствии со своим полом, возрастом, семейным положением, профессией и другими показателями. Повторяются две описанные ранее модели.

1. И. п. (кто) быть / становиться / стать Т. п. (кем).

В предложении *При этом если государственный гражданский служащий увольняется со службы, он становится обычным гражданином и может идти на страховую пенсию по общему принципу*⁴ значение нормальности, обычности и типичности, отношения к большинству формирует нейтральную оценку. *Обычный гражданин* показывает социальный статус человека, его налоговый статус, социальные льготы и возможности.

2. И. п. (кто) – И. п. (кто).

В предложении *Основная масса жильцов – пенсионеры*⁵ прилагательное *основная* обозначает среднего, обычного, типичного жильца и является показателем нейтральной оценки.

При описании социального статуса человека наиболее продуктивными являются конструкции И. п. (кто) быть / стать Т. п. (кем) (6 предложений) и И. п. (кто) – И. п. (кто) (2 предложения). На формирование нейтральной оценки влияют наличие таких прилагательных, как *обычный, основной*, а также нейтральный контекст, ситуация общения.

¹ Акунин Б. Кладбищенские истории: роман. М.: АСТ, 2020. С. 108.

² Акунин Б. Кладбищенские истории: роман. М.: АСТ, 2020. С. 93.

³ Акунин Б. Кладбищенские истории: роман. М.: АСТ, 2020. С. 230.

⁴ Крымская газета. 2020. 06 нояб. С. 21.

⁵ Крымская газета. 2020. 06 нояб. С. 9.

Заключение

Таким образом, мы выявили наиболее частотные смыслы (профессия и род занятий, качество, социальный статус), выражаемые в бисубстантивных предложениях с нейтральной оценкой при описании людей, и конструкции, используемые для выражения этих смыслов (конструкции с глаголами-связками *быть, являться, стать, становиться*, а также с нулевой формой связи *быть*).

На формирование нейтральной оценки влияют грамматические и лексические факторы. Главные значения, заключающие в себе нейтральное отношение, – это зна-

чения типичности, обыденности, неважности, усреднённости и факта действительности. Но в большинстве случаев нейтральная оценка может измениться, сдвинувшись по шкале оценки в положительную или отрицательную сторону. На это влияет множество факторов, таких как место и время публикации текста, а также его прочтение, субъективное отношение автора и читателя в зависимости от пола, возраста, социального статуса, политических взглядов и др. Эти факторы должны быть выявлены и учтены при анализе примеров.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Берестова О. Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2003. 166 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002. 261 с.
4. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования: избранные труды / пер. с англ.; под ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. 594 с.
5. Герасименко Н. А. Бисубстантивный тип русского предложения: монография. М.: Сигнал, 1999. 292 с.
6. Герасименко Н. А. Предложения с таксономическим значением в русском языке // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С. 27–29.
7. Герасименко Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3 (268). С. 37–42.
8. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Директ-Медиа, 2015. 337 с.
9. Калинина Л. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения аксиологической оценки в произведениях Л. Улицкой [Электронный ресурс] // V Флоровские чтения: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, г. Глазов, 2019 г. Глазов: ГППИ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
11. Прокофьева Е. С. Бисубстантивные предложения с семантикой сходства и сравнения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
12. Степанчиков М. А. Бисубстантивные предложения с семантикой превращения в современной прессе // Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию проф. П. П. Шубы): сборник материалов VII Международной научной конференции, г. Минск, 18–19 октября 2016 г. Минск: РИВШ, 2016. С. 238–242.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation, Event, Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
2. Berestova O. G. *Bisubstantivnye predlozheniya so znacheniem sostoyaniya litsa v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Bisubstantial Sentences with the Meaning of the State of a Person in the Modern Russian Language: Cand. Sci. in Philological Sciences]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2003. 166 p.
3. Volf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, URSS Publ., 2002. 261 p.
4. Wright G. H. Explanation and Understanding (Rus. ed.: Ruzavin G. I., Smirnova V. A., eds. *Logiko-filosofskie issledovaniya*. Moscow, Progress Publ., 1986. 594 p.).
5. Gerasimenko N. A. *Bisubstantivnyi tip russkogo predlozheniya* [Bisubstantial Type of the Russian Sentence]. Moscow, Signal Publ., 1999. 292 p.

6. Gerasimenko N. A. [Sentences with a Taxonomic Meaning in the Russian Language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2012, no. 11, pp. 27–29.
7. Gerasimenko N. A. [Ligamentous-substantive Predicate as a Reflection of Dynamic Processes in the Russian Language Picture of the World]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2018, no. 3 (268), pp. 37–42.
8. Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the Logic of Evaluations]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2015. 337 p.
9. Kalinina L. A. [Bisubstantial Sentences as a Means of Expressing an Axiological Evaluation in the Works of L. Ulitskaya]. In: *V Florovskie chteniya: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Glazov, 2019 g.* [V Florov Readings: Materials of the All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference, Glazov, 2019]. Glazov, Glazov State Pedagogical Institute Publ., 2019. 1 CD-ROM.
10. Markelova T. V., Petrushina M. V. *Otsenochnye vyskazyvaniya v kommunikativnom prostranstve russkogo yazyka* [Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian language]. Moscow, Institute of Contemporary Art Publ., 2019. 232 p.
11. Prokof'eva E. S. *Bisubstantivnye predlozheniya s semantikoi skhodstva i sravneniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Bisubstantial Sentences with the Semantics of Similarity and Comparison in the Modern Russian Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 22 p.
12. Stepanchikov M. A. [Bisubstantial Sentences with the Semantics of Transformation in the Modern Press]. In: *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 95-letiyu BGU, 50-letiyu kafedry russkogo yazyka, 90-letiyu prof. P. P. Shuby): sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Minsk, 18–19 oktyabrya 2016 g.* [The Russian Language: System and Functioning (To the 95th Anniversary of the Belarusian State University, the 50th Anniversary of the Russian Language Department, the 90th Birthday of Prof. P. P. Shuba): collection of materials of the VII International Scientific Conference, Minsk, October 18–19, 2016]. Minsk, Republican Institute of Higher Education Publ., 2016, pp. 238–242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ватина Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета, ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Московского энергетического института;
e-mail: an.vatina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya Y. Vatina – Postgraduate Student, Department of the Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Moscow Region State University; Assistant, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, Moscow Power Engineering Institute;
e-mail: an.vatina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ватина А. Е. Особенности семантики бисубстантивных предложений с нейтрально оценочным значением // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-6-12

FOR CITATION

Vatina A. E. Peculiarities of the Semantics of Bisubstantive Sentences with a Neutral Evaluative Meaning. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-6-12

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24

СИТУАЦИОННОСТЬ КАК ОСНОВА КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА

Глазков А. В.*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить, что семантическая категория ситуационности лежит в основе когерентности как категории текстuality.

Процедура и методы. Рассмотрены возможные подходы к понятию ситуации, и соотнесены понятия ситуации и когерентности. Использованы методы лингвистического анализа текста и теоретико-множественный подход.

Результаты. Доказано, что ситуационность лежит в основе когерентности текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в разработку теории текстuality и представляет алгоритм для ситуационного анализа текста.

Ключевые слова: когерентность, лингвистика текста, ситуация, ситуационность, ситуационная семантика, текст

SITUATIONALITY AS A BASIS OF TEXT COHERENCE

A. Glazkov*Russian Academy of National Economics and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the paper is to establish that the situationality as a category of the semantics underlines the coherence as a category of textuality.

Methodology. The paper considers different approaches to the notion of situation and the relationship between the notions of situationality and coherence. The methods of linguistic text analysis and the set-theoretical approach are used.

Results. It is proven that situationality underlines the coherence.

Research implications. The results of the study contribute to the textuality theory and offer an algorithm for a situational analysis of a text.

Keywords: coherence, text linguistics, situation, situationality, situational semantics, text

Введение

Основную проблему лингвистического описания когерентности можно сформулировать так: все знают, что когерентность существует, но как формализовать её описание? Часто повторяемое определение, согласно которому когерентность – это отражение внутренней цельности текста, ни к чему не приводит: неясно, как исследовать эту внутреннюю цельность, из чего она складывается. На наш взгляд, путь к ответу на этот вопрос был дан в замечательной книге Л. Н. Мурзина и А. С. Штерн «Текст и его восприятие», где авторы связали текстовую категорию когерентности с более широкой категорией ситуационности. Авторы высказали идею, что цельность текста надо искать не в самом тексте, а во внетекстовой действительности, но на конкретный текст оказывает воздействие не действительность во всём её объёме, а какая-то её часть, ситуация.

На этом основании они предложили говорить о ситуативности как о свойстве текста – связи текста с внетекстовой ситуацией. Обсуждая понятие ситуации в лингвистике текста, Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн высказали мнение, что «морфема, слово, словосочетание или даже предложение сами по себе, как некоторые отвлечённые единицы, лишены ситуативности и приобретают её только в тексте, через посредство текста, можно сказать, заимствуют её из текста» [6, с. 13]. Авторы определили ситуационность как соотносённость с ситуацией, но (как, впрочем, и многие другие лингвисты), к сожалению, оставили без определения сам термин «ситуация». При таком раскладе не представляется возможным согласиться или не согласиться с этим положением. Остался без рассмотрения и вопрос, как же связываются между собой ситуационность и когерентность, однако, как нам кажется, он является ключевым для решения проблемы формализации когерентности. В настоящем исследовании мы ставим перед собой цель показать, как нам видится соотношение категорий когерентности и ситуационности в теории текста. Для этого мы вначале рассмотрим отдельно каждую из этих категорий, а затем покажем, каким образом они взаимодействуют в когерентном пространстве текста.

Текстуальность и её категории

Предваряя разговор о когерентности, выскажем существенное положение: когерентность является не категорией текста, а категорией текстуальности.

Проблема описания текста заключается в том, что текст не имеет специфических формальных средств, позволяющих утверждать, что данная цепочка предложений обладает свойствами текста. Более того, даже единицы текста неспецифичны. Попытки увидеть какую-то чёткую единицу текста не увенчиваются успехом: нет строгих принципов, которые позволили бы однозначно разделить текст на СФЕ или на лексии. Структурирование сюжета тоже приводит к выделению композиционных

единиц, не обладающих строгими границами. Структура нарратива, разработанная У. Лабовом [16], оказывается сравнительно чёткой только у небольших текстов, устных рассказов о значимом для автора событии.

Отсутствие специфических единиц не даёт возможностей исследователю разработать систему категорий, опираясь на форму, как это имеет место, например, в грамматике. Следствием становится то, что в лингвистике текста, во-первых, нет единого инвентаря категорий текстуальности, а во-вторых, нет единого понимания стандартно выделяемых категорий.

Справедливо возникает вопрос: что следует понимать под категорией в лингвистике текста?

В качестве блестящего примера логичного выделения категории можно обратиться к классическому труду М. Халлидэя и Р. Хасан «Когезия в английском языке» [15]. Авторы выделяют всего одну ключевую категорию когезии, но вписывают её в систему. Логическое основание для системы получает название текстуры. Под текстурой авторы понимают свойство бытия текстом и противопоставляют её структуре, характерной для синтаксических конструкций. Когезия рассматривается как семантическая категория, устанавливающая семантические отношения между составляющими текста. Обратим внимание, что на этом этапе нет никаких средств выражения. Они обнаружатся на следующей ступени, которую авторы называют термином *связь* (*tie*). При этом средства выражения – связи – становятся таковыми не вообще, а в тех случаях, когда это необходимо, когда когезия «заставляет» их стать средствами связи. Необязательность же продиктована текстурой как спецификой текста, в то время как структура, специфическое свойство предложения, требует обязательности. Таким образом, выстраивается система, где существуют цель (в данном случае – текстура) и инструменты (связь), а между ними находится единица управления (категория, здесь – когезия), которая приводит в действие инструменты для достижения цели.

Вполне удачный термин *текстура* не прижился в лингвистике текста. На его замену пришёл термин *текстуальность* (видимо, потому что доминирует в лингвистике текста немецкая наука, где принят термин *Tekstualität*). Обзор разных подходов к понятиям текстуры и текстуальности представлен в статье Т. Н. Федуленковой [10].

Введение в научный обиход термина *текстуальность* обычно связывают с классической работой Р.-А. де Богранда и В. Дресслера «Введение в лингвистику текста» [13]. Собственно, вся работа представляет собой обзор текстуальности, в котором авторы выделили 7 категорий, названных термином *Kategorien* в немецкой версии и *standards* в английской версии книги. Точного определения понятия *текстуальность* в работе нет, но оно очень чётко выделяется логически: это то, без чего текст не может существовать; текст невозможен, пишут авторы, если отсутствует хотя бы один из критериев. Представленная классификация является на сегодняшний день одной из самых известных в лингвистике текста. При всей чёткости выделения критериев классификации не хватает привязки критериев к тому или иному аспекту текста. Очевидно, что когезия ориентирована на текст как замкнутую структуру, а интертекстуальность – на текст как высказывание в системе текстов. Об этом в работе сказано, но сами критерии никак не структурированы.

Иначе подошёл к проблеме К. Бринкер. Задачей лингвистики текста он назвал систематическое описание условий и правил «текстовой конституции» (*Textkonstitution*), необходимых для обеспечения восприятия текста [14, р. 9]. Эта текстовая конституция и представляет собой текстуальность. В ней выделены три аспекта анализа: структура, функция и жанры текста. Категориями соответственно являются когерентность, система прагматических функций и система жанров.

И. Р. Гальперин не использовал специального термина для обозначения объединяющего понятия всех текстовых категорий. Его подход к выделению категорий текста

несколько отличается от представленных выше. Категория в его трактовке близка к трактовке этого термина в грамматике, где грамматическая категория необходимо находит своё отражение в грамматической форме. Такой подход подразумевает значительный удельный вес формы и позволяет автору утверждать: «Рассматривая категории текста как грамматические, приходится, однако, признать, что не все они присущи любому тексту и не всегда осознаются как наличествующие даже там, где они обязательны» [1, с. 22–23]. Анализ таких категорий должен быть исключительно «снизу вверх» – от формы к характеристике категории.

Мы предлагаем использовать другую модель. Вершинную позицию в этой модели занимают свойства текста – очевидные признаки, имманентно присущие тексту. Следующий уровень занимают категории текстуальности. Поскольку они имеют статус категорий, они не могут присутствовать в большей или меньшей степени. Это система управления всем текстом. Но поскольку они абстрактны, они связаны с языковым выражением и управляют прежде всего этой системой, занимающей более низкое положение в модели. На наш взгляд, исходить при анализе текста из языкового выражения нельзя потому, что любая языковая единица в предложении не является непосредственно единицей текста. Чтобы функционировать в тексте, ей нужны особые условия, которые задаются категориями текстуальности. Поскольку текст не имеет собственной системы выражения, он использует языковые единицы, наделяет их особыми функциями, но только тогда, когда начинают действовать механизмы текста, а они определяются текстовыми категориями. Мы полагаем, что любая категория текстуальности – это не категория-ответ, а категория-вопрос. Она требует от автора и читателя ответа, как она действует на данном участке текста. Это утверждение вполне согласуется с указанием на роль категорий текстуальности в концепции Р.-А. Богранда и В. Дресслера: отсутствие хотя бы одной категории фатально для текста, он должен характеризоваться исключительно наличием всех категорий.

Когерентность

Когерентность занимает особое положение в ряду категорий текстуальности, т. к. она, если можно так сказать, максимально семантична и меньше всего привязана к языковым средствам, а поэтому формализация когерентности – трудно решаемая проблема.

Обычно когерентность определяется как категория, обеспечивающая цельность текста. Очевидно, что приравнять цельность к когерентности нельзя, поскольку первая – это свойство текста, а вторая – категория, в которой реализуется названное свойство (см. подробнее нашу статью [4]).

Анализируя разные подходы к проблеме текстуальности в целом и когерентности в частности, В. Е. Чернявская указывает, что современный подход к анализу текста является когнитивно-дискурсивным, и полагает, что «когерентность не статичное, раз и навсегда данное качество текста, но когнитивный процесс, в котором интерпретирующему субъекту, реципиенту принадлежит активная роль в раскрытии текстового (коммуникативного) назначения» [11, с. 310]. Автор текста при этом выступает как фигура, стимулирующая указанные процессы. Такой подход к когерентности следует признать адекватным, поскольку он связывает её с проблемой интерпретации текста. Интерпретирующим субъектом при этом следует считать не только читателя, но и автора текста, который задаёт некоторую интерпретацию, с которой совпадёт или не совпадёт интерпретация читателя. Однако динамический подход к текстуальности не отменяет статического подхода: интерпретация никогда не является интерпретацией вообще, она представляет собой интерпретацию чего-либо. Следовательно, для динамического процесса необходимо существование некоторых статических отношений, лежащих в основе интерпретации.

Какие единицы связываются когерентными отношениями? В общем виде проблема выглядит так. Пусть даны две единицы X и Y. Обозначим когерентность через K°. Тогда выражение X K° Y будет означать,

что единицы X и Y когерентны. Что это значит? Пусть существует некоторое множество T. Будем говорить, что X и Y когерентны в T, если имеются некоторые условия, позволяющие X и Y непротиворечиво сосуществовать в T. Эти условия и будут когерентностью между X и Y.

Если мы скажем, что текст когерентен вообще, такое утверждение не решит проблемы в принципе, т. к. как из него будет следовать, что любое изучение текста – это изучение его когерентности, а значит, быть текстом и быть когерентным – это одно и то же. К тому же такое решение не будет исключать поиска в системе текста таких минимальных единиц, между которыми возникают отношения когерентности.

Как писал Ф. Соссюр, в языке нет ничего, кроме отношений [8]. Отношения могут быть выражены только двумя способами: либо между означающим и означаемым внутри языковой единицы, либо между языковыми единицами – и третьего не дано. Поскольку в языке отсутствуют специфические средства для выражения отношений в тексте, любой вид отношений должен обнаруживаться из системы каких-то единиц, входящих в текст. Для любого вида отношений должна существовать минимальная пара единиц, между которыми эти отношения формируются. Это справедливо и для текстовых категорий, в том числе для когерентности. Такими единицами могли бы быть сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое, однако если их признать минимальными единицами, между которыми возникает когерентность, то все входящие в них единицы окажутся вне когерентности, что странно. Когерентность нельзя будет установить между предложениями. Кроме того, все составляющие сверхфразового единства или сложного синтаксического целого контактны, тогда когерентность не удастся установить у неконтактных единиц.

Из сказанного следует, что претендентами на минимальные единицы, между которыми возникают отношения когерентности, оказываются предложения и

пропозиции. На наш взгляд, допустимы оба решения, но если рассмотреть в качестве элемента пропозицию, то пространство когерентности окажется чрезвычайно обширным, захватит все полипропозитивные предложения и тексты, тем самым не будет возможным рассмотреть когерентность как категорию текстуальности (если использовать терминологию М. Халлидея и Р. Хасан, возникнет исследовательский конфликт между текстурой и структурой). Поэтому мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой отношения когерентности возникают между предложениями, а минимальной единицей когерентности является пара предложений. Тогда мы можем дать такое определение когерентности: *Когерентность как категория текстуальности устанавливает, что выраженные в предложениях значения взаимно непротиворечивы.*

Данное определение требует двух уточнений. Во-первых, что должно пониматься под взаимной непротиворечивостью, а во-вторых, как она исчисляется. На уровне очевидного взаимная непротиворечивость есть ощущение того, что два предложения могут сосуществовать и формировать цепочку, т. е. последовательность предложений. Покажем это на простом примере. Пусть мы имеем две пары предложений.

(1) Анна пошла на каток. Анна вернулась со сломанной ногой.

(2) Анна пошла к другу. Анна вернулась со сломанной ногой.

Очевидно, что семантическая непротиворечивость между предложениями в паре гораздо выше в примере (1), чем в примере (2). Действительно, сломать ногу на катке представляется вполне вероятным событием, в то время как поход к другу гораздо менее травмоопасен, а поэтому требуется разъяснение (или предположение), как это могло случиться. Представим это в другой форме. Между предложениями пары (1) можно разместить предложение типа *На катке можно получить травму*. В рамках текста оно избыточно, поскольку содержит тривиальную информацию, легко восстанавливаемую из отношений между пред-

ложениями. Эти отношения носят прагматический характер, если понимать под объектом прагматики не выраженные напрямую значения. Назовём предложения, подтверждающие когерентность двух данных предложений, *прагматическим дополнением*. Обозначим его знаком $\tilde{N}$ и запишем: $K^\circ (\tilde{N}: P_1, P_2)$. Будем читать: Предложения P_1 и P_2 когерентны при условии прагматического дополнения $\tilde{N}$. Формулу можно расширить, записав так: $K^\circ (\tilde{N}: P_1, \dots, P_n)$, что будет означать: цепочка предложений от P_1 до P_n когерентна при условии данного прагматического дополнения. Собственно говоря, эту запись вполне можно считать формулой когерентности любых цепочек предложений вплоть до текста.

Пример (2) в таком случае отличается от примера (1) тем, что в нём не удаётся выделить столь же просто прагматическое дополнение, лишаящее предложения противоречивости. Это подтверждает идею, что прагматическое дополнение обеспечивает когерентность пары предложений.

Прагматическое дополнение

Вводя термин *прагматическое дополнение* для обозначения невыраженного значения, необходимого для обеспечения когерентности предложений, мы апеллируем к понятию *free pragmatic enrichment* (*свободное прагматическое обогащение*), используемому прежде всего в прагматике условий истинности. Ф. Реканати определил его как процесс, благодаря которому в передаваемое сообщение включаются все подразумеваемые в контексте элементы, не являющиеся частью буквального значения высказывания [18, р. 67]. Из определения следует, что свободное прагматическое обогащение приводит к модификации смысла высказывания (именно так оно и рассматривается в прагматике, см. [17; 19]). Вводимое нами понятие *прагматическое дополнение* близко, но не тождественно прагматическому обогащению.

Прагматическое обогащение относится к числу невыраженных составляющих (*unarticulated constituent*). Приведа обзор

разных трактовок этого понятия, Я. Хуан определил невыраженную составляющую как семантически релевантный, но лингвистически не выраженный компонент значения [20, р. 4]. Выделенное нами прагматическое дополнение также относится к невыраженным составляющим, но входит оно в систему значения не предложения, а текста. Прагматическое дополнение возникает при сопоставлении двух или более предложений и представляет собой ответ на вопрос о когерентности: если такой ответ (прагматическое дополнение) находится, предложения воспринимаются как когерентные, если нет – предложения воспринимаются как некогерентные, между ними возникает когерентный конфликт, требующий разрешения, например, в виде расширения зоны текста, на которой устанавливается когерентность.

Связи между предложениями оказываются более или менее тесными. Это позволило П. Пейджину связать когерентность с прагматическими процессами и получить пятичленную шкалу:

- 0) нулевая когерентность (vacuity);
- 1) когерентность на основе смежности;
- 2) когерентность на основе подобия;
- 3) возможность;
- 4) необходимость [17, р. 70].

Нулевой уровень демонстрирует отсутствие когерентности. Его можно увидеть на следующем примере

(3) *Анна сломала ногу. Я люблю сливы.*

Нет никаких оснований, чтобы отнести предложения к одному когерентному пространству. Они могут входить в один текст, но могут принадлежать и разным текстам. Они могут находиться в контакте или быть расположенными дистантно. Их соединение некогерентно.

Второй уровень подразумевает, что когерентность создаётся, если между предложениями будут возникать отношения близко к (*close to*):

(4) *Стол завален книгами. Кот лежит в кресле.*

Третий уровень, подобие, иллюстрируется обычно параллельными структурами, как в следующем примере.

(5) *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Кутафья башня имеет высоту 13,5 метров.*

Два следующих уровня иллюстрируют наиболее сильные когерентные связи предложений. Под возможной когерентностью понимаются такие отношения между входящими в цепочку предложениями, когда названные в одном предложении факт или положение вещей обусловлены другими, названными в другом предложении.

(6) *Иван хотел заглянуть в окно. Он взобрался на деревянную лестницу.*

В следующем примере, также иллюстрирующем необходимую когерентность, между предложениями возникают мотивационные отношения.

(7) *Убил дворецкий. Это мог сделать и садовник, но садовник разговаривал по телефону.*

В данном случае второе предложение сообщает мотив умозаключения, сделанного в первом.

Если применить к классификации П. Пейджина понятие прагматического дополнения, следует сказать, что разные уровни когерентности различаются большей или меньшей уверенностью в использовании определённого прагматического дополнения. Приведённая шкала, на наш взгляд, не содержит ответа на вопрос, за счёт чего когерентность создаётся, шкалируется или отсутствует. Она содержит некий количественный показатель, но нуждается во введении некоего качественного параметра. Мы полагаем, что этим параметром может быть ситуационность.

Ситуационность

Термин *ситуация* активно используется и в лингвистике, и во многих других гуманитарных науках. Мы будем в нашей статье следовать ситуационной семантике (исчерпывающий обзор ситуационной семантики можно найти в статье [5]). Следуя за создателями ситуационной семантики Дж. Бервайсом и Дж. Перри [12], определим ситуацию как *систему отношений между объектами в определённое время и*

в определённом месте в рамках одной модальности. Данное определение шире, чем рассмотрение ситуации как системы выраженных глаголом отношений между его актантами и сирконстантами (см. [7; 9]), и позволяет рассматривать в рамках одной ситуации неограниченное множество отношений неограниченного множества объектов. Такой подход к ситуации в большей степени применим для анализа текста. Формула ситуации будет выглядеть следующим образом:

$$C = \langle \langle \mathfrak{R}; \Delta O; \Delta t; M \rangle \rangle,$$

где $\mathfrak{R}$ – система отношений,

O – множество объектов,

t – место,

t – время,

M – модальность,

а знак Δ показывает, что данные множества могут изменяться.

Если изменений нет, мы имеем дело с положением вещей; если изменения есть, мы получаем то, что Дж. Барвайс и Дж. Перри назвали ходом событий. Поскольку Δ может принимать разные значения, ситуация может изменяться и будет справедливо, что данная ситуация будет частью другой ситуации. Тогда запишем, что

$$\forall C_1 \exists C_2: C_1 \subset C_2,$$

т. е. для любой ситуации C_1 найдётся такая ситуация C_2 , что C_1 лежит в C_2 .

Очевидно, что если $C_1 \subset C_2$ и $C_2 \subset C_1$, то $C_1 = C_2$, т. е. любая ситуация лежит в самой себе.

Выделенные положения крайне существенны для понимания того, как ситуационность связана с когерентностью.

Ситуация в реальности отличается от её текстовой репрезентации. Единственной текстовой репрезентации ситуации быть не может, поскольку репрезентация определяется рядом факторов, связанным с категориями автора и получателя сообщения (читателя, если речь идёт о тексте). Мы предлагаем систему задач по созданию текстовой репрезентации ситуации и саму итоговую репрезентацию назвать термином *ситуационный кейс* (СК). Формально

ситуационный кейс отличается от ситуации следующим (при условии, что СК представляет одну данную ситуацию):

1) количеством объектов;

2) выделенной системой отношений;

3) включением несуществующих объектов или отношений между ними и использованием модальности как параметра.

Для иллюстрации возьмём короткий текст.

(8) /1/ Городище на озере Бискупин в Польше. /2/ В поселение вела единственная дорога по дамбе, соединяющей Бискупин с берегом озера. /3/ Все постройки опирались на свайные фундаменты, вбитые в дно озера. /4/ Крепостные стены были сложной, ярусной конструкции и имели укрепленный вход. /5/ Мостовые, как и стены жилищ, выполнены из дерева, обмазанного глиной. /6/ В концах проулков располагались ремесленные мастерские (кузница, литейная, косторезная и гончарные мастерские). /7/ Планировочная структура имела элементы городского поселения – границы, входную площадь, регулярную систему улиц. /8/ Однако отсутствие дифференцированной застройки и центральных зон показывает, что в общине было первобытное социальное и имущественное равенство¹.

Весь текст представляет собой видение древнего города «глазами» исследователя. Город сегодня не существует, поэтому сама ситуация есть продукт воображения. СК строится исходя из очевидной задачи автора дать краткое описание возможного устройства ископаемого города. Текст содержит информацию об улицах вообще (предложение /7/), жилищах вообще (предложение /5/), зато мастерские разделены на виды (предложение /6/). Мы предложили ввести термин *размерность* для определения степени покрытия ситуации текстом (см. [2; 3, с. 253–264]. Можно было бы написать текст в другой размерности: например, в следующем тексте о том же са-

¹ Лучкова В. И. Лекционный курс: история градостроительства доиндустриального периода [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/a0/7c/a07cec34-4e2e-458f-b5c0-f0d99bc142f7/07.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

мом городе названо число улиц и домов и указано на принцип расположения домов:

(9) *Городище имело около 11 улиц шириной в 2,5 метра и 106 домов, которые стояли вплотную друг к другу*¹.

Различие между (9) и соответствующими фрагментами (8) состоит в том, что ситуация в них представлена одна и та же, но ситуационные кейсы выполнены по-разному: это касается выделения объектов и отношений между выделенными объектами.

Предложение /8/ содержит информацию о том, чего нет в описанной ситуации, зато об этом можно сказать в тексте. СК позволяет сравнить данную ситуацию с другими подобными и на основании сравнения представить то, что могло бы быть фактом в данной ситуации, но таковым не является. Это вводит в СК новую модальность, в то время как ситуация всегда имеет единственную модальность.

Ситуационность и когерентность

Ситуация как часть реальности сама по себе не когерентна: для неё когерентность просто нерелевантна. Когерентность возникает на этапе создания ситуационного кейса, итогом которого должен стать текст, немислимый вне категории когерентности. Обратимся к тексту (8), рассмотрим цепочку предложений /1 – 3/.

Пара предложений /1 – 2/ позволяет представить себе топографию местности, на которой находился город. *Быть на озере* может означать 'на берегу озера' или 'в озере, на поверхности озера'. Если речь идёт о городе, ожидается первое, однако предложение /2/ сообщает о дамбе, соединяющей город с берегом. Между предложениями возникает прагматическое дополнение <Город находился в озере>, иначе быть не может, т. к. по дамбе проходила единственная связующая дорога. Такое дополнение поддерживается ещё одним <Города могут стоять в воде>. Мы видим,

что два дополнения носят разный характер. Дадим этому объяснение.

Первое прагматическое дополнение возникает из представлений об актуальной ситуации – уникальном фрагменте реальности. В данном случае важнейшими объектами являются город, озеро, дорога и дамба. В задачу кейса входит так выстроить между ними систему отношений, чтобы читатель получил возможность создания в своём сознании непротиворечивого образа этой ситуации. Предложение /2/ содержит, кроме буквального значения, следствие <Другие дороги к городу не вели> (на это указывает слово *единственная*). На основании соединения смыслов предложений /1/ и /2/ читатель приходит к выводу, что город стоял в озере.

Второе прагматическое дополнение следует из ситуационного типа – знания о возможных ситуациях. Это дополнение имеет когнитивную природу, оно должно соответствовать тривиальным представлениям о некоем инварианте представленной ситуации. Например, возможно предположить, что город построен на воде, поскольку подобные примеры известны, но невозможно предположить, что описываемый город находится в воздухе, так как в тривиальных представлениях таких возможностей у городов нет.

Таким образом, мы можем сказать, что предложения P_1 и P_2 когерентны, если найдётся такой ситуационный кейс, которому принадлежат эти предложения и все прагматические дополнения, связывающие их. Если мы расширим количество предложений до некоего числа n , то скажем, что множество предложений Π когерентно, если для любой пары предложений P_a и P_b из множества Π найдётся достаточное количество прагматических дополнений, такое, что предложения и прагматические дополнения лежат в одном ситуационном кейсе.

Покажем это на примере текста (8). Возьмём для этого предложения /1/, /5/, /6/, /7/. Исходя из данного выше определения, мы можем брать любое множество предложений, лишь бы они входили в некое зара-

¹ Древнее городище Бискупин // В отпуск.ру: [сайт]. URL: https://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=16757 (дата обращения: 20.10.2021).

нее заданное множество. Как мы уже говорили, ситуация в тексте (8) – это внешний взгляд на город. Но город – это сложное понятие, поэтому каждое из предложений в тексте представляет собой более частные «взгляды» – на мостовые, дома, улицы. Соответственно, кейс создаётся так, чтобы каждая меньшая ситуация (субситуация) могла быть включена в большую. Если мы составим пары /1 – 5/, /1 – 6/, /1 – 7/, получим непротиворечивые предложения, где прагматические дополнения в общем виде можно представить так: <В городах так бывает>. Если мы составим цепочку /5 – 6 – 7/, в ней возникнет прагматическое дополнение <Речь идёт о городе>, а референтное употребление именных групп позволит судить, что не о городе вообще, а о конкретном городе, что и потребует включения в неё предложения /1/.

Вернёмся к классификации П. Пейджина и применим ситуационный критерий к каждому из представленных нами примеру, но выстроим обратную последовательность: от большей когерентности к меньшей.

Пара предложений (7) *Убил дворецкий. Это мог сделать и садовник, но садовник разговаривал по телефону* может быть истолкована следующим образом: первое предложение представляет собой ситуацию как минимум с двумя объектами, соответствующими актантам глагола *убить* (кто? – дворецкий; кого? – не назван). Второе предложение с анафорическим местоимением *это*, антецедентом которого является ситуация убийства, поскольку других претендентов нет, исключает садовника из этой самой ситуации. Другими словами, в нём создаётся ещё одна ситуация, но в другой модальности: если бы садовник не разговаривал по телефону, убийцей мог бы быть он. Формально можно представить так:

$C_1 = \{\mathfrak{R}, \text{убить, (дворецкий, жертва), } t_1, l_1, M_1\}$

$C_2 = \{\mathfrak{R}, \text{убить, (садовник, жертва), } t_1, l_1, M_2\}$

$C_3 = \{\mathfrak{R}, \text{разговаривать, (садовник, телефон), } t_1, l_3, M_1\}$

Пара предложений оказывается когерентной, т. к. все три ситуации не противоречат друг другу. Ситуации C_1 и C_3 могут быть объединены в одну C_{1+3} на основании расширения места $l = l_1 + l_3$. Объединив модальности, можно объединить все три ситуации в одну, где истинно M_1 , а ложно M_2 .

Естественно, возникает вопрос о прагматическом дополнении. Выходит, что в данном случае ему не находится места. И это верно. Можно сказать, что прагматическое дополнение имеет вид <Очевидно, что>. В этом и заключается *суть необходимости*, как называет такой тип П. Пейджин.

В паре (6) *Иван хотел заглянуть в окно. Он взобрался на деревянную лестницу* первое предложение представляет собой намерение совершить действие, а второе – способ осуществления этого действия. Здесь прагматическое дополнение выбирается из множества типичных действий в данном ситуационном типе: <Повернуть голову>, <Взобраться на высокий объект>, <Взять бинокль>. В нашем примере выбирается второй вариант. Первое предложение формирует ситуацию, но не представляет её полностью, поэтому и возникает необходимость во втором предложении, отвечающем одному из вариантов ситуационного типа.

Когерентность в парах, которые П. Пейджин рассматривает как примеры подобия и смежности, возникает на основании возможности включения объектов в одно пространство-время, что можно в общем виде представить так:

$C_1 = \{\mathfrak{R}, O_1, t, l, M\}$

$C_2 = \{\mathfrak{R}, O_2, t, l, M\}$

Очевидно, что при таком раскладе C_1 и C_2 легко объединяются.

В паре (5) *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Кутафья башня имеет высоту 13,5 метров* предложения объединяют прагматические дополнения <Обе башни находятся в Московском кремле>, <Башни можно сопоставлять по высоте>. Средства когезии играют роль в создании когерент-

ных связей, однако не определяющую. Представим себе пару *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Гора Манарага имеет высоту 1662 метра*, где утратится подобие и сложнее будет установить когерентность между предложениями.

В паре (4) *Стол завален книгами. Кот лежит в кресле* когерентность не очевидна, т. к. прагматическим дополнением должно быть <Оба события происходят в одном месте и в одно время>, при этом никаких указаний на это в предложениях нет. Если такое предположение неверно, когерентность в паре установить не удастся.

Наконец, последний тип оказывается наиболее сложным для обнаружения прагматического дополнения. Можно представить себе, как указывает Пейджин, что Анна сломала ногу из-за того, что я люблю сливы, везде разбрасываю косточки, и на одной из таких косточек Анна поскользнулась и сломала себе ногу. Когерентность достигается путём допущения ситуации, предполагающей сосуществование двух названных предложений. При этом нет никаких веских оснований считать не только то, что данное допущение правильно, но и то, что оно вообще нужно. Такое допущение демонстрирует стремление читателя получить когерентную цепочку. Назовём это свойство *презумпцией когерентности*. Любые два предложения вначале рассматриваются как когерентные, и лишь при наличии оснований, убеждающих в отсутствии когерентности, они признаются не-когерентными.

Заключение

Итак, в основном в нашем исследовании мы остановились на когерентности пар предложений, хотя сказали, что когерентность есть основа текстуальности. Поскольку текстуальность – категория,

обеспечивающая существование текста и существующая до текста, она находит своё выражение уже в паре предложений, между которыми может существовать противоречивость, уничтожаемая за счёт введения прагматического дополнения. Текст, каким бы большим он ни был, строится на тех же основаниях, т. е. между любыми двумя предложениями текста должно существовать такое прагматическое дополнение, которое позволяло бы считать входящие в пару предложения когерентными. Однако это перспектива другого исследования, в котором следует не выявлять основания когерентности, чему посвящена настоящая работа, а показать, как когерентность функционирует на пространстве целого текста.

В качестве основания когерентности как категории текстуальности мы рассмотрели ситуационность, которую, как следует из нашего исследования, мы не отнесли к категориям текстуальности. Она оказывается более широкой семантической категорией и именно поэтому позволяет использовать себя в качестве фундамента когерентности текста. По сути, буквальный смысл предложений, их прагматические невыраженные составляющие и возникающее между предложениями прагматическое дополнение поверяются ситуационностью на непротиворечивость, итогом чего становится признание цепочки предложений когерентной или некогерентной. Определённый в конце нашего исследования принцип презумпции когерентности стимулирует читателя к поиску такой ситуации, которая позволила бы привести цепочку к состоянию когерентности. Собственно, этот механизм и обеспечивает свойство текста быть цельным.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Глазков А. В. Размерность и её функция в создании текста // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2013. № 2 (11). С. 26–33.
3. Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. М.: Де'Либри, 2018. 436 с.

4. Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница: сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований / под ред. А. В. Глазкова, Е. А. Глазковой. М.: Филинъ, 2020. С. 17–30.
5. Моисеева А. Ю. Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 4 (182). С. 95–110.
6. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 172 с.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: сборник работ / пер. с фр. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
9. Хитров А. Н. Посессивная конструкция и семантика неучастия в ситуации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2005». М.: Наука, 2005. С. 345–350.
10. Федуленкова Т. Н. Текст – текстуальность – текстура // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2014. № 7. С. 35–37.
11. Чернявская В. Е. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2007. Т. 3. № 1. С. 303–314.
12. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
13. Beaugrande R.-A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 289 p.
14. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
15. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 375 p.
16. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia: Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
17. Pagin P. Radical Interpretation and Pragmatic Enrichment // Argumenta. 2017. № 3 (1). P. 87–107.
18. Recanati F. Pragmatic Enrichment // Routledge Companion to Philosophy of Language. New York; London: Routledge, 2010. P. 67–78.
19. Xiaofei Wang. Quotation and Truth-Conditional Pragmatics. London; New York: Routledge, 2018. 186 p.
20. Yan Huang. Unarticulated Constituents and Neo-Gricean Pragmatics [Электронный ресурс] // Language and Linguistics. 2018. Vol. 19. Iss. 1. URL: <https://doi.org/10.1075/lali.00001.hua> (дата обращения: 20.10.2021).

REFERENCES

1. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
2. Glazkov A. V. [Dimension and Its Function in the Creation of a Text]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philological Education], 2013, no. 2 (11), pp. 26–33.
3. Glazkov A. V. *Iz real'nosti v tekst i obratno: ocherk pragmatiki narrativnogo teksta* [From Reality to Text and Back: An Essay on the Pragmatics of a Narrative Text]. Moscow, DeLibri Publ., 2018. 436 p.
4. Glazkov A. V. [On the Issue of Delimiting the Concepts of Linearity, Coherence and Integrity of a Text]. In: Glazkov A. V., Glazkova E. A., eds. *Granitsa: sbornik nauchnykh trudov proekta NOT ONLY: Teoriya i praktika gumanitarnykh issledovaniy* [Border: A Collection of Scientific Papers of the NOT ONLY Project: Theory and Practice of Humanitarian Research]. Moscow, Filin Publ., 2020, pp. 17–30.
5. Moiseeva A. Yu. [Relational Approach to Meaning and Content in Situational Semantics]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 4 (182), pp. 95–110.
6. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1991. 172 p.
7. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p.

8. Saussure F. de. Cours de linguistique générale (Rus. ed.: Kholodovich A. A., transl. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p.).
9. Khitrov A. N. [Possessive Construction and Semantics of Non-participation in a Situation]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2005"* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue-2005"]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 345–350.
10. Fedulenkova T. N. [Text – textuality – texture]. In: *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty* [Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects], 2014, no. 7, pp. 35–37.
11. Chernyavskaya V. E. [Text in the Cognitive-discursive Paradigm: On the Issue of the Gradual Nature of Textuality]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research], 2007, vol. 3, no. 1, pp. 303–314.
12. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford, CSLI Publications, 1999. 376 p.
13. Beaugrande R.-A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1981. 289 p.
14. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
15. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman, 1976. 375 p.
16. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia, Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
17. Pagin P. Radical Interpretation and Pragmatic Enrichment. In: *Argumenta*, 2017, no. 3 (1), pp. 87–107.
18. Recanati F. Pragmatic Enrichment. In: *Routledge Companion to Philosophy of Language*. New York, London, Routledge Publ., 2010, pp. 67–78.
19. Xiaofei Wang. Quotation and Truth-Conditional Pragmatics. London, New York, Routledge Publ., 2018. 186 p.
20. Yan Huang. Unarticulated Constituents and Neo-Gricean Pragmatics. In: *Language and Linguistics*, 2018, vol. 19, iss. 1. Available at: <https://doi.org/10.1075/lali.00001.hua> (accessed: 20.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики медиакоммуникаций Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of Media Communications, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economics and Public Administration;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 13–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24

FOR CITATION

Glazkov A. V. Situationality as a Basis of Text Coherence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 13–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24

УДК 811.161.1'373.49

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-25-30

ЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ И СТЕПЕНИ В ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Колесникова С. М., Морозова О. А.

Московский педагогический государственный университет

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть функции эвфемизмов, способы и средства эвфемизации в аспекте градуальной семантики.

Процедура и методы. В работе приводятся различные определения эвфемизмов, раскрывается психологическая сущность вербальной репрезентации эмоций как главного фактора употребления эвфемизмов в речи. В ходе настоящего исследования был использован ряд общенаучных и частнонаучных методов – поискового и описательного, а также дискурсивного анализа. Применение метода классификации и междисциплинарного подхода было обусловлено необходимостью использования универсального классификатора явления эвфемии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Важность данного исследования обусловлена распространённостью употребления эвфемизмов в речи и необходимостью функционального подхода к описанию данного явления в русском языке.

Результаты. В результате исследования была предложена классификация способов и средств эвфемизации, позволяющая определять наличие значения меры и степени.

Ключевые слова: категория градуальности, мера, степень, эвфемизм, эвфемия

SIGNIFICANCE OF MEASURES AND DEGREES IN EUPHEMISTIC CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

S. Kolesnikova, O. Morozova

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1, str. 1, Moscow 119435, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of the paper is to consider the functions of euphemisms, as well as ways and means of euphemization in a gradual aspect.

Methodology. The research provides various definitions of euphemisms and reveals the psychological essence of the verbal representation of emotions as the main factor in the usage of euphemisms in speech. Use is made of a number of general scientific and particular scientific methods, such as exploratory and descriptive, as well as discursive analysis. The application of the classification method and interdisciplinary approach is due to the need to use a universal classifier of the phenomenon of euphemism.

Research implications. The importance of the research is due to the prevalence of the usage of euphemisms in speech and the need for a functional approach to the description of this phenomenon in Russian.

Results. The study presents a classification of methods and means of euphemization, which makes it possible to determine the presence of the word value of measure and degree.

Keywords: category of gradation, measure, degree, euphemy, euphemism

Введение

В современной лингвистической науке возрастает интерес к словам и выражениям, имеющим эмоциональный нейтральный характер и употребляемым вместо «табуированных», запрещённых или грубых, неприличных. Подобные слова в лингвистике называют эвфемизмами (от греч. *euphemismos*, *eu* – хорошо, *phemi* – говорю)¹, ср.: *пожилой* – вместо *старый*, *уклониться* – вместо *соврать*, или табуированные архаичные: *хозяин* – вместо *медведь*, «*шут с ним*» – вместо «*чёрт с ним*»; новые – *летальный исход* – вместо *смерть*. Проблема явления эвфемии и вопросы градуальности в языке в настоящее время активно и достаточно подробно исследуются в разных системах координат и в разных аспектах.

Данное языковое явление нашло отражение в работах авторитетных исследователей прошлого и настоящего: Л. А. Булаховского (1953), А. А. Реформатского (1997), Б. А. Ларина (1961), А. М. Кацева (1991), Е. И. Шейгал (1997, 2000), Л. П. Крысина (1994, 1999), Ж. Ж. Варбот (1998), В. П. Москвина (1999), Е. П. Сеничкиной (2004, 2006) и др.

Проблеме анализа градуальности применительно к различным языковым единицам посвящены исследования Э. Сепира, Б. А. Булгаровой, А. В. Ваганова, С. М. Колесниковой и др.

Существенный вклад в изучение проблемы языковой оценки внесли Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, М. Н. Крылова, Т. В. Маркелова и др.

Квантификация в русском языке стала предметом научного интереса А. В. Берестяного, Е. С. Гайломазовой, Л. В. Калинин, С. Р. Макеровой, Е. П. Маюк, Е. Я. Шмелевой и др.

Вопрос об интенсификации и интенсивности в языке рассматривали В. В. Безрукова, В. А. Белькова, Д. В. Герасимов, О. Л. Давыдова, А. В. Иванча, Н. А. Райцева, Е. Н. Сергеева, Ю. А. Шумейко и др.

С. М. Колесникова подняла вопрос о градуировании и квантификации как смежных явлениях в русском языке. Однако проблема градуальной семантики эвфемизмов в русской языковой картине мира полностью не раскрыта, что и определяет актуальность настоящего исследования. Предполагается, что степень влияния лексических единиц с градуальной семантикой играет важную роль в процессе образования эвфемистических замен. Задача данного исследования – определить наличие градуальной семантики у эвфемизмов в различных сферах их использования.

Языковые способы и средства эвфемизации

Слово как материальная единица является, по выражению В. Г. Гака, «психолингвистической реальностью» [1], отражённой в сознании в виде некоего представления, что даёт основание для оценки говорящим именно слова, а не объекта, им обозначаемого (ср.: «психологическая реальность» у Ю. С. Степанова [5, с. 109, 139, 234]). На основе регулярной воспроизводимости в речи выделяются узуальные и окказиональные эвфемизмы. Для узуальных эвфемизмов представляется важным отграничение их от окказиональных эвфемистических замен, которое возможно в результате системного анализа эвфемизмов, а также свойств языковых единиц, приспособленных к выполнению эвфемистических функций, и их специфического использования в речи [3].

Речевая специфика эвфемизмов составляет широкий круг адресатов, поэтому устанавливается их условная дифференциация, учитывающая моделирование участников коммуникации, которое не всегда совпадает с реальным положением дел. Обнаруживается тенденция к специализации разных стилей и жанров, которая заключается в выявлении способов языкового оформления разных типологических групп.

Способы эвфемизации рассматриваются современными исследователями с учётом языкового уровня реализации эв-

¹ Эвфемизм // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 590.

фемистической функции и определения критерия «нежелательного» денотата в аспекте языковой рефлексии [4, с. 82–97]. Установлено, что высокая частотность лексического способа эвфемизации обусловлена возможностью эвфемизмов, образованных с его помощью, реализовать максимальное число функций: контакто-устанавливающую, рекламно-экспрессивную, градуальную.

С позиций функционального подхода необходимо учитывать прагматику и семантику эвфемизмов. Отметим, что разделение современной прессы на качественную и массовую выглядит несколько прямолинейным. Закономерностью становится тот факт, что массовость определяется как некачественность, а качественность – как немассовость.

Для актуализации факта эвфемистической замены важную роль играют метаязыковые рефлексивы, которые представляются весьма значительными с точки зрения осознания диалектической сущности эвфемизмов. Парадоксальность использования эвфемизмов состоит в том, что эвфемизмы, реализуя градуальную функцию и употребляясь в качестве средства своеобразной маскировки неоднозначно качественно оцениваемых фактов действительности, одновременно являются их маркерами, обозначая как раз «проблемные» зоны, своеобразные «болевые точки» [5] общественного бытия. Актуализация факта эвфемистической замены посредством рефлексива позволяет говорящему, с одной стороны, объяснить намеренное снижение точности номинации, а с другой – привлечь внимание к негативно оцениваемым фактам действительности по принципу «от противного».

Становится перспективным рассмотрение окказиональных эвфемизмов. Например: *Девушки подняли крик, перемещались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик не слишком был скор на ноги*¹. Уклончивые

способы обозначения одного и того же действия подтверждают наличие функции неопределённости.

Эвфемистические языковые единицы с признаками градуальности

Основываясь на исследовании Н. А. Кузьминой, выделявшей определённые языковые способы и средства эвфемизации², при подробном анализе исследований авторами были выявлены дополнительные группы, позволяющие говорить о присутствии в явлении эвфемии градуальной функции.

В представленной лексико-грамматической классификации разноуровневые языковые единицы (слова, морфема, грамматические классы) выделены по языковым способам и средствам эвфемизации, обладающим признаками градуальности, примеры взяты из Национального корпуса русского языка и «Российской газеты»:

1) имена прилагательные с диффузной семантикой: *некоторые, известные, определённые* и др.: *Но вот в исполнении этой психологической задачи и таится подвох, любому русскому, правда, прекрасно известней, но могущий ввести в недоумение иностранца*³;

2) имена существительные с общим значением для сообщения действий: *действие, произведение, предмет, акция* и др.: *Акция случайно совпала с рабочим визитом в город Владимира Путина*⁴;

3) неопределённые или указательные местоимения: *тот, этот, некто, один* и др.: *Из палаты выглянул некто с лицом*

¹ См.: Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

² См.: Кузьмина Н. А., Абросимова Е. А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2015. 256 с.

³ Николаев О. Новый год: праздник или ожидание праздника? // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Неизвестные подарили квартиру пострадавшей от взрыва россиянке // Lenta.ru: [сайт]. URL: <http://lenta.ru/news/2019/12/24/magnitka> (дата обращения: 10.01.2022).

худым и безнадежным: «Андрей... ой, простите...¹;

4) слова, обозначающие непостоянство явления или объекта: *временный, не вечный, этап, период, пока, более, менее, почти* и др.: *Работодатели стали чаще делать выбор в пользу **временных** работников²;*

5) слова, обозначающие количественные и качественные признаки: *большой, маленький, будущий, прошлый, бывший, великий, горячий, лёгкий, ограниченный, слабый, избывочный, слишком* и др.: *Что даже самый **горячий** интернационалист сочтёт несколько чрезмерным.³ Избыточный* вес образовался из-за *весьма нестандартного состава пассажиров – 135 мужчин и 20 женщин, которые в среднем заметно легче представителей сильного пола⁴;*

6) предлоги / частицы:

– места и времени: *под, на, с, через* и др.: «Жениться! – думал африканец, – зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека, потому только, что я родился **под** градусом?**»⁵;

– отрицания: *не, без* и др.: *Жена у него была женщина уже **не** первой молодости, но ещё прелестнейшая собой, умная, добрая, великодушная, и исполненная какой-то особенной женской прелести; по рождению своему, княгиня принадлежала к самому высшему обществу, и Еспер Иванович, говоря*

полковнику об истинном аристократизме, именно её и имел в виду⁶;

7) аффиксы:

– иноязычные: *суб-, мета-, а-, поли-, спец-,* и др.: *полигамия, аморальный, спецоперация. Как сообщили в пресс-службе регионального УМВД, **спецоперация** по пресечению незаконной добычи янтаря-сырца проводилась в двух районах области – Светлогорском и Зеленоградском⁷;*

– уменьшительно-ласкательные: *-еньк, -ыш, -ова, -уш, -ец* и др.: *бледенький, плоховато. **Бледенький**, с красными жёлками на носу, весь трясётся от возбуждения, так и хочется ему закричать, хлопая в ладоши: «А я знаю!»⁸;*

– со значением преувеличения *пре-, пере-* и др.: *преодоление, перегруз. Нет, я хотел сказать, что не люблю **перегрузаться** за обедом⁹;*

– со значением разделения: *со-* и др.: *действие, сокращение. Михаил Мишустин **сокращает** штаты в министерствах и ведомствах¹⁰;*

– со значением незавершённых действий или низкой степени выполненности, неполного действия: *у-, полу-, не-, до-, при-, по-, под-* и др.: *недослышать, прихрамывать, подъехать, подойти, подвезти, поглубеть. – Как? Как ты сказал? Извини старика, могу и **недослышать**. – Я вышел к Плевне без боя, ваше сиятельство, – резко повторил Михаил Дмитриевич: в недоверии князя ему почудилась насмешка¹¹.*

¹ Акимов М. Тимченков в кубе // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

² Работодатели стали чаще делать выбор в пользу временных сотрудников // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/12/06/reg-ufo/rabotodateli-stali-chashche-delat-vybor-v-polzu-vremennyh-sotrudnikov.html> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Соколов М. О национальной гордости инородцев // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Повестка дня // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁵ Пушкин А. С. Арап Петра Великого (1828) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Писемский А. Ф. Люди сороковых годов (1869) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Под Калининградом полиция задержала в море дайверов с янтарём // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/11/30/reg-szfo/pod-kaliningradom-policiia-zaderzhala-v-more-dajverov-s-iantarem.html> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Струтацкий А., Струтацкий Б. Трудно быть богом (1963) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Евреинов Н. Н. Любовь под микроскопом (1931) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁰ Настройка управления // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/11/16/mishustin-daltri-mesiaca-na-sokrashchenie-shtata-ministerstv-ivedomstv.html> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Васильев Б. Были и небыли. Кн. 2 (1988) //

На основании результатов исследованного материала можно сделать вывод, что градуальная семантика присутствует в большом количестве эвфемистических оборотов. Способы и средства эвфемизации могут быть использованы как отдельно, так и в сочетании нескольких групп одновременно. Например: *Вполне вероятно, что в одном конкретном случае, оформляя материалы на высокий орден, он перестарался*¹.

Представленные в классификации группы позволяют сделать заключение, что градуальная функция эвфемизмов характерна не только на лексическом, но и на грамматическом и словообразовательном уровнях.

Признание семантической неопределённости одним из основных признаков эвфемизмов позволяет предположить возможность понимания эвфемизмов как средства мерительного отношения говорящего к высказыванию². Комментируемые в работе примеры (*прихрамывать, бледноватый* и т. п.) актуализируют в речи неопределённость признака, меньшую или большую степень его проявления относительно некоей установленной в сознании нормы – нулевой ступени измерения [2].

Заключение

В работе рассмотрены различные подходы к анализу явления эвфемии и функциям эвфемизмов, выявлены основания наличия градуальной функции, требующие более детального рассмотрения. Представлена авторская классификация способов и средств эвфемизации, доказывающая многостороннее присутствие явления градуальности в процессе эвфемизации.

Среди способов эвфемизации с учётом критерия нежелательного денотата в аспек-

те языковой рефлексии наиболее продуктивным является лексический способ эвфемизации, реализующий три основные функции: контактно-устанавливающую, рекламно-экспрессивную и градуальную.

Функционирование эвфемизмов в тексте и речетворческом процессе зависит от их семантики и прагматики. Определено, что количественный критерий в отношении функционирования эвфемизмов в публицистике выступает как основной критерий определения его «качественности».

Оригинальной находкой был факт в отношении реализации градуальной функции эвфемизмов: эвфемизмы становятся маркёрами качественно-оцениваемых фактов явлений действительности, помечая «проблемные зоны» и «болевы точки».

В зависимости от способов и средств эвфемизации представлена лексико-грамматическая классификация, включающая в себя семь групп разноуровневых языковых единиц, обладающих признаками градуальности: имена прилагательные с диффузной семантикой; имена существительные с общим значением для сообщения действий; неопределённые или указательные местоимения; слова, обозначающие непостоянство явления или объекта; слова, обозначающие количественные и качественные признаки; предлоги, частицы и отрицания; аффиксы.

Одним из основных признаков эвфемизмов выступает семантика неопределённости, которая способна выражать мерительное отношение говорящего к высказыванию и тем самым способствует реализации градуальной функции эвфемизмов в русском языке.

Данная квалификация может быть в дальнейшем расширена и дополнена, что требует отдельного исследования.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022.

Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

¹ Быков В. Болото (2001) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

² См. Колесникова С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: учебное пособие. М.: Изд-во МПГУ, 2016. 290 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком / под ред. А. А. Леонтьева, Т. В. Рябовой. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 67–79.
2. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 232 с.
3. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Учёные записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1961. Вып. 60. № 301. С. 110–124.
4. Прядильникова Н. В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 179 с.
5. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 360 с.

REFERENCES

1. Gak V. G. K [On the Problem of Correlation between the Structure of the Utterance and the Structure of the Situation]. In: Leontev A. A., Ryabova T. V., eds. *Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic Problems of Language Proficiency and Mastery]. Moscow, Moscow State University Publ., 1969, pp. 67–79.
2. Kolesnikova S. M. *Gradual'nost' v sisteme russkogo yazyka* [Graduality in the System of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 232 p.
3. Larin B. A. [About Euphemisms]. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 1961, iss. 60, no. 301, pp. 110–124.
4. Pryadil'nikova N. V. *Evfemizmy v rossiiskikh SMI nachala XXI veka: kompleksnaya kharakteristika: dis. ... kand. filol. nauk* [Euphemisms in the Russian Media at the Beginning of the 21st Century: A Comprehensive Description: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Samara, 2007. 179 p.
5. Stepanov Yu. S. *Imena, predikaty, predlozheniya (semiologicheskaya grammatika)* [Names, Predicates, Sentences (Semiological Grammar)]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: asya28@list.ru

Морозова Ольга Александровна – аспирант кафедры русского языка Института филологии, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и коммуникации Института иностранных языков, заместитель начальника Управления международных связей Московского педагогического государственного университета; e-mail: olgamorossova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Kolesnikova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; e-mail: asya28@list.ru

Olga A. Morozova – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Institute of Philology; Senior Lecturer, Department of the Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages; Deputy Head of the International Relations Office, Moscow Pedagogical State University; e-mail: olgamorossova@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С. М., Морозова О. А. Значение меры и степени в эвфемистических конструкциях русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 25–30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-25-30

FOR CITATION

Kolesnikova S. M., Morozova O. A. Significance of Measures and Degrees in Eupemistic Constructions in the Russian Language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 25–30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-25-30

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-31-41

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУЗЫКА» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. А. ВИГДОРОВОЙ 1950–1960-Х ГОДОВ

Куличева Е. В.*независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль концепта «музыка» в творческом наследии Ф. А. Вигдоровой 1950–1960-х гг.

Процедура и методы. В исследовании установлена частотность употребления Ф. А. Вигдоровой слов с корнем *-муз-* в художественных текстах 1950–1960-х гг., рассмотрены их лексикографические характеристики, проанализировано гнездо слов с корнем *-муз-* и интегральной семой 'искусство', охарактеризованы лексико-семантическое поле вербализаторов концепта и его значимость для описания концепта. При проведении исследования применены методы лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементы компонентного анализа.

Результаты. В результате анализа семантики слов с корнем *-муз-* установлено, что они демонстрируют особенности состава идиолекта писательницы, выступают как константы её идиостиля, указывая на важную роль лиц, участвующих в создании музыкального произведения, для развития идейно-эстетического плана произведений, выявляют специфику отражения концептуального содержания важнейшей единицы русской и мировой культуры, концептосферы «музыка», в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой, позволяют оценить мировоззрение писательницы, её эрудицию, степень причастности к формированию национальной русской культуры в период творчества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при подготовке лекций, практических занятий по лингвистической семантике, лингвокультурологии, языку художественной литературы в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: идиостиль, концепт «музыка», лексико-семантическое поле, слова с корнем *-муз-*, язык произведений Ф. А. Вигдоровой

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF MUSIC IN F. A. VIGDOROVA'S CREATIVE HERITAGE OF THE 1950S–1960S

E. Kulicheva*An independent researcher, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to identify the role of the concept of music in F. A. Vigdorova's creative heritage of the 1950s–1960s.

Methodology. The paper establishes the frequency of the use of words with the root *-muz-* by F. A. Vigdorova in the literary texts of the 1950s–1960s, as well as considers the lexicographic characteristics of the studied words. The nest of words with the root *-muz-* is analyzed from the point of view of the semantics. The lexico-semantic field and its meaning for the description of the concept are characterized. The research uses the methods, including linguistic observation and description, statistical calculation, and elements of component analysis.

Results. By analyzing the semantics of words with the root *-muz-*, we found that they demonstrate the features of the composition of the writer's idiolect as well as the constants of the writer's idiostyle, pointing out the important role of the persons involved in the creation of a musical work. The paper reveals the specifics of reflecting the conceptual content of the most important unit of the Russian and world culture – the concept sphere of "music" – in the mental-linguistic complex of the linguistic personality of F. A. Vigdorova.

The obtained results allow one to assess the worldview of the writer, the writer's erudition, and the degree of involvement in the formation of national Russian culture during the period of creativity.

Research implications. The scientific novelty of the work is due to the first analysis of the semantics of words with the root *-muz-*, as well as lexical and semantic field of the concept of "music" in F. A. Vigdorova's literary texts of the 1950s–1960s. The results of the research can be used in the preparation of lectures and practical classes on linguistic semantics, linguoculturology, and the language of fiction in higher educational institutions.

Keywords: idiostyle, concept "music", lexical-semantic field, words with root *-mus-*, language of F. A. Vigdorova's works

Введение

В работе рассматривается роль концепта «музыка» в художественном пространстве Ф. А. Вигдоровой 1950–1960-х гг. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи: установить частотность употребления лексемы *музыка*; рассмотреть лексикографические данные в отношении исследуемых слов; проанализировать гнездо слов с корнем *-muz-*, характер представления интегральной семы 'искусство' в составе значений слов, вербализующих концепт «музыка»; рассмотреть лексико-семантическое поле экспликатов концепта «музыка» в текстах и определить его значимость для описания концепта.

Научная новизна исследования обусловлена впервые выполненным анализом семантики слов с корнем *-muz-*, а также лексико-семантического поля концепта «музыка» в художественных текстах 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой.

Анализ семантики слов с корнем *-muz-* в произведениях осуществлялся с помощью следующих методов исследования: лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементов компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. Д. Арутюновой [1], Ю. М. Асяниной [2], Н. А. Брылёвой [3], С. А. Колпаковой, О. М. Исаченко [6], Л. В. Коробко [7], В. В. Леденёвой [9], И. В. Макарова [10], О. Л. Максимовой [11], Н. Н. Матвеевой [12], В. И. Хаменок [14], Д. Е. Хохонина [15; 16], А. В. Шутовой [17].

Слова с корнем *-muz-* в узусе и в художественном пространстве 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой

Особенностью произведений Ф. А. Вигдоровой является такое их качество, которое образно можно назвать мелодичностью. Музыка – незримая спутница героев текстов автора, представленная в произведениях упоминаниями звуков природы, окружающей действительности (*шум дождя, листьев; каплей с крыши; звук станционного колокола; тишину можно слушать*), голосов людей (*голос крикнул; звук голоса*), животных (*оклики птиц; далёкий лай; вскрикнула ночная птица*), звучаний музыкальных инструментов (*звук горна; заиграл джаз; рёв джаза; раздались гаммы*), исполнений музыкальных композиций (*хоровое пение; послушать музыку; играли концерт Чайковского*) [8]. Музыка присутствует везде: в описаниях природы, в повествовании об общении с ребёнком, о беседе влюблённых и даже о тишине.

Гнездо слов с корнем *-muz-* в текстах 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой, по нашим данным, представлено преимущественно именами существительными. Так, в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» отмечаем 33 употребления словоформ лексемы *музыка*, *музыкант* – употребление 3 словоформ, *музыкантища* – 1, кроме того, зафиксирована 1 словоформа имени прилагательного *музыкальный*. В трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» имя существительное *музыка* встречается 7 раз, *музыкант* – 1, имя прилагательное *музыкальный* – 2. Частота использования слов с корнем *-muz-* в текстах объясняется прагматиче-

ской установкой писательницы: показать аксиологическую, гносеологическую, социокультурную, духовную роль музыки в жизни человека.

Конкорданс единицы *музыка* в художественных произведениях таков: *уроки музыки, учительница музыки; серьёзную музыку; замороженные музыкой; зазвучала музыка, рассказывает музыка, музыка оборвалась, музыка продолжала петь* и др. (42 сочетающиеся единицы).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *музыка* представлено в значении «музыка, искусство стройного и согласного сочетания звуков, как последовательных (мелодия, напев, голос), так и совместных (гармония, соглас, созвучие); равно искусство это в действии. ... Музыкальный, музыкальный, к музыке относящийся. Музыкальный вечер; -ные дарования. Музыкант м. -тша ж. занимающийся музыкою как промыслом, или как знаток и любитель. Музыкантов, -тшин, ему, ей принадлежащ. -тский, к ним относящийся»¹.

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, лексема *музыка*, как полисемант, функционирует в узусе в трёх значениях: «1. Искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах, а также сами произведения этого искусства. 2. Исполнение таких произведений на инструментах, а также само звучание этих произведений. 3. перен., чего. Мелодия какого-н. звучания (книжн.)»². Подобные значения слова отражены и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова³.

Более подробное описание структуры данной лексемы находим в «Современном

толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой, что свидетельствует о развитии полисемии в языке последних десятилетий (укрепление оттеночных значений): «1. Искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах. 2. а) Инструментальная разновидность такого искусства. б) Исполнение, звучание инструментальных произведений. 3. а) Произведение такого вида искусства. б) Совокупность таких произведений. 4. перен. Мелодичное звучание чего-л. 5. разг.-сниж. Оркестр, музыкальный инструмент или звуковоспроизводящее устройство»⁴.

Слово *музыка* в художественных произведениях 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой использовано в основных узусальных значениях с актуальными дифференциальными семами: ‘звук’, ‘образ’, ‘художественная действительность’, ‘вид искусства’ (*Она услышала музыку и увидела, если можно увидеть, то, о чём рассказывает музыка*⁵; *Мы будем учить её музыке!*⁶), ‘произведение искусства’⁷ (*Лёше всё очень нравится: вино, музыка, еда*⁸), ‘инструментальная разновидность искусства’⁹ (*Он всё больше любил музыку и по вечерам вдруг говорил: «Включим, а? Сегодня Чайковского передают...»*¹⁰), ‘исполнение инструментальных произведений’, ‘звучание инстру-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2: И–О. М: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 302.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 369.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСЕНА> (дата обращения: 08.05.2021).

⁴ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 08.05.2021).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁷ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁹ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Это мой дом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

ментальных произведений»¹ (*Впервые за столько лет в тихом доме зазвучала музыка*²; *Оттуда, где пировали немцы, слышалась музыка*³), перен. 'гармоничное звучание чего-либо'⁴ (*Мои ребята пока что не знали ни Гебы, ни Зевса, ни его орла, но они слушали, как слушают мелодию, как слушают музыку*⁵ – о стихах; *А язык – как музыка, тут нужно дарование*⁶), 'совокупность звуков'⁷ (*Раздался дробный, прерывистый звон колокольчика. ... «Экая музыка! – с досадой подумал я. – Надо скорее горн»*⁸).

Лексема *музыка* в идиолекте писательницы не только отражает эксплицитные смысловые компоненты, но и раскрывает имплицитные значения: 'творческое преобразующее начало' (*Он всё больше любил музыку ... В нём прибавилось вдумчивости и покоя*⁹), 'душа', 'смысл жизни' (*его единственная радость – музыка*¹⁰), 'сила искусства' (*И они сидели заворожённые друг другом, экраном и музыкой*¹¹). Слово *музыка* в художественных текстах 1950–1960-х гг.

Ф. А. Вигдоровой транслирует авторскую мысль: духовное преображение, интеллектуальный рост возможен благодаря возвышающей силе искусства, в частности, музыке.

Справедливо отметил Л. С. Выготский: «Музыка побуждает нас к чему-то, действует на нас раздражающим образом, но самым неопределённым ... она действует просто катартически, т. е. проясняя, очищая психику, раскрывая и вызывая к жизни огромные и до того подавленные и стеснённые силы» [4, с. 326]. Так, и в произведениях Ф. А. Вигдоровой музыка отражает духовный мир героев, способствует рефлексии персонажей, поиску своего места в жизни, побуждает к самопознанию, самоанализу. Она зеркало души героев.

На фоне звучания музыкальных произведений в прозе 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой представлена эпоха – XX в. (Великая Отечественная война, эвакуация, плен, репрессии, оттепель; жизнь интеллигенции; пионерская организация, детские дома, колонии; построение светлого будущего, воспитание нового человека). Музыка «становится глобальной метафорой жизни, а человек включается в социум так же, как музыкант – в оркестр» [13, с. 8].

Справедливо отметила Н. А. Брылёва, что музыка – феномен культуры, который несёт в себе определённую смысловую, информативную нагрузку: высвечивает особенности культуры, выражает духовное содержание деятельности общества «посредством присущей ей способности символизировать социокультурные явления и наделять их смыслом» [3, с. 112].

Функция интегральной семы 'искусство' полисеманта *музыка* в текстах 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой

По меткому замечанию С. А. Колпаковой, О. М. Исаченко, музыка – «это особый коммуникативный язык, код, единицы которого имеют план выражения (форма, композиция музыкального произведения) и план содержания (звуковые образы и возможность их интерпретации)»

¹ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

³ Там же.

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

⁵ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁶ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁷ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁹ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&rp=1> (дата обращения: 08.05.2021).

¹¹ Там же.

[6, с. 95]. Минимальные знаки музыки – ноты. Исследователи отметили наличие интегральных сем в значении полисеманта *музыка* – ‘искусство’, ‘звучание’, которые обуславливают сегментную структуру концепта «музыка».

В текстах 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой ядерная сема ‘искусство’, по классификации С. А. Колпаковой, О. М. Исаченко, представлена следующими концептуальными признаками: 1) словесно-музыкальное произведение для пения / исполнения на музыкальном инструменте (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: 24 употребления словоформ лексемы *песня, мелодия* – употребление 8 словоформ, *симфония* – употребление 1 словоформы, *частушки* – 1; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: 26 употреблений словоформ лексемы *песня, мелодия* – 8, *частушки* – 2 словоформы), процесс его создания (*слушали, запели / пели, наиграла*) в различных формах (акустической); 2) люди искусства (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: 6 употреблений словоформ лексемы *композитор*; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: 1 употребление имени существительного *певец* в переносном значении), музыкальные коллективы (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: имя существительное *хор* – 1 раз, имя прилагательное *хоровой* – 2 раза, имя существительное *оркестр* – 3 раза; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: 1 употребление словоформы (*в хоре, оркестр* – употребление 4 словоформ), музыканты (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: 8 употреблений словоформ лексемы *пианист, гармонист* – употребление 1 словоформы; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: 1 употребление имени существительного *гармонист*); 3) определённые способности (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: имя существительное *басок* – 1 раз, имя прилагательное *басистый* – 1 раз, глагол *басит* – 1 раз; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: имя

существительное *басом* – 4, *баском* – 1, имя прилагательное *басовым* – 1, *басовитый* – 1, имя существительное *альт* – 1); 4) музыкальный инструмент и его части (в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: 10 употреблений словоформ лексемы *клавиша, рояль* – употребление 14 словоформ, *гитара* – 9, *скрипка* – 4, *виолончель* – 4, *струна* – 2 употребления, *гармоника* – 2, 8 употреблений лексемы *пианино*, 1 употребление словосочетания *музыкальных инструментах*; в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка»: 53 употребления словоформ лексемы *горн, колокольчик* – 6 употреблений, *рояль* – 3 употребления, *пианино* – 1 употребление, *скрипка* – 1, *труба* – 1, *аккордеон* – 1, *мандолина* – 1, *балалайка* – 1, имя существительное *гитара* – 8 употреблений, имя прилагательное *гитарный* – 1, словосочетание *семиструнной подруги* (наименование музыкального инструмента – гитары, метафора, характерная и для узуса) – 1, имя существительное *струна* – 3 употребления, имя прилагательное *струнный* – 3, имя существительное *барабан* – 5 раз, имя прилагательное *барабанный* – 2 раза, словосочетание *губная гармошка* – 2, *струнных инструментов* – 1 раз); 5) музыкальное содержание (*весёлую песню, индийскую песню, хоровые песни, украинские песни; романс про любовь, про коварство, про ревность*).

Роль интегральной семы ‘искусство’ в семантическом пространстве художественных текстов 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой велика. Писательница использовала для выражения содержания и трансляции интенций системой образов и оценочных суждений калейдоскоп номинаций музыкальных произведений разных исторических эпох (XVIII в., XIX в., XX в.) и жанров, музыкальных инструментов, имена русских и зарубежных композиторов, исполнителей, поэтов, на слова которых созданы романсы, песни и т. д.: Л. Бетховен, Р. Шуман, П. И. Чайковский; романс на стихи Ф. И. Тютчева в исполнении И. С. Козловского «Я встретил Вас...»; романс на стихи Я. П. Полонского,

музыку Я. Пригожего «Мой костёр в тумане светит...»; романс в исполнении М. Бабановой из спектакля А. Арбузова «Таня»; романс «Хризантемы» баронессы А. И. Радошевой; песня «Если завтра война...» и др.; русские, украинские, цыганские народные песни («Позабыт-позаброшен», «Дывлюсь я на небо»); колыбельные песни; песня рабочего движения «Красный Веддинг» на стихи Э. Вайнерта, музыку Г. Эйслера; приводятся песни, которые сочинили воспитанники детского дома (песня про черешенских ребят).

Скрупулёзное описание в текстах лексико-семантического поля (ЛСП) «музыка», представленного различными лексико-семантическими группами (ЛСГ): «Человек, создающий музыкальное произведение или исполняющий / слушающий его», «Словесно-музыкальное произведение», «Музыкальные инструменты и их части», «Определённые музыкальные способности», «Содержание музыкального произведения», – свидетельствует о значимости музыки как вида искусства в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой и отражает фрагмент русской и мировой языковой картины мира «Искусство».

Человек в произведениях Ф. А. Вигдоровой, согласно концепции С. А. Колпаковой, О. М. Исаченко, выступает в трёх ипостасях: творец (композитор), исполнитель (певец, музыкант), слушатель. «Музыкальная коммуникация» отождествляется с речевой: музыкальное творчество – это порождение информации; исполнение музыки – передача информации; восприятие музыки – восприятие информации [6, с. 94]. Музыка – это коммуникативный акт, «каузированный субъектом» [6, с. 94]. В произведениях писательницы данный коммуникативный акт носит высокий, патетический характер и реализуется в полной мере только тогда, когда слушатель интеллектуально, духовно, эмоционально готов к восприятию музыкального произведения. Так, в текстах автора одни герои обладали способностью чувствовать музыку с детства благодаря учителю (вос-

питателю / маме), сумевшему раскрыть в ребёнке природные способности, научившему тонко ощущать мир, другие персонажи смогли по-настоящему услышать и понять музыку лишь тогда, когда душа их была наиболее восприимчива к окружающей действительности (одиночество, плен, эвакуация, война). Композиции эти носят философский характер (цикл фортепианных пьес Р. Шумана «Карнавал», отрывок из пьесы П. И. Чайковского «Осенняя песня», фортепианная пьеса Людвиг ван Бетховена «К Элизе»; романс «Я встретил Вас...» на стихи Ф. Тютчева; мелодия из трагикомедии Чарльза Чаплина «Огни большого города»). Они отражают и раскрывают духовный мир героев, помогают им подняться над повседневностью, переосмыслить собственные поступки, повседневные, семейные, исторические события и обрести внутреннюю гармонию, смысл жизни, дают силы для духовной борьбы, для движения к новым свершениям. Искусство духовно преобразует их. В мире красоты и гармонии черпают они силы, обретают вдохновение. Действительность посредством искусства, в частности музыки, соединяется с миром сказки, мечты, прошлое переплетается с настоящим и будущим.

По мысли писательницы, воспитание гармонично развитой личности, духовно-нравственной, интеллектуальной, самостоятельной, способной критически мыслить, возможно благодаря искусству, музыке. Так, Андрею мама прививала любовь к искусству (музыка) с детства. Галина и Семён Карабановы большое значение придавали искусству в процессе воспитания личности (домашние спектакли, прослушивание музыкальных произведений, обучение игре на музыкальных инструментах, уроки музыки).

Использование слов с интегральнойемой 'искусство' из системы средств концепта «музыка» выражает прагматическую установку Ф. А. Вигдоровой, заключающуюся в стремлении показать роль искусства, в частности музыки, в жизни человека, общества, его преобразующее начало,

воспитательное значение, нравственную, эстетическую, аксиологическую, гносеологическую, коммуникативную (в том числе межкультурную) функции.

Роль слов *музыкант, музыкантша, музыкальный* в идиостиле писательницы

Словом *музыкант* как полисемантупотреблено в текстах в значениях, свойственных узусу: 1. Специалист в области музыки¹. На лицах *музыкантов* лежало странно безразличное выражение². 2. Тот, кто занимается игрой на музыкальном инструменте³. Он *музыкант, танцор* ...⁴.

Конкорданс единицы *музыкант* идиолекта писательницы в текстах таков: на лицах музыкантов, старик музыкант; он музыкант, такого музыканта.

Гапакс *музыкантша* наделён пренебрежительной коннотацией, отражает межличностные отношения героев и имплицитную пейоративную авторскую характеристику персонажа, в чьей речевой партии слово использовано, – отношение соседки к пожилой учительнице музыки, ленинградке, эвакуированной с внуками в Ташкент (*И бабка эта, музыкантша: «Сашенька, Сашенька!»*⁵). Лексема *музыкантша* характеризует соседку, завистливую, обидчивую. В её словах автор проявляет горечь и боль, видимо, от былых утрат, от неумения любить, создавая реалистический образ персонажа.

Слова *музыкант, музыкантша* нечастотны в контексте, однако значимы в ментально-лингвальном комплексе языковой личности писательницы. Они используются в художественном тексте как органическая часть её словаря (идиолексикона), указывая на наименование лиц по профессии, выражая прагматическую установку писательницы: музыканты призваны пробуждать в душе человека всё самое светлое и доброе, формировать и развивать эстетический вкус зрителя, воспитывать средствами искусства.

В семантической структуре имени прилагательного *музыкальный* («прил. к музыка») как полисеманта просматривается связь его компонентов с первым значением производящего слова *музыка*: «только полн. ф. прил. к музыка»⁶: Он считал, что учитель должен быть человеком эпохи Возрождения: *петь, играть на всех музыкальных инструментах, лепить, танцевать*⁷. *Музыкального инструмента у нас не было*⁸.

Конкорданс единицы *музыкальный* в текстах таков: *музыкальных инструментов, музыкального инструмента*. Это устойчивая коллокация – общая номинация для ЛСГ гиперо-гипонимического строения.

Гипероним *музыкальный инструмент* называется любой «предмет, с помощью которого музыканты извлекают любые, в том числе и немзыкальные неорганизованные звуки»⁹.

На страницах художественных произведений упоминаются различные группы музыкальных инструментов, номинации

¹ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

³ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

⁴ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁶ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 08.05.2021).

⁷ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 08.05.2021).

⁹ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/9034> (дата обращения: 17.06.2021).

которых – согипонимы в частных парадигмах:

1) струнные: щипковые (балалайка, гитара, мандолина), смычковые (скрипка, виолончель);

2) духовые: медные (труба, горн), язычковые (гармоника, губная гармошка);

3) ударные (барабан, колокольчик);

4) клавишные: духовые (аккордеон, баян, гармонь, орган), струнные (фортепиано, рояль, пианино, клавесин).

Как видим, слова *музыкальный инструмент* (общая номинация), *балалайка, гитара, мандолина, труба, горн, гармоника, аккордеон, губная гармошка, барабан, колокольчик, аккордеон, баян, гармонь, орган, фортепиано, рояль, пианино, клавесин* входят в состав лексико-семантической группы (ЛСГ – «музыкальный инструмент»), объединённой родовидовыми отношениями в соответствии с фрагментом картины мира (*музыкальный инструмент* – гипероним, *балалайка, гитара, мандолина, труба, горн, гармоника, аккордеон, губная гармошка, барабан, колокольчик, аккордеон, баян, гармонь, орган, фортепиано, рояль, пианино, клавесин* – гипонимы), и репрезентируют концепт «музыка», отражающий языковое сознание писательницы, указывают на важную роль музыкального инструмента как средства передачи чувств, настроений исполняющего, средства общения музыканта и слушателя, участвуют в формировании нравственных, духовных, эстетических, аксиологических установок зрителя в художественном пространстве.

Заключение

Справедливо отметил русский композитор Георгий Свиридов, что основное предназначение музыки – духовное совершенствование человека.

Обращение Ф. А. Вигдоровой к концепту «музыка» вызвано её стремлением показать формирование духовно-нравственных ориентиров человека посредством музыки, которая – «одно из непосредственных проявлений

человеческого духа», неотлучная спутница человека, верная выразительница «его внутренней жизни на пути её постепенного роста» [5, с. 5].

В текстах 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой музыка выстраивает художественное пространство и время в произведении, помогает их философски осмыслить, создаёт эмоциональный фон в текстах, что позволяет писательнице достичь определённого изобразительного эффекта. Музыка «представляет собой определённый художественный код, благодаря которому в условиях конкретной культуры общества и отдельного индивида выявляется истинное его содержание, соответствующее авторскому замыслу и в то же время выходящее за рамки авторского послания» [3, с. 114], реализуя в текстах такие темы музыкальных произведений, как любовь, одиночество, жизнь и смерть, внутренняя борьба, духовное исцеление. Музыка, по мысли писательницы, живёт в душе каждого человека, её необходимо только научиться слышать.

Слова с корнем -муз- в идиолексиконе Ф. А. Вигдоровой употребляются в значениях: 'искусство', 'произведение или совокупность произведений искусства', 'инструментальная разновидность искусства', 'исполнение, звучание инструментальных произведений', перен. 'гармоничное, приятное для слуха звучание чего-л.', 'совокупность каких-либо звуков', 'творческое преобразующее начало', 'душа', 'смысл жизни', 'сила искусства'. Они раскрывают языковую личность писательницы, выражают её интенцию: показать катарсическое воздействие музыки на человека, в результате которого происходит его духовное, нравственное, интеллектуальное преображение. Контексты, в ткань которых вплетены вербализаторы концепта «музыка», указывают на важную роль музыки в жизни писательницы, на её убеждённость в коммуникативном, эстетическом, аксиологическом, гносеологическом, социокультурном значении музыки в жизни человека.

Анализ семантики слов с корнем -муз- в произведениях 1950–1960-х гг. Ф. А. Вигдоровой позволяет сделать вывод, что они демонстрируют особенности состава идиолекта писательницы, константы её идиостиля – народность, лиричность; указывают на прагматическую ориентацию писательницы – рассказать о возможности воспитания гармонично развитой личности средствами искусства; выявляют специфику отражения концептуального содержания одной из важнейших единиц русской и мировой культуры, концептосферы «музыка», в ментально-лингвальном комплексе языковой лично-

сти Ф. А. Вигдоровой, заключающуюся в изображении культурных традиций, национального характера, интеллектуальных, духовных качеств разных народов (русских, украинцев, цыган, немцев и т. д.); позволяют оценить мировоззрение писательницы как русского мыслящего интеллигента, её эрудицию, знание русской и мировой истории, в частности, истории искусства, степень причастности к формированию национальной русской культуры в период творчества.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Асянина Ю. М. Специфика лингвокультурного концепта МУЗЫКА // Филологический аспект. 2019. № 10 (54). С. 85–90.
3. Брылева Н. А. Концептосфера музыкального пространства культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология. 2009. № 324. С. 112–114.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1988. 480 с.
5. Давыдов И. А. Бетховень. Его жизнь и музыкальная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. 78 с.
6. Колпакова С. А., Исаченко О. М. Концепт «музыка» в русской языковой картине мира // Linguistica Juvenis. 2012. № 14. С. 95–97.
7. Коробко Л. В. Музыка как объект в языковой картине мира Л. Н. Толстого // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 279–288.
8. Куличева Е. В. Роль музыки в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье» // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы XX Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти Алексея Фёдоровича Лосева, г. Москва, 22–23 ноября 2018 г. Ярославль: Литера, 2020. С. 106–114.
9. Леденёва В. В. Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
10. Макаров И. В. Религиозно-философские постижения музыкального творчества в XX веке // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 107–118.
11. Максимова О. Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 21 с.
12. Матвеева Н. Н. Способы языковой репрезентации концепта «музыка» в поэзии Б. Окуджавы // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы Международной конференции V Бодуэновские чтения: в 2 т. Т. 1. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 194–196.
13. Михеев А. В. Стойкий бумажный солдатик // Окуджава Б. Ш. Искусство кройки и житья: рассказы, повести. М.: Время, 2018. С. 5–13.
14. Хаменок В. И. Музыкальный аспект в творчестве Б. Л. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 40 с.
15. Хохонин Д. Е. Лексемы семантической сферы «музыка» в метафорическом использовании // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2016. № 3 (22). С. 6–13.
16. Хохонин Д. Е. Лексика семантической сферы «музыка» в метафорическом использовании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 22 с.
17. Шутова А. В. Концепт «музыка» в ранней лирике О. Э. Мандельштама и его отражение в лексической структуре поэтических текстов автора // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (199). С. 49–55.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p.
2. Asyanina Yu. M. [The Specificity of the Linguocultural Concept of MUSIC]. In: *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2019, no. 10 (54), pp. 85–90.
3. Bryleva N. A. [Conceptosphere of the Musical Space of Culture]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Culturology], 2009, no. 324, pp. 112–114.
4. Vygotsky L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1988. 480 p.
5. Davydov I. A. *Betkhoven. Ego zhizn' i muzykal'naya deyatel'nost'*. *Biograficheskii ocherk* [Beethoven. His Life and Musical Activity. Biographical Essay]. St. Petersburg, 1893. 78 p.
6. Kolpakova S. A., Isachenko O. M. [The Concept of “Music” in the Russian Language Picture of the World]. In: *Linguistica Juvenis*, 2012, no. 14, pp. 95–97.
7. Korobko L. V. [Music as an Object in L. Tolstoy's Linguistic Picture of the World]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2015, vol. 1, no. 4, pp. 279–288.
8. Kulicheva E. V. [The Role of Music in F. A. Vigdorova's Novel “Family Happiness”]. In: *Sintez v russkoi i mirovoi khudozhestvennoi kul'ture : materialy XX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati Aleksey Fedorovicha Loseva, g. Moskva, 22–23 noyabrya 2018 g.* [Synthesis in Russian and World Artistic Culture: Proceedings of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Alexei Fedorovich Losev, Moscow, 22– November 23, 2018]. Yaroslavl, Litera Publ., 2020, pp. 106–114.
9. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. 260 p.
10. Makarov I. V. [Religious and Philosophical Comprehension of Musical Creativity in the XX Century]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2019, no. 2, pp. 107–118.
11. Maksimova O. L. *Proza A. Grina: muzyka v khudozhestvennom soznanii pisatelya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A. Grin's Prose: Music in the Writer's Artistic Consciousness : Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Vologda, 2004. 21 p.
12. Matveeva N. N. [Methods of Linguistic Representation of the Concept of “Music” in the Poetry of B. Okudzhava]. In: *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: trudy i materialy Mezhdunarodnoi konferentsii V Boduenovskie chteniya. T. 1* [I. A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: Works and Materials of the International Conference V Baudouin Readings. Vol. 1]. Kazan, Kazan University Publ., 2015, pp. 194–196.
13. Mikheev A. V. [Steadfast Paper Soldier]. In: Okudzhava B. Sh. *Iskusstvo kroiki i zhit'ya: rasskazy, povesti* [Art of Cutting and Living: Stories]. Moscow, Vremya Publ., 2018, pp. 5–13.
14. Khamenok V. I. *Muzykal'nyi aspekt v tvorchestve B. L. Pasternaka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Musical Aspect in the Work of B. L. Pasternak: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2018. 40 p.
15. Khokhonin D. E. [Tokens of the Semantic Sphere of “Music” in Metaphorical Use]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Topical Issues of Modern Philology and Journalism], 2016, no. 3 (22), pp. 6–13.
16. Khokhonin D. E. *Leksika semanticheskoi sfery “muzyka” v metaforicheskom ispol'zovanii : avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Vocabulary of the Semantic Sphere of “Music” in Metaphorical Use: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2015. 22 p.
17. Shutova A. V. [The Concept of “Music” in the Early Lyrics of O. Mandelstam and Its Reflection in the Lexical Structure of the Author's Poetic Texts]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2019, no. 2 (199), pp. 49–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva – Cand. Sci. (Philology), an Independent Researcher;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Репрезентация концепта «музыка» в творческом наследии Ф. А. Вигдоровой 1950–1960-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 31–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-31-41

FOR CITATION

Kulicheva E. V. Representation of the Concept of Music in the Creative Heritage of F. A. Vigdorova in the 1950s–1960s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 31–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-31-41

УДК 81.28; 811.161.1.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55

КОНСТАНТИНОВСКИЙ ГОВОР В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. А. ЕСЕНИНА КАК ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МИКРОЯЗЫКА

Осипова Е. П.*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина**390000 г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить язык поэтических произведений С. А. Есенина. Специфика заключается в соединении литературного языка с фонетическими, акцентологическими и грамматическими диалектными явлениями, в использовании диалектных словообразовательных моделей в текстах, не относящихся к «деревенской» тематике, а также в попытке создания стихов, написанных полностью с использованием диалекта.

Процедура и методы. С учётом поисков нового поэтического языка в русской литературе начала XX в. рассмотрены конкретные примеры присутствия в поэтических текстах С. А. Есенина диалектных фонетических, акцентологических и грамматических явлений. При проведении исследования применены методы наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации. При анализе художественных текстов использовались материалы полевого обследования говора с. Константиново Рыбновского района Рязанской области.

Результаты. Поэтические тексты указывают на владение поэтом в равной степени литературным языком и говором родного с. Константинова Рыбновского района Рязанской области. Наличие значительного числа произведений, созданных с использованием диалекта, и отдельных – полностью на диалекте, свидетельствует о том, что, как и Н. Клюев, С. Есенин предпринимал попытку создания нового поэтического языка, который из-за присутствия в нём значительного диалектного компонента можно определить как литературный микроязык.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён значительный материал по исследуемой проблематике. Полученные результаты могут быть использованы в вузовских спецкурсах по русской диалектологии, филологическому анализу текста, изучению языка художественного произведения.

Ключевые слова: говор, диалектизм, литературный микроязык, морфология, словообразовательная модель, фонетика

THE KONSTANTINOVO DIALECT IN THE POETIC WORKS OF SERGEY YESENIN AS AN ATTEMPT TO CREATE A LITERARY MICRO-LANGUAGE

E. Osipova*Ryazan State University named after S. A. Yesenin**ul. Svobody 46, Ryazan 390000, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the research is to determine the peculiarities of the language of the poetic works of Sergey Yesenin. The specificity lies in the connection of the literary language with phonetic, accentological and grammatical dialectal phenomena, in the use of dialectal word-formation models in texts not related to the “village” theme and in attempts to create poems written entirely with the dialect’s use.

Methodology. The paper covers specific examples of dialectal phonetic, accentological and grammatical phenomena present in poetic texts of Sergey Yesenin in connection with the search for a new poetic language in the Russian literature of the beginning of the XX century. Methods of observation, comparison, generalization and interpretation are employed in the research.

Materials of a field research of the dialect of the village of Kontantinovo, Rybnovo Raion, Ryazan Region are used in the analysis of literary texts.

Results. Poetic texts indicate the poet's fluency in literary language and the dialect of his native village of Konstantinovo, Rybnovo Raion, Ryazan Region. The presence of a significant number of works created using the dialect and some works entirely written in the dialect indicates that Sergey Yesenin (like Nikolai Klyuev) attempted to create a new poetic language in which we can find features of a literary microlanguage due to the presence of a significant dialect component.

Research implications. The research summarizes considerable material on the studied problem. Its results can be used in university special courses on Russian dialectology, philological analysis of texts, and studies of the language of literary works.

Keywords: dialect, dialectism, literary microlanguage, morphology, word-formation model, phonetics

Введение

Использование диалектной речи в художественных текстах – традиция русской литературы, берущая своё начало в трудах И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, а соответствующая ей практика отечественного языкознания – пристальный интерес исследователей к особенностям местной речи, нашедшим отражение в произведениях писателей и поэтов.

Специфика диалектной речи родного края нашли яркое отражение в поэзии С. А. Есенина. Язык его произведений, диалектная лексика неоднократно становились предметами исследований. Отмечали стремление автора к воссозданию местного колорита, указывали на удивительный дар С. А. Есенина к созданию ярких образов с использованием реалий крестьянского быта, в том числе и в текстах, темами которых не являются деревня, сельская жизнь [3; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 22], привлекало внимание цветообозначение [2; 26], рассматривалась лексика в аспекте концептологии [4; 27], подвергались анализу окказионализмы в поэзии С. А. Есенина [21]. Вместе с тем акцентологические, фонетические особенности родного поэту говора с. Константинова, использование диалектных морфологических форм не получили серьёзного анализа с точки зрения оснований их присутствия в поэтических произведениях С. А. Есенина, не посвящённых описанию деревенского быта. Отмечая наличие тех или иных явлений, авторы не предпринимали попыток оценить стиль поэта в це-

лом, увязать этот стиль с поисками нового поэтического языка, которые происходили в русской поэзии начала XX в.

Результаты исследования

Обращаясь к данной теме, нельзя не коснуться роли Н. А. Клюева в творческом становлении С. А. Есенина. Уже в первом письме Н. А. Клюеву 24 апреля 1915 г. С. А. Есенин отмечает наличие того, что их объединяет: «Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только *на своём рязанском языке*»¹ (выделено нами. – Е. О.). Уже в ранний период творчества поэт обращает внимание на особенность языка стихов своих и Н. А. Клюева. Между поэтами сразу же устанавливаются дружеские отношения.

Творчество русских писателей всегда является выразителем настроений общества, и поэтому в связи с обсуждаемой проблемой интерес представляет восприятие современниками выступлений и произведений Н. А. Клюева и С. А. Есенина. Так, писатель Б. А. Лазаревский вспоминал: «Вечером пошёл я в “Ежемесячный журнал”. Думал, что проскучаю, а вышло интересно. Читал я свой рассказ, ну да сиё не важно, а важно, что я, вообще не любящий стихов, кроме Лермонтова и Шевченко поэтов почти не чтущий, вдруг услышал двух поэтов – да каких! Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и наружность как у Шевченка в молодости. Начал он читать негромко, под сурдинку басом.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Голос: Наука, 1999. С. 66.

И очаровал. Проникновеннее Некрасова, сочнее Кольцова. Миролюбов плакал... Чуть было не плакал и я. ... И далеко же этим футуристам и Маяковским с их криком и воем до этой музыки, точно весь народ русский говорит. Затем выступал его товарищ, Сергей Есенин. Мальчишка 19-летний, как херувим блаженности и завитой, и тоже удивил меня. В четверть часа эти два человека научили меня русский народ уважать и, главное, понимать то, что я не понимал прежде, – музыку слова народного и муку русского народа – малоземельного, водкой столетия отравляемого. И вот точка. И вот мысль этого народа и его талантливые дети Есенин и Клюев» [1, с. 164–165].

Н. А. Клюев стремился утверждать в русской поэзии «народное» мировоззрение, поэтому пытался вокруг себя собирать близких по духу С. А. Есенина, С. А. Клычкова, П. И. Карпова, А. Ширяевца. Его совместные выступления с С. А. Есениным вызывали серьёзный общественный резонанс, обостряли внимание к народной культуре. Освоение наследия народной культуры литературой обычно активно происходит в переломное для государства и общества время, когда проявляется повышенный интерес к традиционной народной культуре и народу как новой творческой силе истории. Стремление понять свой народ, найти точки духовного соприкосновения с ним – вот что волновало в те предреволюционные годы русское общество вообще и русское искусство в частности [11, с. 281].

Следует отметить, что реакция литературной среды на Н. А. Клюева и С. А. Есенина не была однозначной. Одни усматривали в их стиле «художественно не оправданное стилизаторство» [1, с. 169, 171], другие – появление нового языка (поэтесса З. И. Бухарова), «некоторую новую освежающую струю в нашу начинающую уже дряхлеть поэзию» (Н. Н. Вентцель) [1, с. 178]. В частности, М. Г. Берлацкий так передал свои впечатления от произведения Н. А. Клюева и исполнения: «На эстраде кабаре то и дело появлялись раз-

ные дилетанты-певцы, поэты, футуристы и прочие коптителы петербургского туманного неба. Было невыносимо скучно и тоскливо. Как вдруг на эстраде появился белобрысый парень, в поддёвке, в домо-танной рубашке с вышивками, открыл рот с двумя рядами ровных белоснежных зубов, и заговорил сначала тихо, потом всё громче, на каком-то новом непонятном языке – всё о той же деревне, о её житейских невзгодах и войне. Были такие слова: бажонная, смеретушка, мостовичина, неуедные и много других провинциализмов. ... Я был поражён и смелостью, и свежестью, и простотой, и музыкальностью клюевских стихов; как-то сразу померкли все эти вялые, тусклые произведения косноязычных питерских пиитов, и я бросился за кулисы к Клюеву!» [1, с. 188].

В это время Н. А. Клюев стремился к созданию особого поэтического языка, основанного на использовании «народных» слов. Поэту ставили в упрек перенасыщение произведений провинциальной лексикой, мешавшей восприятию стихов. Однако освоение «потаённых» слов Н. А. Клюев представлял важной художественной задачей, поэтому в одном из писем обосновывает право художника на использование «народных» слов и возражает против пояснений к ним: «В меня не вмещается учёное понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей родной местности, т. е. всё-таки языком народным. ... В присланном Вам мною моем “Беседном Наигрыше”, представляющем из себя квинтэссенцию народной песенной речи, есть пять-шесть слов, которые бы можно было объяснить в подстрочных примечаниях, но это не только изменяет моё отношение к читателю, но изменяет и самое произведение, которое, быть может, и станет понятнее, но в то же время и станет совсем новым произведением – скорее нарушением моего замысла произвести своим созданием известное впечатление. Поэтому будьте добры и милостивы не делать никаких пояснительных сносок к упомянутому “Беседному

Наигрышу” и оставить его таким, каким я Вам передал...» [1, с. 176–177].

Революция 1917 г., казалось, открыла двери в новый мир, и новая Россия, по мнению поэтов, должна получить новую поэзию и новый поэтический язык. Это время активных поисков в области языка и формы, ожесточённых споров о новой поэзии. «Если одни “во имя прекрасного Завтра” грозились “сжечь Рафаэля”, сбросить с “корабля современности” Пушкина и всех прочих “генералов классики”, то крестьянские поэты были уверены в том, что новое слово зиждется на фундаменте мудрых книг, поэтому древние мотивы и образы ... просвечивают в тексте и в подтексте их произведений ... Певец Новой Руси, полагали поэты Серебряного века, должен нести Новое Слово» [10, с. 177–178].

И Н. А. Клюев, и С. А. Есенин принесли в русскую поэзию особую языковую стихию, систему образов. Своеобразие поэтического языка Н. А. Клюева проявляется в широком использовании местных слов Обонежья, которые поэт мастерски включает в образный строй произведений. По свидетельству Л. Г. Яцкевич, «Поэтический словарь Н. А. Клюева» включает свыше десяти тысяч диалектизмов, при том что его словарь насчитывает около пятнадцати тысяч слов [28, с. 760].

С. А. Есенин принёс в русскую поэзию южнорусскую речевую традицию. Несмотря на расхождение жизненных и творческих путей, С. А. Есенин никогда не отрицал влияния Н. А. Клюева на свою поэзию и даже после окончательного разрыва откровенно признавал: «Вот я, например, могу сказать про себя. Что я – ученик Клюева. И это – правда! Клюев – мой учитель»¹. За несколько дней до кончины сказал своему другу В. И. Эрлиху: «Как был он моим учителем, так и останется. Люблю я его»².

Внимание к региональной литературе не только в литературоведении, но и в

языкознании стало проявляться в 80-е гг. XX в. [6]. Показательной в этом отношении является статья академика Н. И. Толстого «Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы Н. А. Клюева “Погорельщина”» (1988 г.), в которой учёный отмечает «клюевский окающий онежский говорок, тот же порой почти молитвословный стих и плач, перемежающийся с лихой, едва ли не частушечной деревенской речью», множество «крестьянских, редких и необщепотребительных слов» [24, с. 78]. Учёный указывает на совпадение по времени поисков Н. А. Клюевым новых и свежих форм языкового выражения со словотворческими опытами В. Хлебникова («О рассмейтесь, смехачи!») и ещё более эксцентричными экспериментами Д. Д. Бурлюка и его окружения. Однако Н. А. Клюев не выдумывал слова, не культивировал их специально, в отличие от В. Хлебникова, Д. Д. Бурлюка и их сторонников. У Н. А. Клюева много редких, необщепотребительных, крестьянских слов, поэтому к «Стихотворениям и поэмам», изданным в 1977 г. в серии «Библиотека поэта», приложен словарь. Н. И. Толстой, отмечая непривычность данного факта для русского читателя, адресует нас к литературе ряда европейских стран (Италии, ФРГ, Испании, Югославии), где хорошо известно такое явление, как «диалектная литература», «локальная литература» – литература на местных диалектах, которую носителю литературного языка нельзя читать без сопровождающих её словарей. В заключение Н. И. Толстой отмечает перспективность темы «локальных литератур» для русской литературы и роли диалектной речи в их развитии [24, с. 81].

Эта мысль получает развитие в статье «Новый славянский литературный микроязык?» (1990 г.), посвящённой памяти академика Г. В. Степанова, который на основе анализа языковой ситуации или языкового состояния в различных культурно-языковых условиях, в разные периоды литературно-языкового процесса того или иного народа или нации указывает: «Типы ситуаций исторически меняются. Для донаци-

¹ Эрлих В. И. Право на песнь // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 332.

² Там же. С. 349.

онального периода характерна ситуация, участниками которой являются территориальные диалекты; для национального периода – отношения между диалектами, с одной стороны, и между диалектами и единым литературным языком, с другой. Между этими двумя основными типами ситуаций располагаются менее типичные, характеризующиеся комбинацией языков, вариантов, диалектов и иносистемных языков в одном лингвосоциуме» [цит. по: 25, с. 497]. В данной статье Н. И. Толстой приводит цитаты из авторов, пишущих на диалектном языке, – М. Шеляговича и В. Панкова. М. Шелягович создаёт на русинско-полесском языке (центральном говоре западнополесского диалекта, по определению самого Шеляговича) стихи, прозу и даже журнально-публицистические статьи. Например,

Польшчуцька пісня (Полесская песня)

З чым зрумнеты пісню

Польшчуцьку?

Но з Полісsem.

Рыхтычна – воно!

Еко діты до батькэ! пудхожы,

Так вона пудхожа до ёго! [25, с. 503].

Отталкиваясь от белорусского литературного языка и украинского, М. Шелягович использует диалект, а также слова, отсутствующие в литературном белорусском, украинском и русском языках и не встречающиеся в диалектах, но образованные автором по моделям диалектным [25, с. 504].

Опираясь на характеристику славянских литературных языков, в частности русинского языка, содержащуюся в его ранней работе, а также в труде А. Д. Дуличенко [5], Н. И. Толстой экстраполирует данную языковую ситуацию на поиски нового литературного языка в русской литературе начала XX в. Комментируя использование Н. А. Клюевым в поэме «Погорельщина» олонечского высказывания: «Порато баско зимой в Сиговце!» для выражения прелести жизни в родном селе зимой, Н. И. Толстой пишет: «Жанр поэзии является самым излюбленным жанром писате-

лей – представителей славянских малых, областных или «диалектных» литературных языков (при всей внутренней смысловой противоречивости словосочетания «диалектный литературный язык» им иногда пользуются филологи в Югославии применительно к чакавским и кайкавским примерам и образцам использования диалекта в литературе). И это совершенно естественно. Пример истории русской поэзии, в которой допушкинский и пушкинский стих, будучи образцовым, с трудом допускал диалектно окрашенную речь, всё же показывает, что поэзия нуждалась в особом языке. Либо в языке заумном, либо в языке, искусственно созданном на основе словообразовательного богатства русского языка (ср. у Хлебникова: «О, исмейся рассмейся, смех надсмейных смеячей!»), либо на основе отдельных слов и фраз, взятых поэтами из скабницы простой крестьянской речи» [25, с. 503].

Совершенно очевидно, что попытки создания нового поэтического языка на базе литературного языка в эпоху Серебряного века зашли в тупик. И лишь яркая, образная народная речь всегда вызывала ответный отклик в читателях и слушателях. В связи с этим представляется интересной реакция современников на стихотворение С. А. Есенина «В хате» (1914 г.): «Вот поистине новые слова, новые темы, новые картины!.. И как недалеко надо ходить за ними!.. В каждой губернии целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных» [цит. по: 23, с. 22].

Термин «литературный микроязык» (малый литературный язык) был предложен А. Д. Дуличенко в конце 1970-х гг. и используется для обозначения литературно-языковых образований, которые находятся за пределами известных славянских литературных языков крупных наций (этносов). Славянские микроязыки базируются на диалектах или говорах периферии того или иного языкового массива, либо на островном диалекте, обладают большей или меньшей степенью нормализации, используют

ся в ряде сфер, типичных для литературных языков, но в ограниченном объёме и всегда наряду с каким-либо национальным (генетически родственным или неродственным) литературным языком. Например, в сербохорватском языке выделяются градищано-хорватский, молизско-славянский микроязыки, в украинском – карпаторусинский, полесский микроязыки¹. Как представляется, именно роль диалектов в образовании микроязыков побудила Н. И. Толстого провести параллель между произведениями Н. Н. Щеляговича, В. М. Панкова – и Н. А. Клюева.

Для С. А. Есенина местная речь родного села Константинова (ныне – Рыбновского района Рязанской области) стала той благодатной средой, которая воспитала тонкое чувство языка. Это обусловило внимание и к литературной форме русского языка, и к богатствам народной речи. С. А. Есенин использовал знание языка родного края, вплетая в ткань произведений живую народную речь, словно стремясь к воспроизведению звучащей константиновской речи. Это не стилизация, к которой иногда прибегают художники слова, а подлинная диалектная речь. Именно в этом А. А. Никольский усматривает уникальность С. А. Есенина среди классиков русской литературы, называя её «билингвизмом», чтобы показать, какое значительное место занимает диалект в языке произведений поэта. Однако хочется подвергнуть сомнению положение автора, что отражение диалектных фонетических, морфологических черт в языке произведений С. А. Есенина является произвольным, немотивированным, в то время как диалектная лексика в его произведениях – явление осознанное и мотивированное [13, с. 90–93]. Постараемся показать на текстах произведений поэта, насколько часто отражается диалектная фонетика, акцентология, морфология наряду с лексикой в его стихах.

Знание фонетики говора даёт возможность определить диалектный характер

отступлений от литературной нормы. Фонетические диалектизмы часто используются как средство характеристики героев. Замечательной иллюстрацией является диалектное слово *жисть*. Неоднократно в стихах встречается фонетический вариант данной лексемы *жись*, что является результатом упрощения групп согласных на конце слова: <ст'> → <с'> (ср. *бал'ес'т' – бал'ес'*). Именно данный вариант и используется чаще всего поэт. Оба варианта широко бытуют в рязанских говорах, поэтому так естественно воспринимаются в высказываниях персонажей-крестьян в произведениях С. А. Есенина (здесь и далее выделения наши. – Е. О.):

«...Послушай-ка, беззаботник,
Про нашу крестьянскую *жись*».²
1925 г.

Однако поэт часто использует данные формы в авторском тексте:

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в *жисть* бы таких не писал...³
1925 г.

Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«*Жись*»,
Но если ты не женился,
То не женись.⁴
1925 г.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми нематыми речами
Они свою обсуживают «*жись*».⁵
1924 г.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 169.

³ Там же. С. 187.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 264.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 95.

¹ Славянские микроязыки // Академик: [сайт]. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1036201> (дата обращения: 07.10.2021).

В двух последних случаях автор берёт слово в кавычки, вероятно, подчёркивая цитатность в его использовании. Представляется, что им руководило не только стремление получить точную рифму. Даже в тех случаях, когда автор прибегает к орфографической записи, отражающей литературную норму, местную произносительную особенность можно восстановить, если допустить абсолютное созвучие рифмующихся слов (ср. *ветками – веткими*: Удержи ты ветками, // Как руками меткими¹. 1925 г.).

Пожалуйста, голубчик, не *лижись*.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое *жизнь*,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.²
1925 г.

Эти примеры показывают, что диалектное произношение слова «жизнь» в рифмующихся строках использовано поэтом в собственной речи без особых художественных задач.

Отдельные фонетические особенности настолько последовательно закрепились в стихах, что воспринимаются поэтом как вполне допустимые. Очевидно, что <г> в речи поэта был фрикативным. Это замечательно иллюстрируют примеры с оглушением <г> в <х> на конце слов, в которых фрикативный характер <г> подтверждает и рифма: *друг – глух, дух, настух, пух; луг – петух, пух; очаг – страх; порог – вздох; постиг – стих; снег – всех, орех, мех*. Например,

Я не знаю – то свет или мрак?
В чаще ветер поёт иль *петух*?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на *луг*.³
1917 г.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и *луг*,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит *петух*.⁴
1918 г.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 224–225.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 125.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 67.

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и *глух*.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой *друг*?⁵
1925 г.

Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в *страх*,
Гляжу средь судов все пристальной
На красный советский *флаг*.⁶
1925 г.

Нельзя не отметить, что здесь диалектное произношение отражено в словах Анны Снегиной – помещицы, образованной женщины.

В других случаях автор использует рифму, соответствующую литературной норме, например,

Ночь проходит. Свет *потух*.
За окном поет *петух*.⁷
1925 г.

Встретился случай замены <ф> сочетанием <хв> (*дрофа – дрохва*):

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные.
Не народ, а *дрохва*
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.⁸
1924 г.

Интересен факт использования фонетического варианта в качестве орфографической записи:

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 235.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 186.

⁷ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 279.

⁸ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 116.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она *другова*,
Молодая, красивая дрянь.¹
1923 г.

В стихах С. А. Есенина сохранились и акцентологические диалектные черты. Некоторые глаголы в говоре села Константинова характеризуются неподвижным ударением в отличие от литературного языка, в котором форма женского рода прошедшего времени противопоставлена формам среднего рода и множественного числа, имеющим ударение на основе. В рязанских говорах практически повсеместно встречаются формы прошедшего времени с неподвижным ударением типа *поня́л, поня́ли, поня́ла*. В стихах С. А. Есенина читаем:

Ты плакала в вечерней тишине,
И слёзы горькие на землю упали,
И было тяжело и так печально мне,
И всё же мы друг друга не *поня́ли*.²
1913 г.

В некоторых южнорусских говорах, в том числе рязанских, имеются глаголы с неподвижным ударением на окончании. Подобные формы свойственны и говору родины Есенина: *была́, были́, было́*:

Первый сказ о том,
Что давно *было́*.
А второй – про то,
Что сейчас *всплыло́*.³
1924 г.

В говоре села Константинова широко представлены формы наречий с ударением на конечном слоге: *весело́, холодно́, зелено́, бедно́, скудно́*. Встречаются они и в стихотворениях С. А. Есенина, что подтверждается рифмой:

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались *весело́*,
Девки брякали им бусами,
Зазывали за *село́*.⁴
1914 г.

Мать с ухватами не сла́дится,
Нагибается *низко́*,
Старый кот к махотке кра́дется
На парное *молоко́*.⁵
1914 г.

Не реже, чем фонетические и акцентологические, встречаются диалектные морфологические явления, особенно в глагольных формах. В южнорусских говорах (рязанские относятся к Восточной (Рязанской) группе южнорусского наречия) наблюдается неразличение возвратных суффиксов *-сь* и *-ся*. Стихотворные произведения Есенина свидетельствуют о бытовании подобных возвратных глагольных форм в говоре села Константинова:

Вот уж осень улетела
И *примчалася* зима.
Вот *появились* узоры
На стеклах дивной красоты.⁶
1911–1912 г.

Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И *плачуся* судьбиной.⁷
1911–1912 г.

Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас *удалися*
Или за грешную душу
Вместе со мной *помолися*.⁸
1912 г.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 173.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 44.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 116.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 48.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 28.

Несложно заметить, что в данном случае поэт мог прибегнуть к рифме с возвратными формами, соответствующими нормам литературного языка: *удались – помолись*. То же самое отмечаем в других глагольных формах (например, в деепричастиях):

И тёмный лес, *склоняся*, дремлет.¹
1911–1912 г.

Говор с. Константинова отмечен колоритными формами инфинитива типа –с'т' (*нести* 'нести'):

Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.²
1925 г.

Я не пойму, какой силой
Сумел *потрясть* он шар земной?³
1924 г.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.⁴
1924 г.

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рождён *перенесть*.⁵
1925 г.

Завесть, занесть, перенесть – это подлинные диалектные формы, бытующие до сих пор в речи жителей старшего поколения села Константинова.

Присутствуют в есенинских произведениях и диалектные формы местоимений:

Ковырай, ковырай, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с *эфтой* силой
В душу свою не лезь.⁶
1923 г.

Ах, и сам я нынче *чтой-то* стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.⁷
1925 г.

В константиновском говоре, как и в других южнорусских говорах, в сравнении с современным литературным языком шире употребляются формы родительного и предложного падежей с окончанием -у. Приведём примеры с окончанием -у в П. п.:

Загорятся, как чёрна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых *в шелку* купырей.⁸
1914 г.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму.
И кому-то не петь *на холму*.⁹
1917 г.

Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит *на зубу*.
Жду я весёлого, светлого,
Как молодую судьбу.¹⁰
1916 г.

Эта диалектная форма присутствует в речи крестьян – героев стихотворений. Например, в «Письме от матери»:

Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас *в дому*
Большие недостатки.¹¹
1924 г.

Широко употребительны на родине поэта формы существительных Им. п. и В. п. мн. ч. с ударным окончанием -а (*я*), о чём свидетельствуют его произведения:

Ой, текут *кровя* сугорами,
Стонут пасишные пажити,

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 21.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 168.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 145.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 177.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 187.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 19.

⁹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 76.

¹⁰ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 139.

¹¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 126.

Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.¹
1912 г., <1925 г.>

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.²
1915 г.

В говоре села Константиново можно отметить тенденцию к утрате среднего рода, при которой существительное среднего рода воспринимается диалектоносителем чаще как слово женского рода (*большая стада, во всю сяло*) или реже – как существительное мужского рода (*яблок большой, красный; мой ведро, зелёный крыльцо*). Обратимся к есенинским текстам:

А мужик, как взглянет,
Разведёт ручищей
Да как в спину втянет
Прямо **кнутовищей**.³
1925 г.

Облак, какмышь,
Подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.⁴
1917 г.?

Жителями села Константинова старшего возраста и теперь употребляются формы простой сравнительной степени прилагательных *раньше, похужай, длиннее, тяжельше, ширше* и т. п. Поэт в стихотворениях использует подлинные диалектные формы сравнительной степени:

Нынче мужик простой
Пялится **ширьше** неба.⁵
1919 г.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех **бойчей**.⁶
1924 г.

Стихи, стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.⁷
1925 г.

Заключение

Поэтические примеры свидетельствуют, что включение фонетических, акцентологических, морфологических элементов говора с. Константинова не связано определённо с конкретными периодами творчества поэта (произведения датированы с 1911–1912 г. по 1925 г.), но всё-таки чаще всего с 1911 по 1917 гг. – временем наибольшей творческой близости с Н. А. Клюевым. Далеко не всегда это имеет отношение к тематике (не только для передачи «деревенского» колорита): диалектные элементы встречаются как в репликах персонажей-крестьян, так и в собственно авторском тексте. Представляется, что в произведениях поэта мы сталкиваемся с сознательным стремлением передать звучание родной константиновской речи. Не исключаем, что в ряде случаев это связано с вызовом, который бросает поэт воспитанной на классических поэтических образцах публике.

С. А. Есенин и Н. А. Клюев являются современниками и творчески выражают одну эпоху. На попытки создания нового поэтического языка указывает и тот факт, что С. А. Есенин использует ресурсы родного говора в том числе и для создания индивидуально-авторских слов. К сожалению, исследователями далеко не всегда различаются аутентичные диалектные формы и авторские новообразования, созданные по диалектной словообразовательной модели.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 175.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 168.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 93.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 181.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 219.

Вспомним подобные опыты М. Шеляговича и приведём примеры авторского словотворчества в стихах С. А. Есенина:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло *процвести* и умереть.¹
1921 г.

Использование диалектной словообразовательной модели находим в окказиональных формах сравнительной степени:

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, *звяньше*.
Все равно не будет то, что было раньше.²
1925 г.

Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.³
1923 г.

В рязанских говорах бытуют формы 1 л. с тенденцией к выравниванию глагольной парадигмы, без чередования в глагольной основе: *сидеть* – *сидю*, *ловить* – *лавю*). Подобные новообразования, отсутствующие в говоре села Константинова, находим у С. А. Есенина:

Нового вознесения
Я оставляю на земле следы.
Пятками с облаков *свесюсь*,
Прокопыть тучи, как лось.⁴
1918 г.

Очевидно, что усвоенная с детства константиновская речь способствовала рождению в рамках литературного языка особых сочетаний, словообразовательных моделей, несвойственных авторам, владеющим только литературным язы-

ком. Основу стихотворных произведений составляет литературный язык с включением богатого диалектного материала разных уровней диалектной системы, но особенно ярко фонетического, акцентологического, морфологического, лексического. Это говорит о том, что С. А. Есенин, как и Н. А. Клюев, предпринимал попытку создания особого поэтического языка. У обоих поэтов есть произведения, написанные фактически на диалекте:

Галка-старовёрка ходит в чёрной ряске,
В лапотках с оборою, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке...
И пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо.⁵

Ой, не зынь лузга-заманица
Запоршила переточины, –
Подымались злы татаровья
На зарайскую сторонущу. ...
Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.⁶

Следовательно, в произведениях С. А. Есенина мы наблюдаем попытку создания литературного микроязыка, в котором диалектные явления органически вписаны в художественный текст. Это и создаёт особый язык произведений поэта.

Статья поступила в редакцию 08.06.2021.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 163.

² Там же. С. 241.

³ Там же. С. 197.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1996. С. 65.

⁵ Клюев Н. А. Стихи // РуСтих. Стихи классиков: [сайт]. URL: <https://rustih.ru/nikolaj-klyuev-galka-staroverka-xodit-v-chnoj-ryaske> (дата обращения: 07.10.2021).

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1996. С. 174–175.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. Л.: Советский писатель, 1990. 336 с.
2. Горобец И. А. Семантика цветообозначений в поэтике Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 3 (50). С. 41–48.
3. Демидова Н. И. Об использовании местных речений в творчестве С. А. Есенина (к анализу лексико-семантических диалектизмов в творчестве поэта) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2005. № 3. С. 121–126.
4. Дроздов Р. К., Балашова И. С. Концепт ухода и возвращения в лирике последнего года жизни С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2016. № 4 (39). С. 56–61.
5. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.
6. Дюжев Ю. Дерево памяти [о творчестве писателей европейского Севера] // Север. 1988. № 3. С. 114–120.
7. Жбанкова Т. С. Диалектизмы в стихотворениях Есенина // Сергей Есенин: Проблемы творчества / сост. П. Ф. Юшин. М.: Современник, 1978. С. 235–244.
8. Кононенко Л. А. Диалектная лексика в прозе С. А. Есенина // Исследования по русскому языку: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2004. С. 17–22.
9. Кононенко Л. А., Шадрин М. Г. Художественные функции диалектного слова в прозе С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2006. № 5. С. 142–146.
10. Маркова Е. И. Клюев и Есенин: (диалог русских поэтов в свете калевальского сюжета о состязании в пении) // Север. 2015. № 5–6. С. 176–180.
11. Налепин А. Л. Фольклоризм как форма и содержание в поэзии Н. А. Клюева и С. А. Есенина: (опыт сравнительного анализа) // Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетии. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 279–301.
12. Некрасова Е. А. Экспрессия диалектного слова в творчестве С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2007. № 6. С. 115–120.
13. Никольский А. А. Диалектизмы в языке С. Есенина (материалы для «Есенинской энциклопедии») // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2008. № 8. С. 90–93.
14. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 1 (48). С. 48–51.
15. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 2 (49). С. 41–47.
16. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 3 (50). С. 41–48.
17. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 1 (52). С. 43–48.
18. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 2 (53). С. 65–73.
19. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 3 (54). С. 59–63.
20. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (окончание) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 4 (55). С. 57–62.
21. Осипов Б. И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина. Барнаул: Барнаульский гос. пед. институт, 1973. 86 с.
22. Осипова Е. П. Лексика рязанского народного костюма в поэзии С. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2008. № 9. С. 84–91.
23. Скороходов М. В. Стихотворение С. А. Есенина «В хате» (справочная статья для «Есенинской энциклопедии») // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2016. № 3 (38). С. 22–23.
24. Толстой Н. И. Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы Н. Клюева «Погорельщина» // Новый мир. 1987. № 7. С. 78–81.
25. Толстой Н. И. Новый славянский литературный микроязык? // Толстой Н. И. Избранные труды: в 3 т. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 497–506.
26. Южакова Ю. А. Лексико-семантическая группа «цвет» в лирике Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 1 (52). С. 37–42.
27. Южакова Ю. А., Сомова М. В. Языковые средства выражения значения неизменности внешнего мира в поэтическом творчестве С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 4 (51). С. 47–50.

28. Яцкевич Л. Г. Лексика Обонежья в поэзии Н. А. Клюева // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия: сборник статей / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 760–768.

REFERENCES

1. Azadovskii K. *Nikolai Klyuev. Put' poeta* [Nikolai Klyuev. The Path of the Poet]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 336 p.
2. Gorobets I. A. [Semantics of Color Terms in Yesenin's Poetics]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 3 (50), pp. 41–48.
3. Demidova N. I. [On the Use of Local Sayings in the Work of S. A. Yesenin (To the Analysis of Lexical and Semantic Dialectisms in the Work of the Poet)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2005, no. 3, pp. 121–126.
4. Drozdov R. K., Balashova I. S. [The Concept of Departure and Return in the Lyrics of the Last Year of the Life of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2016, no. 4 (39), pp. 56–61.
5. Dulichenko A. D. *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic Literary Microlanguages: Issues of Formation and Development]. Tallin, Valgus Publ., 1981. 323 p.
6. Dyuzhev Yu. [Tree of Memory [About the Work of Writers of the European North]]. In: *Sever* [North], 1988, no. 3, pp. 114–120.
7. Zhbankova T. S. [Dialectisms in Yesenin's Poems]. In: Yushin P. F., comp. *Sergey Esenin: Problemy tvorchestva* [Sergey Yesenin: Problems of Art]. Moscow. Sovremennik Publ., 1978, pp. 235–244.
8. Kononenko L. A. [Dialect Vocabulary in the Prose of S. A. Yesenin]. In: *Issledovaniya po russkomu yazyku: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Studies in the Russian Language: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publ., 2004, pp. 17–22.
9. Kononenko L. A., Shadrina M. G. [Artistic Functions of the Dialect Word in the Prose of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2006, no. 5, pp. 142–146.
10. Markova E. I. [Klyuev and Yesenin: (Dialogue of Russian Poets in the Light of the Kaleval Story about a Competition in Singing)]. In: *Sever* [North], 2015, no. 5–6, pp. 176–180.
11. Nalepin A. L. [Folklorism as a Form and Content in the Poetry of N. A. Klyuev and S. A. Yesenin: (An Experience of Comparative Analysis)]. In: Nalepin A. L. *Dva veka russkogo fol'klora: opyt i sravnitel'noe osveshchenie podkhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletii* [Two Centuries of Russian folklore: Experience and Comparative Coverage of Approaches in Folklore of Russia, Great Britain and the USA in the 19th–20th centuries]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature RAS Publ., 2009, pp. 279–301.
12. Nekrasova E. A. [Expression of the Dialect Word in the Work of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Esenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2007, no. 6, pp. 115–120.
13. Nikol'skii A. A. [Dialectisms in the Language of S. Yesenin (Materials for the Yesenin Encyclopedia)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies. Scientific and Methodical Journal], 2008, no. 8, pp. 90–93.
14. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 1 (48), pp. 48–51.
15. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: Nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 2 (49), pp. 41–47.
16. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 3 (50), pp. 41–48.
17. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 1 (52), pp. 43–48.
18. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 2 (53), pp. 65–73.

19. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 3 (54), pp. 59–63.
20. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 4 (55), pp. 57–62.
21. Osipov B. I. *Neologizmy, ustarevshie i oblastnye slova v yazyke poezii S. A. Esenina* [Neologisms, Obsolete and Regional Words in the Language of Poetry of S. A. Yesenin]. Barnaul, Barnaul State Pedagogical Institute, 1973. 86 p.
22. Osipova E. P. [Vocabulary of the Ryazan Folk Costume in the Poetry of S. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2008, no. 9, pp. 84–91.
23. Skorokhodov M. V. [Yesenin's Poem "In the House" (Reference Article for the Yesenin Encyclopedia)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2016, no. 3 (38), pp. 22–23.
24. Tolstoi N. I. [A Few Introductory Words about the Symbolism and Language of N. Klyuev's Poem "Pogorelshchina"]. In: *Novyi mir* [New World], 1987, no. 7, pp. 78–81.
25. Tolstoi N. I. [A New Slavic Literary Micro-language?]. In: Tolstoi N. I. *Izbrannye trudy. T. II. Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected Works. Vol. 2: Slavic Literary and Linguistic Situation]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1998, pp. 497–506.
26. Yuzhakova Yu. A. [Lexico-semantic Group "Color" in Yesenin's lyrics]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 1 (52), pp. 37–42.
27. Yuzhakova Yu. A., Somova M. V. [Language Means of Expressing the Meaning of the Immutability of the External World in the Poetic Work of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 4 (51), pp. 47–50.
28. Yatskevich L. G. [Vocabulary of Obonezhie in the Poetry of N. A. Klyuev]. In: Sudakov G. V., ed. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian Culture of the New Century: Problems of Studying, Preserving and Using the Historical and Cultural Heritage]. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2002, pp. 760–768.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;
e-mail: e.osipova@365.rsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Osipova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Ryazan State University named after S. A. Yesenin;
e-mail: e.osipova@365.rsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Осипова Е. П. Константиновский говор в поэтических произведениях С. А. Есенина как попытка создания литературного микроязыка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 42–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55

FOR CITATION

Osipova E. P. The Konstantinovo Dialect in the Poetic Works of Sergey Yesenin as an Attempt to Create a Literary Micro-Language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 42–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55

УДК 811. 161. 1'36

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-56-67

ПРАГМАТИКА ВЫБОРА КВАНТОРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ДЛЯ УКАЗАНИЯ НА НЕОПРЕДЕЛЁННО-МНОЖЕСТВЕННОГО СУБЪЕКТА АВТОРИЗАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Пивоварчик Т. А.

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230012, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22, Республика Беларусь*

Аннотация

Цель. Выявить функционально-прагматический потенциал квантификационной вариации местоимённых лексем для обозначения в медиатексте неопределённо-множественного субъекта-авторизатора.

Процедура и методы. На материале русскоязычных текстов белорусских газет «СБ. Беларусь сегодня» и «БелГазета» проведён сопоставительный анализ авторизационных конструкций с местоимённым обозначением неопределённо-множественного субъекта-авторизатора. Исследование осуществлено с использованием следующих методов: описательного, контекстуального, прагматической интерпретации, лингвистического эксперимента.

Результаты. В ходе исследования определена функционально-прагматическая специализация прономинальных средств *кое-кто, кто-то, некоторые, многие, все* в реализации «они»-авторизационных стратегий в русскоязычном медиатексте белорусских печатных СМИ, выявлена взаимосвязь выбора автором текста местоимённой лексемы с коммуникативными стратегиями и эпистемическими установками журналиста. Показано, что различные авторизационные переключения активно используются авторами для организации и репрезентации полемического медиадискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют расширить представление о прагматике языковых ресурсов в их медиадискурсивной проекции, вносят определённый вклад в развитие прагмалингвистики и прагматики медиатекста, могут быть использованы при разработке активных грамматик русского языка и разработке содержания учебных курсов в области медиалингвистики.

Ключевые слова: авторизация, авторизационная конструкция, кванторное местоимение, медиатекст, местоимение, прагмалингвистика

PRAGMATICS OF THE CHOICE OF QUANTIFIER PRONOUNS TO INDICATE THE INDEFINITE-PLURAL SUBJECT OF AUTHORIZATION IN A MEDIA TEXT

T. Pivavarchyk

*Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko 22, 230012 Grodno, Belarus*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to identify the functional and pragmatic potential of the quantification variation of pronominal lexemes for designating an indefinite-plural authorizing subject in a media text.

Methodology. Authorization structures with the pronominal designation of an indefinite-plural subject-authorizer are compared and analyzed based on the Russian-language texts of the Belarusian newspapers “SB. Belarus’ Today” and “BelGazeta”. The research utilizes the following methods: descriptive, contextual, pragmatic interpretation, linguistic experiment.

Results. The functional and pragmatic specialization of pronominal means is determined in the course of the research work as *koe-kto, kto-to, nekotorye, mnogie, vse* in the implementation of “they”-autho-

rization strategies in the Russian-language media text of the Belarusian print media. The interconnection of the author's choice of the pronominal lexeme with the communicative strategies and epistemic attitudes of the journalist is revealed. It is shown that various authorization switches are actively used by authors to organize and represent polemical media discourse.

Research implications. The results of the study make it possible to expand the understanding of the pragmatics of language resources in their media discourse projection, as well as to make a certain contribution to the development of pragmatolinguistics and pragmatics of the media text that can be used in the development of active grammars of the Russian language and the development of the content of educational courses in the field of media linguistics.

Keywords: authorization, authorization construction, quantifier pronoun, media text, pronoun, pragmatolinguistics

Введение

С грамматической точки зрения авторизация представляет собой «полисубъектное осложнение конструкции предложения указанием на “автора” оценки, восприятия, речи-мысли» [5, с. 430]. Авторизация является обязательной для каждого высказывания эксплицитной или имплицитной «квалификацией источника излагаемой информации», а в смысловой структуре каждого текста действует «авторизационный ключ»¹, т. е. категория авторизации имеет универсальный характер.

Указание на субъекта авторизации может осуществляться в высказывании разными средствами, в том числе и с помощью местоимённой лексики. Особенность местоимений как средств для субъективированной и объективированной авторизации [1, с. 300–302] заключается в том, что их эгоцентричность обуславливает тесную взаимосвязь местоимений как речевых единиц и авторизации как семантической категории. Поскольку многие жанры журналистики (комментарий, корреспонденция и др.) предполагают в качестве обязательного компонента их содержательной структуры включение мнений «третьих лиц» – от авторитетного мнения конкретного эксперта до обобщённого «голоса народа», «они»-авторизация играет важную роль в организации медиатекста.

В центре нашего внимания – неопределённо-множественный субъект знания и мнения в субъектной перспективе медиа-

текста. Объектом наблюдения являются местоимённые лексемы *кто-то*, *кое-кто*, *некоторые*, *многие* и *все*, используемые журналистами при оформлении в структуре медиатекста высказываний с эксплицитной *они*-модусной рамкой, например: *кто-то считает, что...; некоторые думают, что...; многие уверены, что...* Предметом исследования выступают вторичные прагматические функции конструкций с местоимёнными лексемами, их роль и место в развитии коммуникативной перспективы текста. Материалом для исследования послужили русскоязычные тексты из номеров 2002–2021 гг. белорусских газет «СБ. Беларусь сегодня» (далее – СБ) и «БелГазета» (далее – БГ). Работа выполнена на основе сочетания теоретико-методологических подходов, сложившихся в рамках коммуникативно-функциональной грамматики, прагматологии и медиалингвистики.

Роль и место авторизации в журналистских практиках и медиатексте

Правила работы журналиста с источниками информации определяются законодательными и нормативно-правовыми документами; соблюдение этих норм и сами технологии обращения к различным типам источников регулярно становятся предметом обсуждения в учебной и научной литературе, поскольку «источник информации как единица анализа позволяет определить достоверность и объективность отражения действительности,

¹ Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: КГУ, 1988. С. 35–36.

особенности массмедийного дискурса, выявить специфику и изменения в профессиональной деятельности журналиста» [7]. В то же время культура оформления ссылок на источник информации, их значимость для развития субъектной, содержательной, коммуникативной, нарративной, эпистемической перспективы медиатекста реже оказывается в поле внимания учёных. Отметим изучение Л. Р. Дускаевой метатекста в медиатексте как способа координации смысловых позиций участников медиакommunikации [3], исследование коллективом белорусских учёных под руководством Е. Г. Задворной способов и функций метакоммуникативной организации медиадискурса [9].

В творческой деятельности журналистов культура ссылок на источники информации занимает особое место – как в «журналистике фактов», так и в «журналистике мнений». Важными элементами этой культуры являются профессиональные стандарты относительно того, в каких случаях, как часто, на какие именно типы источников, в какой части текста, с использованием каких языковых средств и т. д. следует ссылаться. Например, место ссылки на источник информации в структуре медиатекста может отражать специфику национальных журналистских традиций: «в русских газетах принято сначала назвать источник, потом представить собственно сообщение; в английских – первое место занимает сообщение, второе – указание на источник»¹.

Можно говорить о выработке авторизационных «стилей» у отдельных авторов или в отдельных редакциях СМИ. Например, субъект-авторизатор может быть выражен в тексте с разной степенью определённости с помощью имён собственных (И. Иванова сообщила), наименований лица по социальному статусу (специалист, эксперт, начальник отдела сообщил), метонимических названий (пресс-служба, руководство сообщает), локативной лексики

и локативных синтаксисом (в министерстве, в Минске сообщают) и т. д. Предпочтения в отношении тех или иных авторизационных моделей обусловлены как субъективными факторами – например, идиостилем автора, так и объективными – например, интенциональными, тематическими, жанровыми характеристиками создаваемого текста. При этом избирательность в отношении источников авторизации, а также тех или иных способов их вербализации не является неизменной, а претерпевает изменения в соответствии с требованиями времени. Э. Р. Лассан отмечает, что под влиянием когнитивных и культурных трансформаций информационной эпохи в современном новостном тексте изменяются «доминирующие шаблоны передачи чужой речи» [8, с. 404], а одной из тенденций становится «растворение субъекта» на уровне грамматики текста и его отдельных элементов [8, с. 405].

Есть и целый ряд других тенденций. Так, сегодня не только в так называемой жёлтой прессе допустимы ссылки на слухи как на источник информации. Правда, такой тип «авторизации» чаще используется с дополнительными прагматическими функциями – как способ маркирования неправдоподобной и сомнительной информации, как приём выражения выносимых автором текста негативных эмоций и оценок, как средство предупреждения читателя о фельетонных домислах и вымыслах, сатирическом гротеске: *Один вызов скорой в Штатах, по слухам, стоит \$500²; По слухам, незадолго до акции на площади пыталась припарковаться какая-то строительная техника в большом количестве³; По слухам, представителям ЕВС пришлось даже лингвистического эксперта нанимать, чтобы тот трезво оценил весь ужас, тающий за фразами песни молодцев из Барановичей: «Я научу тебя играть*

¹ Лашук О. Р. Редактирование информационных сообщений : учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 44.

² Леонтьева Е. Вы получали медпомощь за рубежом? // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2014_06_09/modus/29258 (дата обращения: 25.08.2021).

³ Семенова Е. Плач-палатка // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/1264/topic_week/41385 (дата обращения: 25.08.2021).

на дудочке»¹. Приведём и ещё один пример: в районной газете «Наш час» существует популярная рубрика *Ходят слухи... А на самом деле*, в которой журналисты сначала сообщают об обсуждаемой в районе «новости», а затем с опорой на сведения из достоверных источников подтверждают или опровергают (полностью или частично) её содержание.

Авторизация выступает важнейшим компонентом в прагматике медиатекста, поскольку может выполнять целый ряд вторичных функций: служить одним из способов «создания внутренней диалогичности медиатекста» [11, с. 150]; способствовать расширению событийной и интерпретационной перспективы текста; усиливать воздействие на читательскую аудиторию, например, благодаря актуализации категории авторитетности. Исследователи обращали внимание на специфику авторизации как прагматического приёма в медиадискурсе. Так, Т. Ю. Редькина отмечала, что в текстах СМИ наиболее частотным типом субъекта в конструкциях с прямой речью является «единичный субъект» с его социально-статусной характеристикой, а обращение к «абстрактному субъекту» как авторизатору (*народ, граждане, многие, одни, другие* и т. д.) используется, если «речь выступает как средство выражения общественного мнения – *vox populi* – по тому или иному вопросу» [12, с. 155].

Кванторные местоимения в авторизационной структуре медиатекста

Выбирая в качестве объекта наблюдений местоимения, указывающие на неопределённо-множественного субъекта авторизации, мы исходим из представления о том, что при создании медиатекста журналист обязательно учитывает так называемый прагматический фактор тре-

тьего лица [10]. Для медиадискурса третье лицо значимо в первую очередь как источник информации, субъект знания, носитель мнения.

В информационно-новостных текстах ссылки на источник информации, выполняющие прагматические функции подтверждения достоверности информации, придания ей значимости и т. д., оформляются как указание на конкретное лицо или группу лиц с помощью имён собственных, различных имён нарицательных – от должностных до реляционных наименований, а избегание конкретности практически всегда оценивается как манипуляция общественным мнением. Тексты аналитических и публицистических жанров такую неопределённость допускают. Наблюдения за речевой структурой публикаций СМИ показывают, что чем шире в медиатексте сфера публицистичности, тем больше в нём представлены разнообразные позиции и точки зрения – в их сопоставлении и противопоставлении, намёках, предположениях и слухах. В медиатексте растут «зоны» чужого мнения и чужого слова, а среди ссылок на источник информации увеличивается доля указаний на «неопределённо-множественного субъекта, в состав которого говорящий не включает себя» [4, с. 280]. Для медиатекста, главной ценностью которого является факт, достоверность и значимость которого подтверждаются свидетельствами конкретных лиц, такие указания на неопределённого или обобщённо-определённого субъекта мнения всё-таки относятся к периферии. Именно периферийность и обуславливает появление разнообразных прагматических приращений в высказываниях.

Анализ исследуемого материала показал, что журналисты для представления информации и организации взаимодействия с читателем могут выбирать неопределённо-множественную «они»-модусную рамку и использовать возможности её вариативного оформления с помощью разных местоимений. В контексте всего медиатекста «они»-авторизация сочетается с другими типами авторизации – адре-

¹ Попова В. «Галасы ЗМеста» пишут новую песню для «Евровидения» // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/detektiv-sa-zmestamedut-ne-edut.html> (дата обращения: 25.08.2021).

сантно- и адресатоцентричными, поэтому в медиадискурсе широко используются приёмы авторизационного переключения: «Модусная рамка может представлять диалогическое взаимодействие двух субъектов речи, наличие двух точек зрения, двух мнений. При этом говорящий не только воспроизводит чужое слово, но и интерпретирует, комментирует его» [4, с. 286].

Для модусного плана медиатекста оказывается значимым прагматический потенциал квантификационной вариации местоимённых лексем на градуированной шкале «*кое-кто* – *кто-то* – *некоторые* – *многие* – *все*». На логико-семантическом уровне указанные местоимения различаются степенью и характером выраженности признаков на осях «известность – неизвестность», «определённость – неопределённость», «субъективность – объективность», «конкретность – обобщённость», «мало – много». Обыгрывая указанные различия, а также связанные с ними экзистенциальные presupпозиции и скалярные импликатуры (импликатуры в этом случае проявляют себя как «локальные», обусловленные прежде всего (локальным) контекстом» [13, с. 11]), журналисты с помощью выбранного варианта авторизации пытаются повлиять на оценку информации читателем с точки зрения её истинности, достоверности, абсолютности, а также вызвать у аудитории и/или собеседника другие желательные когнитивные и эмоционально-оценочные эффекты.

Сравните следующие предложения, в которых при одинаковой пропозиции и одинаковой синтаксической организации авторизационной рамки автор может прибегать к разным типам квалифицирующего субъекта:

(1) У *кое-кого* это решение вызывает удивление.

(2) У *кого-то* это решение вызывает удивление.

(3) У *некоторых* это решение вызывает удивление.

(4) У *многих* это решение вызывает удивление.

(5) У *всех* это решение вызывает удивление.

С одной стороны, у всех этих высказываний есть общая presupпозиционная часть: «существует некоторое решение»; «содержание решения известно автору текста и его адресату / собеседнику»; «существует некоторая неопределённая группа людей»; «у этой неопределённой группы людей имеется реакция удивления». Такой presupпозиции достаточно для интерпретации каждого высказывания как речевого акта сообщения. Однако разное местоимённое оформление авторизационной рамки позволяет интерпретировать высказывания как косвенные речевые акты, реализация которых связана с разными коммуникативными стратегиями и разными прагматическими установками автора текста. Употребление указанных местоимённых слов вырастает из разных предтекстов. Например, предтекст для (4) и (5) будет оценка решения как неприятного / неожиданного / сомнительного, а для (1) и (2) – наличие у автора убеждённости в некоторой идее. Референты указанных выше местоимений вариативны, в конкретных авторизационных конструкциях и в конкретных контекстах специфичны, но у них есть общее – предназначённость для обозначения «коллективного носителя общественного мнения» [4, с. 286]. Как будет видно ниже, в лексикографическом описании значения выделенных местоимений представлены если не идентично, то весьма близко, в том числе и через отсылку друг к другу. Однако речевой материал показывает, что различия в смысловых нюансах местоимённых слов как авторизующих и в их употреблении в медиаречи с целью отсылки к источнику информации имеются. Представляется, что различия могут быть описаны в том числе через обращение к прагматическим факторам и прагматическим правилам.

В предложении (1) местоимение *кое-кто* (в значении «1. Некоторые или немногие люди (вообще живые существа)» или «2. Некто (некоторые), кто известен, кто имеется в виду, но не называется (разг.)»¹)

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова

содержит референциальный намёк на представителей определённой социальной или политической группы, осведомлённость о которой может входить в общие фоновые знания журналиста и его аудитории. При этом автор переключает внимание читателей с самого решения на данную группу лиц, пытаясь имплицитно выразить отношение к ней и, как следствие, сформировать схожую оценку группы лиц и схожее отношение к передаваемому мнению у адресата: *При этом по сложившейся привычке кое-кто продолжает пенять на белорусскую модель за то, что мы планируем более скромный годовой рост – до 2 процентов*¹.

В силу своей семантики местоимение *кое-кто* создаёт впечатление реального факта произнесения мнения конкретным человеком или конкретной группой людей, однако контексты с псевдореферентным употреблением местоимения представлены в медиадискурсе широко. Автор (собеседник в интервью) чаще использует местоимение *кое-кто*, если описывает ситуацию с некоторой девиантной составляющей или представляет какое-либо социальное явление, ситуацию, проблему как борьбу разных идей, если намерен имплицировать свою негативную оценку сообщаемого и на основе этого «спровоцировать» коммуникативную ситуацию полемики: *Кое-кто думает, что ему удастся вновь всколыхнуть страну, пролив кровь тех самых простых людей, интересами которых они прикрываются*².

Кое-кто – это оппоненты, чья альтернативная точка зрения не принимается жур-

налистом; адресат, как правило, исключается из этой группы лиц, а автор выступает в коммуникативной роли полемиста. См. примеры из газеты: *Недавно внесённые изменения в Указ Президента ... кое-кто уже поспешил истолковать как отказ от курса на либерализацию денежно-кредитной сферы. ... Хотя на самом деле изменения лишь устранили некоторую двусмысленность в применении нормы, существующей уже более двух лет*³ – *кое-кто ‘противники действующей власти’; Можно с уверенностью говорить о том, что Союз Беларуси и России является самым эффективным интеграционным объединением на постсоветском пространстве. Однако кое-кого этот факт, видимо, не очень устраивает*⁴ – *кое-кто ‘противники союзной интеграции’*. Такое обозначение неопределённо-множественного субъекта весьма характерно для политического дискурса: *Кое-кто говорит о запросе на некое новое государство. Никто не запрещает, никто не закрывает эти запросы, но позвольте спросить: а с чем не справилось наше государство?*⁵ Авторизация с помощью *кое-кто* – это способ заострения проблемы; журналист подбирает факты, подтверждающие разные точки зрения, раскрывающие разные стороны одной проблемы, а их столкновение создаёт драматизацию изложения.

В отличие от предложений (2–5) при авторизационном использовании местоимения *кое-кто* создаётся впечатление высокой личностной вовлечённости автора текста в описываемую ситуацию, что подтверждается наличием в тексте «добавочных средств авторизации (спецификации под углом авторского зрения)» [15, с. 285]:

именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. С. 11.

¹ Сычев В. Матрица роста на завтра // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/matrixa-rosta-na-zavtra.html> (дата обращения: 25.08.2021).

² Лукашенко сообщил об обнаружении новой группы, у которой изъяты арсеналы с тротилом и пластиком // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/luashenko-soobshchil-ob-obnaruzhenii-novoy-gruppy-u-kotoroy-izyaty-arsenal-s-trotilom-i-plastidom.html> (дата обращения: 25.08.2021).

³ Крят Д. Деньги счёт любят. Комментарий // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/dengi-schet-lyubiat-kommentariy.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Чем дальше в лес... // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/chem-dalshev-les-3.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁵ Время выбрало нас // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/vremya-vybralo-nas-zayavlenie-presidenta.html> (дата обращения: 25.08.2021).

модальных средств, оценочной лексики, личных и притяжательных местоимений.

В предложении (2) субъект авторизации репрезентирован с помощью неопределённого местоимения *кто-то* («1. Какое-то неопределённое или неизвестное лицо (вообще живое существо), а также безразлично кто; 2. Тот, кто известен, кого знают или имеют в виду, но не называют (разг.)»¹). *Кто-то* – это ‘некоторые лица, в число которых может входить и адресат’. Журналист осуществляет приём авторизаторов расширяется, однако речь идёт не об консолидированном мнении, а скорее об индивидуальном предположении, впечатлении. Это особенно чётко прослеживается в предложениях с представлением альтернативных позиций и точек зрения, впрочем, журналист (собеседник в интервью), как правило, не признаёт ни одну из них и отстаивает собственную: *Кто-то утверждает, что не мог проголосовать за других исполнителей. Кто-то говорит о том, что победителя «назначили» ещё до начала конкурса. В общем, разговоров хватает, но главное теперь не это*²; *Здесь большинство покупателей стараются приобрести товар подешевле, производитель особого значения не имеет. Хотя кому-то больше по душе украинские патроны, кому-то – российские*³.

Референциально местоимение *кто-то* может сочетать в себе отсылку одновременно к нескольким референтам, в частности, так часто создаётся приём косвенной адресации, особенно заметный в полемическом тексте и в убеждающей речи героя публикации, например: *Если кто-то думает, что мне нужна политиче-*

*ская карьера... Политик такого никогда бы не сделал с точки зрения политики, логики демократического процесса, пребывания в оппозиции*⁴; *Возможно, кто-то рассчитывает решить проблему жилья с помощью недавно вступившего в силу закона об ипотеке*⁵. Местоимение *кто-то* можно оценивать как вторичный показатель характера передаваемого мнения: как правило, это мнения, оценки и позиции, оцениваемые автором как субъективные, необоснованные, которые имеют слабый вес и легко могут быть опровергнуты: *Наверняка он является для кого-то куриром, и его регулярное пьянство за рулём может стать заразительным*...⁶. Если неопределённо-множественная авторизация с *кое-кто* используется для развития дискуссии, спора с так или иначе идентифицируемым оппонентом, то авторизационная конструкция с *кто-то* скорее нужна журналисту, чтобы поднять какую-то тему, раскрыть её разные грани, поэтому носитель иного мнения часто виртуален: *Вот если бы мне было 20 лет, то, возможно, моё участие в совете могло бы вызвать у кого-то удивление*⁷; *Хотя, возможно, кому-то предложенный анализ и показался чрезмерно пессимистичным*⁸. Автор медиатекста выступает в роли нарратора, опирается на собственный опыт и личные впечатления.

В предложении (3) для указания на неопределённо-множественного субъекта использовано субстантивированное местоимение *некоторые* («Отдельные, точно не называемые или безразлично какие люди»⁹). В некотором смысле это место-

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. С. 12.

² Голос до Москвы дошёл // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/golos-domoskvy-dovel.html> (дата обращения: 25.08.2021).

³ Владимирив Е. На слона и куропатку // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2014_06_09/modus/29258 (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Борисенко К. Свежо предательство // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2010_12_27/vizavi/22070 (дата обращения: 25.08.2021).

⁵ Жбанов С. За державу обидно // БелГазета. 2008. 30 июн. С. 12.

⁶ Анкудо Е. «Снисхождения не будет» // БелГазета. 2010. 1 нояб. С. 25.

⁷ Иващенко М. Авторитеты в Совете // БелГазета. 2010. 6 дек. С. 28.

⁸ Жбанов С. За державу обидно // БелГазета. 2008. 30 июн. С. 12.

⁹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова

имение универсально, поскольку может выступать в авторизирующей роли в качестве субститута для местоимений *кое-кто*, *кто-то* и *многие*. В то же время можно выделить две наиболее типичные коммуникативные ситуации использования слова *некоторые* как авторизатора. В первом случае автор излагает мнение «представителей народа» – людей, не обладающих специальными знаниями и опирающихся в своих убеждениях на каждодневный бытовой опыт и «здравый смысл», при этом в своём обращении к эксперту сомневающийся автор просит подтверждения, опровержения или комментариев по имеющейся информации: *Некоторые по-прежнему считают, что в этом вопросе ничего не ясно. Народ привык жить слухами...¹; Некоторые говорят: ой, 11 человек будут бегать, ни одного мяча не забьют, фанаты подерутся, а рядом со мной будет пьяный мужик сидеть. Да, такое бывает. Но кто разорвёт этот круг?²* Во втором случае автор с помощью местоимения *некоторые* оформляет косвенный речевой акт вопроса, т. к. ему необходимо сообщить что-либо нелицеприятное или косвенно передать комплимент, он уверен в своём праве задавать вопросы и проявлять излишнее любопытство. Такая авторизация используется и с целью создания у адресата впечатления объективности, непредвзятости мнения адресанта, тем самым «снимается» возможная негативная реакция адресата, его неприятие информации: – *Вашу книгу, кстати, некоторые тоже называют перепевом... – Я, к сожалению, пишу неформат³.*

именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. С. 12.

¹ Кечко Е. «За \$3 тыс. просят «что-нибудь получше» // БелГазета: [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2010_05_31/tema_nedeli/20926 (дата обращения: 25.08.2021).

² Провалинская Н. Владимир Титовец: «Фанат - не человек в телогрейке и с семечками» // БелГазета: [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2009_04_20/nakorotke/18685 (дата обращения: 25.08.2021).

³ Гуляева М. «Я пишу неформат» // БелГазета: [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2008_06_02/radosti_zhizni/16663 (дата обращения: 25.08.2021).

В предложении (4) представлено субстантивированное местоимённое слово *многие* («1. только *мн. ч.* Составляющие неопределённо большое число, значительную часть кого-, чего-л.»⁴), используемое для введения в текст таких знаний, которые отражают типичные представления людей о некоторой ситуации в настоящем или недалёком прошлом. Это широко распространённое мнение, как правило, шаблонное и стереотипное: *Нет-нет да и появится в прессе публикация о том, что травы не так безобидны, как **многие** считают, и что не каждый найдёт в них спасение, когда возникнут проблемы со здоровьем⁵*. Идентификация носителя мнения не важна, поэтому авторизационные конструкции могут быть безличными: *считается, что*. Мнение многих – это сложившийся стереотип, а нередко и широко распространённое заблуждение. То, что так думают многие, не служит аргументом в пользу основательности мнения и достоверности сведений, и поэтому автор в следующих высказываниях считает необходимым развенчать ложные представления: ***Многие считают, что война началась именно в 4 часа утра. Но первые выстрелы на берегу Западного Буга раздались на полчаса раньше...**⁶*

С авторизатора *многие* регулярно начинается иницилирующая реплика в интервью (автор с высокой долей вероятности предполагает, что его собеседник выразит в ответ несогласие): – ***Многие считают ситуацию с изучением иностранного языка в белорусских школах катастрофической... – Я с этим мнением категорически не согласна⁷***, а также это типичное начало

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. С. 280.

⁵ Всегда ли безвредны бабушкины рецепты? // SB.BY. Беларусь сегодня: [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/vsegda-li-bezvredny-babushkiny-retsepty.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁶ Подземелья стреляли в упор // SB.BY. Беларусь сегодня: [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/podzemelya-strelyali-v-upor.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁷ Бардиян О. Покажи язык // БелГазета: [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2010_08_23/vizavi/21400 (дата обращения: 25.08.2021).

лида (вводного абзаца) в статье, комментарии, аналитическом отчёте, проблемном интервью: **Многие считают**, если правильно питаться, всё необходимое можно получить с пищей. **Так ли это** на самом деле? Как современная медицина относится к витаминам?¹; **Многие считают**, что компьютерные игры любят только парни. **И зря**. Оказывается, девушки не только играют в Counter-Strike, но даже участвуют в турнирах по киберспорту². С включением авторизующего местоимения **многие** авторы изображают ситуацию внутреннего диалога, размышления над разными точками зрения, «примиривания» к ним: **Сейчас многие говорят: баня на дровах – это здорово. Но запаха дров в бане быть не должно**³.

Апелляция к знанию и мнению многих – это скорее авторский риторический приём, чем изложение знания, которое может быть проверено на истинность – ложность. В современной публицистике одним из важнейших показателей её нацеленности на дискуссию мнений становятся активные авторизационные переключения от одних субъектов-авторизаторов к другим, создающие полифонию текста, предоставляющие читателю право и возможность занять одну из предлагаемых позиций. О. Н. Копытов пишет о «мощных авторизационных реле, т. е. сильных полярных авторизационных ключах-переключателях», которые сегодня характерны для «активной, энергичной, оценивающей, страстной – “горячей” журналистики» [6, с. 72]. Именно при употреблении местоимения-авторизатора **многие** переключения становятся особенно активными, а носителям мнения имплицитно приписываются некоторые черты. Так, в следующем

контексте с противопоставлением двух точек зрения местоимение **многие** фактически подразумевает ‘неумные люди’: **Многие с беспокойством смотрят на то, как растёт внешняя задолженность Беларуси ... Но паники, заметьте, нет. Умные люди знают: когда придёт время возвращать долг, президент приведёт в действие т. н. «план Дашикевича»**⁴.

В предложении (5) в качестве указания на субъекта авторизации используется кванторное местоимение **все** (в значении «Люди, а также вообще многие существа (подразумеваемые или присутствующие) в полном составе»⁵). Эта местоимённая лексема употребляется при включениях в медиатекст научных знаний, исторических данных, прецедентных высказываний, упоминаний об общепринятых нормах: **Всем известно, что стоит ограничить жиры, особенно сливочное масло**⁶; **Всем знакомо выражение «Наслушался плохих советов»**⁷. Изофункциональные авторизационные конструкции могут быть оформлены с использованием местоимений и местоимённых сочетаний **каждый, каждый из нас, всякий, любой из нас** и т. п. Следует отметить, что такая всеохватность субъектов-авторизаторов чаще не соответствует действительности и выполняет в медиатексте воздействующую функцию, имеет манипулятивный характер гиперболизации как тенденции к преувеличению в качестве особой стилистической манеры [2]. При этом коммуникативная роль автора (в

¹ Стук А. Online-конференция // БелГазета : [сайт]. URL: <http://www.belgazeta.by/ru/conference/1/129> (дата обращения: 25.08.2021).

² Осовская Е. Блондинки в киберспорте // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2010_08_23/vizavi/21400 (дата обращения: 25.08.2021).

³ Провалинская Н. Иди ты в баню! // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2008_06_02/modus_vivendi/16654 (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Мартинович В. Хорошие новости // БелГазета : [сайт]. URL: http://www.belgazeta.by/ru/2009_04_20/sobytiya_otsenki/18650/_tpl//ru/2009_04_20/sobytiya_otsenki (дата обращения: 25.08.2021).

⁵ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. С. 10.

⁶ Пересада О. Какие продукты врачи не рекомендуют в пожилом возрасте // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/dieta-dlya-rozhilykh.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁷ Чужой ум хорошо, а свой лучше // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/chuzhoj-um-khorosho-a-svoy-luchshe.html> (дата обращения: 25.08.2021).

отличие от ранее отмеченных ролей полемиста и нарратора) близка к роли пропагандиста.

Анализ контекстов показал, что в анализируемых СМИ есть два типа устойчивых сочетаний местоимения *все* в авторизирующей функции. Во-первых, показатель «всеохватной» авторизации сочетается с модальными словами со значением категорической достоверности, которые совместно участвуют в реализации персуазивного дискурса: **Все, конечно же, знают, что возвращающиеся с зимовки птицы – настоящие вестники весны¹**. Во-вторых, квантор *все* образует сочетания с «глобальным» личным местоимением *мы*, которые можно интерпретировать как речевые единицы, участвующие в создании «идеологического плана текста, того набора идей и представлений, с помощью которого автор объясняет действительность» [14, с. 21]: **Все мы слышаны о невероятной силе и пользе этих ягод. Но, оказывается, не менее целебны и листья²**. См. также пример с использованием всех вышеуказанных средств: **Конечно, все мы хотим жить лучше³**. В данных конструкциях достоверность высказывания подтверждается тем, что авторская точка зрения совпадает с общественной, подчёркивается высокая (максимальная) степень общности журналиста и читателей как членов одного сообщества, их социальных позиций, интересов, взглядов. Местоимение *все* используется в эвиденциальных контекстах с «высказываниями, принадлежащими к типу “общих истин” (т. е. достоверность которых безоговорочно признаётся данным социумом) или хорошо известных фактов (например, фактов прошлого данного

социума)»⁴. Местоимения-авторизаторы *некоторые, многие и все* маркируют разные уровни общего знания и мнения, сам характер которого, если следовать убеждениям автора, не допускает другого авторизирующего субъекта. Именно поэтому авторизационные «переключения» – это один из способов воздействия на аудиторию, провоцирования её на встречные эпистемические и эмоциональные переживания: **Все знают об украинских, кубанских казаках, о Запорожской Сечи тоже все слышали. При этом многие и не догадываются, что и у нас в XVII веке была своя автономная казачья республика. Знакомьтесь: город Чаусы...⁵**; – В Брюсселе **некоторые политики заговорили о том, что ... – Не думаю, что это имеет под собой какую-то почву. Все знают, что...⁶**. При этом размеры статьи не позволяют показать те многочисленные случаи, когда благодаря контексту проанализированные кванторные местоимения начинают реализовывать другие, часто противоположные, прагматические значения.

Заключение

Тот факт, что автор медиатекста варьирует разные кванторные слова для указания на неопределённо-множественного субъекта авторизации, показывает, что журналисту недостаточно просто указать на наличие другого мнения, но и важно с помощью квантификации обозначить количество носителей этого другого мнения, концептуализировать его статус. Выявляя наиболее типичные модели прономинальной экспликации неопределённо-множественного субъекта авторизации в текстах разной жанровой принадлежности, мы можем сделать предположение о сложившихся

¹ Весна летит // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/vesna-letit.html> (дата обращения: 25.08.2021).

² Тышкевич Н. Земляника-защитница // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/zemlyanika-zashchitnitsa.html> (дата обращения: 25.08.2021).

³ В поддержку мира, безопасности и спокойствия // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-podderzhku-mira-bezopasnosti-i-sпокойstviya.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. С. 352.

⁵ Жыгамонт Ю. В поисках утраченного // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-poiskakh-utrachennogo-186.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁶ Кечко Е. Юрфак Европе // БелГазета. 2009. 14 дек. С. 21.

ся в той или иной журналистской практике дискурсивных нормах представления знаний и мнений.

На основе проанализированного речевого материала градационную цепочку авторизации «(1) кое-кто – (2) кто-то – (3) некоторые – (4) многие – (5) все» можно попробовать описать через референциально-прагматические значения следующим образом: «(1) голос оппонентов – (2) субъективное предположение – (3) голоса из народа – (4) стереотипное

мнение – (5) традиция, общественное мнение». Варьируя местоимённое обозначение неопределённо-множественного субъекта авторизации, журналист может усиливать или ослаблять эффект значимости и общепризнанности представляемой точки зрения, устанавливать необходимую «эпистемическую дистанцию», влиять на восприятие и интерпретацию передаваемых сведений читательской аудиторией.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагменты прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.
2. Гайломазова Е. С. Гипербола как вид квантификации в художественном тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 112–118.
3. Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиатексте: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 340 с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
5. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2001. 368 с.
6. Копытов О. Н. Концепция модуса на пространстве текста и её возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
7. Курышева Ю. В. Источники зарубежной информации в повестке дня ежедневной национальной прессы (на примере «Коммерсант.ru») [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2527> (дата обращения: 25.08.2021).
8. Лассан Э. Р. О некоторых тенденциях в грамматике текста на электронных новостных порталах: «растворение» субъекта // Медиалингвистика. 2020. № 7 (4). С. 396–408.
9. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / под общ. ред. Е. Г. Задворной. Минск: МГЛУ, 2017. 112 с.
10. Пивоварчик Т. А. Фактор третьих лиц в стереотипных высказываниях: прагматические возможности и речевые реализации // Стратегии коммуникативного поведения : сборник материалов Международной научной конференции, Минск, 3–4 мая 2001 г. : в 3 ч. Ч. 2. Минск: МГЛУ, 2001. С. 76–81.
11. Прохвятилова О. А. Внутренняя диалогичность современной медиаречи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 150–158.
12. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / под ред. В. И. Конькова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 272 с.
13. Тимофеева М. К. Языковые шкалы: направления современных исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. Вып. 3. С. 5–17.
14. Шевченко А. Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов // Политические исследования. 2002. № 6. С. 18–23.
15. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

REFERENCES

1. Vsevolodova M. V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragmenty prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [Theory of Functional-communicative Syntax: Fragments of an Applied (Pedagogical) Language Model]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 501 p.
2. Gailomazova E. S. [Hyperbole as a Type of Quantification in a Literary Text]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], 2011, no. 2, pp. 112–118.
3. Duskaeva L. R. *Stilisticheskii analiz v mediatekste* [Stylistic Analysis in the Media Text]. Moscow, FLINTA Publ., 2019. 340 p.

4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 528 p.
5. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 368 p.
6. Kopytov O. N. [The Concept of Modus on the Space of the Text and Its Possibilities for the Study of a Media Text]. In: *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2015, no. 4 (10), pp. 69–82.
7. Kuryshcheva Yu. V. [Sources of Foreign Information on the Agenda of the Daily National Press (On the Example of Kommersant.ru)]. In: *Mediascope* [Mediascope], 2019, iss. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/2527> (accessed: 25.08.2021).
8. Lassan E. R. [On Some Trends in the Grammar of the Text on Electronic News Portals: The “Dissolution” of the Subject]. In: *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2020, no. 7 (4), pp. 396–408.
9. Zadornaya E. G., ed. *Metakommunikativnaya organizatsiya dialogicheskogo diskursa* [Metacommunicative Organization of Dialogical Discourse]. Minsk, Moscow State Linguistic University Publ., 2017. 112 p.
10. Pivovarchik T. A. [The Factor of Third Parties in Stereotyped Statements: Pragmatic Possibilities and Speech realizations]. In: *Strategii kommunikativnogo povedeniya : sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 3–4 maya 2001 g. Ch. 2* [Strategies of Communicative Behavior: Collection of Materials of the International Scientific Conference, Minsk, May 3–4, 2001. Pt. 2]. Minsk, Moscow State Linguistic University Publ., 2001, pp. 76–81.
11. Prokhvatilova O. A. [Internal Dialogicity of Modern Media Speech]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 150–158.
12. Konkov V. I., ed. *Russkaya rech' v sredstvakh massovoi informatsii: stilisticheskii aspekt* [Russian Speech in the Media: Stylistic Aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 272 p.
13. Timofeeva M. K. [Language Scales: Directions of Modern Research]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2019, vol. 17, iss. 3, pp. 5–17.
14. Shevchenko A. Yu. [Discourse Analysis of Political Media Texts]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2002, no. 6, pp. 18–23.
15. Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;
e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara A. Pivavarchyk – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Journalism Department, Yanka Kupala State University of Grodno;
e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пивоварчик Т. А. Прагматика выбора кванторных местоимений для указания на неопределённо-множественного субъекта авторизации в медиатексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 56–67.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-1-56-67](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-56-67)

FOR CITATION

Pivavarchyk T. A. Pragmatics of the Choice of Quantifier Pronouns to Indicate the Indefinite-Plural Subject of Authorization in a Media Text. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 56–67.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-1-56-67](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-56-67)

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75

ТРИ СОБАКИ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «СОБАКА»: О РОЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПОЭТИКЕ ПИСАТЕЛЯ

Круглова Е. Е.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть аллегорический пласт рассказа И. С. Тургенева «Собака».

Процедура и методы. В работе рассматривается рассказ И. С. Тургенева «Собака» с позиций психоаналитического литературоведения.

Результаты. Анализ показал, что рассказ «Собака» можно понимать как текст, в структуре которого отчётливо проявляют себя элементы бессознательного. Образ одной из трёх собак, которые фигурируют в тексте, выступает метафорой тёмной стороны, не доступной сознанию главного героя. Рассказ И. С. Тургенева не является «безделкой», как считали многие современники. В своей интуиции о природе бессознательного писатель далеко опередил своё время, и его работа представляет опыт в области новой поэтики, принципы которой вырабатываются в позднем творчестве писателя, к которому принято относить всё им написанное после «Отцов и детей».

Теоретическая и/или практическая значимость. Новый подход к анализу рассказа позволяет активизировать читательское восприятие текста и помогает раскрыть глубинные психологические и антропологические смыслы, скрывающиеся за аллегорическими и параболическими конструкциями. Он может быть использован для дальнейших исследований «таинственных повестей» И. С. Тургенева.

Ключевые слова: бессознательное, И. С. Тургенев, мистическое, психоанализ, «Собака», сознание

THREE DOGS IN THE STORY OF I. S. TURGENEV "THE DOG": THE ROLE OF THE UNCONSCIOUS IN THE POETICS OF THE WRITER

E. Kruglova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, str. 1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to examine the allegorical layer in I. S. Turgenev's story "The Dog".

Methodology. The paper studies I. S. Turgenev's story "The Dog" from the standpoint of psychoanalytic literary studies.

Results. The analysis showed that the story "The Dog" can be understood as a text in the structure of which the elements of the unconscious clearly manifest themselves. The image of one of the three dogs that appear in the text is a metaphor for the dark side, which is not accessible to the consciousness of the main character. Turgenev's story is not a "trifle", as many contemporaries believed. In his intuition about the nature of the unconscious, the writer was far ahead of his time, and his story also represents an experience in the field of new poetics, the principles of which were developed in the writer's late work, to which it is customary to refer everything he wrote after "Fathers and Sons".

© CC BY Круглова Е. Е., 2022.

Research implications. A new approach to the analysis of the story makes it possible to activate the reader's perception of the text, when the reader himself has to decipher the deep psychological and anthropological meanings hidden behind allegorical and parabolic constructions. The same approach can be used for further research on the "mysterious stories" of I. S. Turgenev.

Keywords: unconscious, I. S. Turgenev, mystical, psychoanalysis, "Dog", consciousness

Введение

Вслед за Л. В. Пумпянским [8] рассказ И. С. Тургенева «Собака» (1864) в науке о творчестве писателя принято относить к циклу «таинственных повестей», но в целом в отечественном тургенеvedении ему уделялось крайне мало внимания. В последние годы можно наблюдать значительный интерес к этому циклу и творчеству И. С. Тургенева после «Отцов и детей», в том числе в психоаналитическом толковании [1; 2; 3; 4; 5; 11].

Упоминание о его первом появлении (в устном изложении автора ещё до выхода произведения в печати) относится к 1959 г. «В один из этих памятных вечеров он рассказывал фантастическую повесть «Собачки»¹, – вспоминает в «Тобольских губернских ведомостях» дальняя родственница И. С. Тургенева, подписавшаяся инициалами Е. М. Она сообщает, что писатель слышал историю, которую положил в основу своего рассказа, от одного мещанина на постоялом дворе. Конечно, родственница, слышавшая историю из уст И. С. Тургенева, могла и ошибиться, назвав рассказ «Собачки», а не «Собака». Выяснить это уже нельзя, но необходимо отметить, что этот вариант названия со множественным числом представляет особенный интерес как намекающий на несомненную значимость количества собак, являющихся «действующими лицами» в этом произведении.

У рассказа непростая судьба. Сперва И. С. Тургенев был решительно настроен его публиковать, только не мог выбрать, где именно. Но отзывы читателей и слушателей рассказа ещё до его публикации

разделились, и очень многие критиковали автора и признавали его новую вещь неудачной. Среди таких критиков были и те, чьему мнению писатель в большой степени доверял, например, В. П. Боткин, который как минимум дважды негативно отзывался о сочинении И. С. Тургенева: «Мне кажется, тон, взятый тобою в рассказе «Собака», не совсем верен, не наивен, с тенденциями рассмешить, какая-то неопределённая смесь трагикомического, из которой не выходит ни трагического, ни комического»² и «Она («Собака». – прим. Е. К.) плоха, говоря откровенно, и, по мнению моему, печатать её не следует»³. Негативной критики до и после публикации рассказа было много: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Я. Брюсов и многие другие находили рассказ слабым, не достойным пера писателя, высказывали своё непонимание, зачем И. С. Тургенев поднял эту тему, и заключали, что это вообще неудачная сатира или бесхитростная и откровенно слабая зарисовка с натуры. Н. Н. Страхов, всегда с вниманием относившийся к творчеству писателя, так выразил своё непонимание идеи рассказа: «Вот фантастическое явление Собаки, достойное воплотить в себе глубокий смысл, быть страшным откровением человеческих тайн. С кем же оно случилось? С пошляком-помещиком, к которому оно так же идёт, как к корове седло. Да мало того – в этом чуде нет никакого смысла ни для него, ни для нас»⁴. В отзыве Н. Н. Страхова интересны недоумение по поводу выбора

¹ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 500.

² Боткин В. П., Тургенев И. С. Неизданная переписка. 1851–1869: по материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. М.; Л.: Academia, 1930. С. 202.

³ Там же. С. 219.

⁴ Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

главного героя произведения – «пошляка-помещика», не способного постичь смысл произошедшего с ним, и сообщение, что произведение достойно «воплотить в себе глубокий смысл» и «быть страшным откровением человеческих тайн»¹. Этот аспект и станет предметом нашего исследования, нас будут интересовать смысловой потенциал тургеневского текста и художественные открытия писателя в области художественного антропологизма.

Собака-призрак как метафора бессознательного

Рассказ начинается с реплики некоего чиновника Антона Степаныча. Дело происходит, возможно, на постоялом дворе, несколько человек сидят в комнате и от нечего делать разговаривают о всяких пустяках: «Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? – провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке»².

Писатель сразу же разводит по разные стороны сверхъестественное и здравый рассудок, причём «здравый рассудок» здесь можно понимать и как здоровый, без патологий разум, и как здравый смысл (совокупность взглядов на окружающую действительность, выработанных и используемых человеком в повседневной практической деятельности, которые можно ожидать от почти всех людей без необходимости обсуждения). Ещё здесь содержится указание на то, что сверхъестественное, если допустить возможность его вмешательства в жизнь, бросает вызов здравому рассудку. Или даже так: куда вторгается сверхъестественное (необъяснимое с помощью здравого смысла), там нет места для здравого рассудка.

Так или иначе, мы слышим эту реплику из уст типичного носителя здравого смысла и обладателя здравого рассудка: чиновник, руководящий каким-то отделом министерства (департаментом), статский советник просто обязан быть образцом здравого смысла в строго иерархичном обществе. И если в начале рассказа реплика чиновника звучит ещё риторически, то в конце она же оказывается чем-то вроде резюме. Какую роль после вторжения сверхъестественного должен играть здравый рассудок, неизвестно. Видимо, для него нет никакой роли в этой ситуации.

Сразу после предупреждения о невозможности объяснения здравым рассудком присутствия сверхъестественного в «действительной жизни» выступает «на сцену» главный герой, который, якобы возражая чиновнику, рассказывает случай из своей жизни, когда таинственное внезапно вторглось в неё. Рассказ этот звучит как притча: его странность (небывальщина) позволяет трактовать историю иносказательно и не даёт ключа – ни религиозного, ни нравственного, ни даже житейского нравоучения в конце. Сюжет этой «притчи» незатейлив. Главному герою по ночам (в полной темноте) стала чудиться возня собаки. Ему посоветовали обратиться к знающему человеку, который подсказал герою купить себе щенка. Когда щенок вырос, на героя набросилась бешеная собака, а верный пёс героя прогнал её. Бешеная собака вернулась ночью и снова напала на рассказчика, но его вновь спас его четвероногий друг, теперь уже ценой собственной жизни. Конец. Действительно, никакой морали из этого извлечь невозможно. Но понять смысл сообщения, которое содержится в произведении, необходимо. Мы попытаемся найти этот другой способ разобраться в параболическом сюжете «Собаки».

Г. Ф. Перминов и Н. Н. Мостовская, комментаторы этого рассказа в последнем академическом издании сочинений И. С. Тургенева, отмечают, что центр тяжести в нём «перенесён ... с самого эпизода – “видение” собаки – на личность

¹ Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 232.

рассказчика, который дан как некий социально-психологический тип, несущий в себе черты народного мировоззрения и мироощущения, народных суеверий»¹. Н. Н. Страхов, подчеркнём ещё раз, назвал рассказчика из «Собаки» «пошляком-помещиком, к которому оно [страшное откровение человеческого тайн] так же идёт, как к корове седло»². Если допустить справедливость этих двух замечаний, сделанных в разные эпохи, можно увидеть явное противоречие или умысел, который необходимо растолковать: в центре внимания, по мысли интерпретаторов тургеневской «Собаки», оказывается социально-психологический тип, далёкий от тайн и глубин. В центре внимания тургеневской «Собаки», по мысли интерпретаторов, оказывается социально-психологический тип, далёкий от тайн и глубин. Мы допускаем справедливость суждений критиков и историков литературы, но не видим никакого противоречия. Мы видим логику, с которой писатель, уже сказав, что здравый рассудок не помощник в объяснении некоторых вещей, убирает и другие ненужные способности для понимания сути явления. Порфирий Капитоныч, рассказчик и главный герой, не обладает никакими способностями, кроме базовых, по умолчанию имеющихся у каждого среднестатистического человека, суеверен. Следует подчеркнуть, что его положение действительно на грани бытия и небытия: «он получил место надзирателя над казёнными магазинами»³, но «самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят»⁴. Но и эта его «призрачность» особо не акцентируется, Порфирий Капитоныч скорее зауряден,

подчёркнуто зауряден, он только сосуд для некоего содержания, а рефлексировать, понимать и объяснять это содержание – не в его силах и не его задача. Писатель, таким образом, предлагает читателю самому попытаться понять смысл странной притчи без готового поучения, но, как мы уже заметили, не полагаясь на «здравый рассудок», т. е. не опираясь на шаблоны «здравого смысла».

Итак, Порфирий Капитоныч в один прекрасный (обычный на самом деле) вечер начинает слышать собаку. Стоит ему только погасить свет, как невидимая собака начинает возиться подле него в комнате. Она чешется, выкусывает блох, хлопает ушами, словом, ведёт себя, как обычная домашняя собака, – не агрессивно, не пугающе, даже не странно. Особенность только в том, что, когда Порфирий Капитоныч зажигает свет, собака исчезает, словно её и не было. Да её и нет, т. е. её никто не видит и не видел никогда, и других следов своего существования она не оставляет, только звук возни.

Вернёмся ещё раз к понятию «рассудка», которое в философии наряду с разумом рассматривается как одна из форм мыслящего сознания [7, с. 238]. Сознанию противопоставляется бессознательное, которое в психоаналитической традиции принято относить к другому уровню психических процессов. Бессознательное (Оно, Ид), по З. Фрейду, – это «тёмная, недоступная часть нашей личности» [9, с. 345] или то, что в нас, действует в тени, в зоне, не освещаемой лучами сознания.

Порфирию Капитонычу в темноте не чудовища чудятся, а всего лишь собака, и она не загрызть его пытается, не укусить, а всего лишь чешется и возится. Но понять и объяснить это невозможно. Почему собака? Зачем чешется? Все «почему» и «зачем» объясняют явления «дневного» мира, явленного сознанию. Но она чешется и возится, и это беспокоит. Порфирий Капитоныч привлекает свидетелей.

Нельзя, разумеется, вот так запросто засвидетельствовать активность бессознательного, позвав кого-нибудь прислу-

¹ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 504.

² Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 232.

⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 233.

шаться вместе с тобой в темноте. Этот приём можно рассматривать как доказательство реальности феномена и как свидетельство психического здоровья (отсутствие явной патологии психики у Порфирия Капитоныча): да, действительно, собака возится, но увидеть её нельзя. Но и свидетели не мешают нам приблизиться к пониманию «ночной собаки» как метафоры бессознательного – они не могут ничего ни объяснить, ни изменить. Но даже пасуют они перед проблемой показательно: слуга Филька струхнул и побелел – он просто бессилен хоть как-то рационализировать, а способен только испытывать страх; сосед Василий Васильич, человек бывалый, тоже сперва испугался, но наутро дал совет Порфирию Капитонычу на несколько дней уехать из дому. Совет, конечно, не помог. Если бы это было что-то вроде призрака, поселившегося в доме, то, может быть, в другом месте собака не беспокоила нашего героя, но от неё, как и от своего бессознательного, убежать нельзя, в чём Порфирий Капитоныч и убедился следующей ночью. Следующий свидетель – «старичок из раскольников»¹ – тоже ничего не мог придумать, кроме как послать Порфирия Капитоныча к Прохорычу, «одному человеку, окромя» которого «помочь некому»². «Старичок из раскольников» как бы представляет «систему» — религиозную, хоть и не вполне каноническую, а проблема Порфирия Капитоновича не входит в её компетенцию. Здесь мы согласимся с Н. К. Михайловским, который утверждал: «Я достоверно знаю, что к области религии рассказанный в “Собаке” анекдот не имеет ровно никакого отношения»³.

«Анекдотом»⁴, «юмором»⁵ и рассказом с «сатирической направленностью»⁶ называли сочинение И. С. Тургенева мно-

гие, не зная, к чему отнести «странную» идею писателя рассказать о таком необъяснимом явлении, а «сниженность» образа таинственного – чешущейся собаки – некоторых критиков приглашала посмеяться. Нам же представляется, что такое «одомашнивание» таинственного несёт совершенно другой смысл: бессознательное и не чудовищное, но и не человеческое в психике. В теории З. Фрейда бессознательное представляет собой совокупность инстинктивных влечений, а, соответственно, метафора собаки – животного, наиболее близкого к человеку (не по происхождению, но по сосуществованию), – очень хорошо подходит.

Прохорыч выслушал «пациента» – вспомним, как он принял Порфирия Капитоныча: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?»⁷ – и посоветовал купить щенка. «Это вам не в наказание наслано, а в предостережение»⁸, – сказал он. Здесь стоит упомянуть о ранних идеях З. Фрейда, когда он считал, что главная цель психоанализа – «достигнуть аффективного отреагирования и восстановить травматические воспоминания» у человека [6, с. 15], т. е., если проблему, «спрятанную» в бессознательном, вывести на свет сознания, придёт «целительное катартическое переживание» [6, с. 14] и наступит облегчение.

Действительно, купив щенка, герой рассказа избавился от ночных «посещений» собаки. Но удивительная интуиция И. С. Тургенева позволила ему не согласиться с этим слишком оптимистичным прогнозом будущего классического психоанализа. Как констатировал З. Фрейд позже, если человек узнает, какие события в его жизни (например, в раннем детстве) привели к образованию невроза, он не излечится автоматически. «Катарсис не является более конечной целью терапии» [6, с. 17], для этого необходимо сломить защитные механизмы и достичь эффекта переноса бессознательных побуждений и

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 236.

² Там же. С. 237.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика: статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 473.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 507.

⁶ Там же.

⁷ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 239.

⁸ Там же.

фантазий на врача – фигуру, замещающую значимое лицо для пациента. «Это борьба ... между интеллектом и жизнью влечений. ... На этом поле должна быть одержана победа, выражением которой является стойкое избавление от невроза» [10, с. 167].

В итоге на Порфирия Капитоныча однажды нападает бешеная собака. Этот факт остался бы случайностью, удивительным, но не чудесным совпадением, если бы спустя несколько часов нападение не повторилось, да ещё в ситуации, исключающей всякую случайность: та же самая бешеная собака нашла нашего героя ночью и «прицельно» атаковала его. Трезор – подросток щенков Порфирия Капитоныча – спасает своего хозяина ценой собственной жизни. «Это вам не в наказание наслано, а в предостережение»¹, – вспомним ещё раз слова Прохорыча. Бессознательное пытается «достучаться» до сознания, в нём содержится масса различной информации, крайне важной для организма и психики человека, – в виде образов, желаний, страхов, неясных, но сильных ощущений.

Было бы совершенно неоправданно утверждать, что И. С. Тургенев в «Собаке» описывал трёхчастную структуру психики в том её изводе, который предложил десятилетия спустя З. Фрейд, и отождествлять невидимую собаку с «Оно», защищающую собаку с «Я» и нападающую собаку со «Сверх-Я». Но совершенно справедливо предположить, что нечто общее у концепции бессознательного, созданной отцом психоанализа, и у художественной интуиции русского писателя всё же было. Здесь стоило бы вернуться к началу нашего разговора и вспомнить, что некая дама, вспоминая, как писатель читал свой рассказ, назвала его «Собачки». Ведь действительно в рассказе три собаки: собака-призрак, реальные собака-защитник и собака-агрессор. Почему бы, например, Трезору не спасти своего хозяина от злодея или хотя бы от падающего дерева. Легко представить: Трезор лает, толкает Порфирия Капитоныча в сторону, а сам

трагически погибает. Нельзя утверждать, что появление трёх собак не случайно, но можно попробовать разобраться, почему количество именно такое. Вероятно, речь метафорически идёт о трёх ипостасях одной сущности: собака-предупреждение (невидимая глазом, но настойчиво присутствующая в темноте), собака-защитник (словно проявившееся осознанное предупреждение) и собака-опасность, то, о чём предупреждало нечто из бессознательного. На самом деле, эту сущность трудно определить одним названием, что вообще-то не должно нас смущать: если бы это было легко и хотя бы возможно, писатели не пытались бы растолковать нам с помощью образов и метафор, а сказали бы просто: вот так-то устроен мир, вот так-то человек, так что и сказать об этом более нечего.

Заключение

Одним из реальных источников тургеневской «Собаки», как отмечалось выше, был рассказ случайного попутчика, с которым писатель встретился на постоялом дворе, т. е. перед читателем разворачивается как бы реальная история, имевшая место в жизни. Однако на самом деле важно, что она оказалась созвучна собственным мыслям писателя. Известно, что И. С. Тургенев был склонен к ипохондрии, что он слишком часто прислушивался к своему состоянию. Есть свидетельства (в том числе и в его собственном творчестве), что его не вполне удовлетворяли готовые ответы на главные вопросы бытия, предлагаемые, помимо прочего, и религией. И можно предположить, что ещё задолго до психоаналитических откровений о бессознательном, которые закрепились потом в науке и психологической практике, писатель предполагал, что есть в человеке нечто ему неведомое, скрытое от света сознания, но тем не менее реальное и могущественное, таящее некие знания, некую информацию, пусть и в «диких», на первый взгляд, и нелепых образах. В этой связи рассказ «Собака» можно прочесть как художественную интуицию писателя

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 239.

об этом «нечто», попытку поговорить об этом с читателями. Отсутствие даже простейшего резюме в конце рассказа прямо указывает на приглашение читателя к размышлению над этим. А образ собаки, имеющей три разных ипостаси, просто невозможно воспринимать исключительно в «реальном» ключе, поскольку он обладает мощным аллегорическим и в сюжетном плане параболическим потенциалом.

Ф. М. Достоевский назвал рассказ И. С. Тургенева «этюдом мистического в

человеке»¹. Это так, если трактовать мистику широко, что вполне естественно было для XIX в., когда психология как наука была ещё очень молода и только подступала к вещам, скрытым от сознания, когда всё необъяснимое с лёгкостью называли мистикой. «Этюд бессознательного в человеке» – так мы определим поэтическое содержание этого необычного рассказа И. С. Тургенева более ста лет спустя.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барницкий Д. С. Мотив тоски в цикле «таинственных повестей» И. С. Тургенева // Евангельский текст в русской словесности: сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием), Петрозаводск, 21–24 сентября 2020 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 71–73.
2. Беляева И. А. Научная конференция к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева: «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия» // *Stephanos*. 2018. № 5 (31). С. 195–199.
3. Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.
4. Беляева И. А., Круглова Е. Е. «Восточная легенда» И. С. Тургенева: психоаналитические смыслы лирического высказывания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 8–16.
5. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. М.: Флинта, 2018. 344 с.
6. Гринсон Р. Техника и практика психоанализа / пер. с англ. И. Ю. Баклушинской, С. А. Баклушинского. Воронеж: НПО МОДЭК, 1994. 491 с.
7. Звездкина Э. Ф. Теория философии. М.: Эксмо: Слово, 2004. 448 с.
8. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г. В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. 456 с.
10. Фрейд З. Сочинения по технике лечения: в 10 т. Т. 11: Дополнительный / пер. с нем. А. М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2008. 440 с.
11. Lieber E. “Mister Russian Beast”: Civilization’s Discontents in Turgenev // *Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism* / ed. K. Bowers, A. Kokobobo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 89–106.

REFERENCES

1. Baritskii D. S. [The Motive of Longing in the Cycle of “Mysterious Stories” by I. S. Turgenev]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi slovesnosti: sbornik tezisev dokladov X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, Petrozavodsk, 21–24 sentyabrya 2020 g. [Gospel Text in Russian Literature: Collection of Abstracts of the X All-Russian Scientific Conference (with International Participation), Petrozavodsk, 21–24 September 2020]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2020, pp. 71–73.
2. Belyaeva I. A. [Scientific Conference Dedicated to the 200th Birthday of I. S. Turgenev: “Late Turgenev: Texts, Events, Assessments, Heritage Problems”]. In: *Stephanos*, 2018, no. 5 (31), pp. 195–199.
3. Belyaeva I. A. *Tvorchestvo I. S. Turgenyeva: faustovskie konteksty* [Creativity of I. S. Turgenev: Faustian Contexts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 248 p.
4. Belyaeva I. A., Kruglova E. E. [“Eastern legend” by I. S. Turgenev: Psychoanalytic Meanings of a Lyrical Statement]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya*

¹ Литературное наследство: в 112 т. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 409.

- yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2019, no. 4 (36), pp. 8–16.
5. Golovko V. M. *I. S. Turgenev: iskusstvo khudozhestvennogo filosofstvovaniya* [I. S. Turgenev: The Art of Artistic Philosophizing]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 344 p.
 6. Greenson R. *The Technique and Practice of Psychoanalysis* (Rus. ed.: Baklushinskaya I. Yu., Baklushinsky S.A., trans. *Tekhnika i praktika psikhoanaliza*. Voronezh, NPO MODEK Publ., 1994. 491 p.).
 7. Zvezdkina E. F. *Teoriya filosofii* [Theory of Philosophy]. Moscow, Eksmo Publ., Slovo Publ., 2004. 448 p.
 8. Pumpyanskii L. V. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collection of Works on the History of Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 864 p.
 9. Freud S. *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse* (Rus. ed.: Baryshnikova G. V., transl. *Vvedenie v psikhoanaliz: lektsii*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 456 p.).
 10. Freud S. *Schriften zur Behandlungstechnik* (Rus. ed.: Bokovikov A. M., transl. *Sochineniya po tekhnike lecheniya. T. 11*. Moscow, Firma STD Publ., 2008. 440 p.).
 11. Lieber E. "Mister Russian Beast": Civilization's Discontents in Turgenev. In: Bowers K., Kokobobo A., eds. *Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, pp. 89–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Круглова Елена Евгеньевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: elkruglova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Kruglova – Postgraduate Student, Department of Russian Literature, Moscow City University;
e-mail: elkruglova@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Круглова Е. Е. Три собаки в рассказе И. С. Тургенева «Собака»: о роли бессознательного в поэтике писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 68–75.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75

FOR CITATION

Kruglova E. E. Three Dogs in the Story of I. S. Turgenev "The Dog": The Role of the Unconscious in the Poetics of the Writer. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 68–75.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-76-83

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДНОЙ АНТОЛОГИИ «ПОЭТЫ ФРАНЦИИ. 1870–1913» В ТВОРЧЕСТВЕ И. Г. ЭРЕНБУРГА

Манышев С. С.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Показать значение работы И. Эренбурга-переводчика над антологией «Поэты Франции. 1870–1913» в становлении его собственного поэтического творчества и в истории русской литературы начала XX в.

Процедура и методы. В работе впервые проведён историко-литературный анализ указанной антологии с применением комплексного подхода, включающего элементы культурно-исторического, структурного, сравнительного и мотивного методов.

Результаты. В ходе исследования была обобщена как уже известная, так и новая информация по исследуемой теме, представлена история создания и публикации антологии, дан обзор критических отзывов о ней. Проведён структурный анализ содержания антологии, в результате чего установлено её значение в литературном процессе начала XX в., в частности, в развитии поэтического перевода. Выявлены признаки влияния французских поэтов, переведённых И. Эренбургом, на формирование его поэтического голоса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование расширяет представления как о деятельности И. Эренбурга 1910-х гг., так и о межкультурном взаимодействии данного периода. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении творческой биографии И. Эренбурга, истории развития поэтического перевода и литературных влияний начала XX в.

Ключевые слова: И. Эренбург, модернизм, поэзия авангарда, поэтический перевод, русская литература XX в., символизм

EFFECT OF THE TRANSLATED ANTHOLOGY “POETS OF FRANCE. 1870–1913” IN THE WORKS OF ILYA EHRENBURG

S. Manyshev*Moscow City University**Vtoroi Selskokhozyaystvenny proezd 4, str. 1, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to show the significance of the work of I. Ehrenburg as a translator of the anthology “Poets of France. 1870-1913” in the formation of his own poetry and in the history of Russian literature at the beginning of the twentieth century.

Methodology. The paper presents for the first time a historical and literary analysis of this anthology using an integrated approach that includes elements of cultural-historical, structural, comparative and motivational methods.

Results. Both already known and new information about the topic under study is summarized, the history of the creation and publication of the anthology is presented, and an overview of critical reviews on it is given. A structural analysis of the content of the anthology is carried out, as a result of which its significance is established in the context of the literary process of the early XX century, in particular, in

the development of poetic translation. Signs of the influence of French poets translated by Ehrenburg on the formation of his poetic voice are revealed.

Research implications. The research expands the understanding of both the activities of I. Ehrenburg in the 1910s and the intercultural interaction of this period. The results obtained can be used for further study of the creative biography of I. Ehrenburg, the history of the development of poetic translation and literary influences at the beginning of the twentieth century.

Keywords: I. Ehrenburg, modernism, avant-garde poetry, poetic translation, Russian literature of the 20th century, symbolism

Введение

В настоящее время творчество выдающегося поэта, прозаика и переводчика Ильи Григорьевича Эренбурга всё больше привлекает к себе внимание исследователей, но в большей степени это касается его художественной прозы и публицистики. В частности, можно отметить несколько появившихся в последнее пятилетие работ, посвящённых «берлинскому периоду» писателя, циклам его короткой прозы [4; 6; 7]. Глубокому анализу концепта «война» в его публицистической книге «Испанские репортажи» посвящена недавняя работа Л. И. Щелоковой [9].

В то же время ранняя лирика И. Г. Эренбурга, как и его переводческая деятельность 1910-х гг., остаётся пока неизученной. Исключение составляет работа К. Н. Галай [2, с. 103–106]. Частично исследованию истоков мировоззрения поэта посвящена статья французского историка Е. Берар-Заржицкой [10, pp. 219–242].

В настоящей работе рассматривается подготовленная И. Г. Эренбургом антология «Поэты Франции. 1870–1913». В фокусе исследования оказываются история создания и публикации антологии, круг переводимых авторов и принципы отбора стихотворений (обусловленные как биографическими, так и историко-литературными факторами), восприятие сборника русской критикой, а также соотношение проделанной работы И. Г. Эренбурга и его оригинального творчества.

История создания и публикации антологии

Книга «Поэты Франции. 1870–1913. Переводы И. Эренбурга» вышла в свет в феврале 1914 г. в Париже, в издательстве «Гелиос». У этого издательства существовала родственная связь с одноимённым журналом, выпускавшимся с декабря 1913 г., в котором И. Г. Эренбург был литературным критиком. И журнал, и книжные издания финансировались в основном за счёт личных средств русского поэта-эмигранта Валентина Немирова¹.

В антологию вошли переводы, над которыми И. Г. Эренбург работал в течение 1913 г. В этот период он выполнил перевод семидесяти четырёх стихотворений двадцати девяти поэтов. Отбор авторов и произведений был обусловлен «скорее личными пристрастиями, чем каким-либо общим планом»², о чём составитель антологии прямо сообщал в предисловии.

Восемнадцать стихотворных произведений были впервые переведены им на русский язык. Вероятно, основной корпус текстов для антологии был готов уже к концу года, поскольку в своём очередном письме В. Я. Брюсову он просит выслать статьи о французских поэтах, переведённые им ранее³. В этом же послании И. Г. Эренбург указывает более узкие временные рамки антологии: 1880–1910 гг. Впоследствии эти рамки будут расширены за счёт включения в сбор-

¹ Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: хроника жизни и творчества : в 3 т. Т. 1. СПб.: Лина, 1993. С. 96.

² Поэты Франции. 1870–1913 / пер. И. Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914. С. 3–4.

³ Эренбург И. Письма 1908–1967 : в 2 т. Т. 1: «Дай оглянуться...». Письма 1908–1930. М.: Аграф, 2004. С. 41.

ник переводов из поэзии П. Верлена, относящейся к 1870-м гг. В книгу также было добавлено его стихотворение «Сентиментальная прогулка», входившее в сборник «Галантные празднества» (1869 г.)¹. Таким образом, И. Г. Эренбург решается перевести произведения французских авторов, на тот момент уже широко известных в переводах мэтров русской поэзии: Ф. К. Сологуба [1], К. Д. Бальмонта, М. А. Волошина. И, конечно же, В. Я. Брюсова – опытного переводчика и теоретика, во многом определившего облик переводной поэзии Серебряного века [5, с. 320–332], которого молодой поэт считал своим наставником на литературном поприще. В контексте сложившихся между учителем и учеником творческих отношений (о которых мы можем судить по сохранившемуся эпистолярию²) со стороны И. Г. Эренбурга было почти дерзостью предложить свои интерпретации стихотворений, ранее переведённых В. Я. Брюсовым. Начиная поэт стремился по-своему представить известные произведения, отойдя от брюсовской теории, о чём писал П. Н. Зайцеву в конце 1913 г.: «Я много работал последнее время над “Антологией” современных французских поэтов, хотелось создать нечто подлинно лирическое и непохожее на официальные хрестоматии Брюсова»³.

Антология также была расширена за счёт стихов, впервые появившихся в печати уже в период работы над ней – в 1912–1913 гг. В состав книги были включены переводы «новых» поэтов, ещё не известных широкой публике, с тремя из которых И. Г. Эренбург был знаком лично. Это имена, которые впоследствии войдут в историю мировой поэзии: Гийом Аполлинер, Шарль Вильдрак и Андре Сальмон. И. Г. Эренбург также был знаком с Максом Жакобом, который в письме Аполлинеру указывал на сходство поэзии последнего с эренбургской⁴.

Переводы предварялись историко-литературными справками, различными по объёму. Наиболее полная и подробная информация была представлена о символистах. Это связано с тем, что В. Я. Брюсов, выполняя просьбу И. Г. Эренбурга, выслал ему статьи об авторах стихотворений, которые ранее переводил сам⁵. Вместе с тем, портретам некоторых поэтов – современников И. Г. Эренбурга, например А. Сальмону и Ф. Дивуару, отведено всего несколько строк.

Сразу же после издания антологии возникла литературная полемика о её составе, проблеме поэтического перевода и критериях его оценки.

Сергей Городецкий писал в рецензии, опубликованной 10 марта 1914 г. в петербургской газете «Речь»: «И. Эренбург выпустил в Париже обширную антологию французских поэтов в своих переводах, с предисловием, критико-биографическими статьями и библиографией, русской и французской. Сюда вошли 29 поэтов, от Стефана Малларме до Жана Дорсенюса. Некоторые, как Андре Спир, Маринетти, Гийом Аполлинер, появляются на русском языке впервые. Хотя у нас уже есть и антология, составленная Брюсовым, и “Книга масок”, изданная “Грядущим днём”, и ещё кое-что, тем не менее, антология И. Эренбурга не может не привлечь к себе широкого интереса. Она составлена по принципу личного пристрастия. А тайна перевода постигается именно при этом условии, и отнюдь не механически. Библиография к книге обстоятельна, критические портреты остры и содержательны. Издана книга прекрасно»⁶. Таким образом, С. Городецкого вдохновляет факт появления новой переводной антологии, хотя сам перевод остаётся для него «тайной» и не предполагает оценки.

Рецензия В. Брюсова, напечатанная в апрельском номере журнала «Русская мысль», была более сдержанной:

¹ Seghers P. Le Livre d'or de la poésie française (Des origines à 1940). Verviers: Marabout Histoire, 1972. P. 223.

² Эренбург И. Письма 1908–1967 : в 2 т. Т. 1.: «Дай оглянуться...». Письма 1908–1930. М.: Аграф, 2004. 624 с.

³ Там же. С. 43.

⁴ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания : в 3 т. Т. 1. М.: Советский писатель, 1990. 784 с. С. 164.

⁵ Эренбург И. Письма 1908–1967 : в 2 т. Т. 1.: «Дай оглянуться...». Письма 1908–1930. М.: Аграф, 2004. С. 45.

⁶ Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: хроника жизни и творчества : в 3 т. Т. 1. СПб.: Лиана, 1993. С. 98.

«И. Эренбург, бесспорно, талантливый поэт, на которого позволительно возлагать хорошие надежды. Тем печальнее, что его новая книга во многом нас не удовлетворяет Книга могла бы представлять интерес для русского читателя, если бы переводы верно передавали индивидуальность отдельных поэтов. К сожалению, именно этого и нет в переводах г. Эренбурга: почти все они исполнены однообразным стихом (мы говорим не о размерах) и одним и тем же языком, словно все “поэты Франции” в течение полустолетия писали одинаково»¹. Нелестный отзыв мэтра о переводческой работе молодого поэта отрицательно сказался и на их дальнейших личных отношениях, и на отношении И. Г. Эренбурга к ремеслу переводчика. Об этом косвенно говорят следующие факты. Переписка с В. Я. Брюсовым возобновилась лишь в октябре 1915 г. (когда ему были высланы несколько стихотворений из сборника «Стихи о канунах» с просьбой напечатать их в «Русской мысли»), в 1916 г. прислана вышеуказанная книга с дарственной надписью. А вот экземпляры изданных переводов из Ф. Вийона получили только А. Блок и О. Мандельштам, из чего можно сделать вывод, что И. Г. Эренбург стал ориентироваться на мнения представителей новых направлений в русской поэзии. После обмена в 1916 г. откровенными посланиями, выявившими противоположное отношение к поэтическому творчеству, переписка между В. Я. Брюсовым и И. Г. Эренбургом закончилась.

В июне 1914 г. в журнале «Современник» (№№ 13–15) вышел критический отклик С. Астрова, комментирующий, в основном, состав антологии. Ссылаясь на предисловие к книге, где И. Г. Эренбург говорил о свободном выборе текстов, критик отметил «поэтическую индивидуальность переводчика», которую интерпретировал как «субъективность». При общей высокой оценке издания и его просветительского значения, С. Астров выделил переводы отдельных авторов как более ценные,

других же – как «лишние»: «Переводчик – чувствуется – ближе к Ф. Жамму, чем к другим поэтам его сборника. У Жамма глубокая религиозность, любовь к живому, близкому и дальнему свита с раздумьями, с грустью и радостью жизни, что обречены в душе. И как хорошо, что русская публика познакомится с творчеством этого своеобразного поэта, подобного которому в русской поэзии немного Многие на наш взгляд в сборнике лишнее. Мы никак не можем разделить восторгов г. Эренбурга от поэзии Тристана Дерема, Ш. Кроса, А. Спира и др., но всей душой присоединяемся к мнению переводчика о Жюле Лафоре, о Шарле Вильдраке, об Артюре Рембо. Прекрасны стихи Альбера Самена, прозрачные, тонкие, как “вечера апреля”»².

Летом 1914 г. в «Северных записках» критический отзыв об антологии дал Б. М. Эйхенбаум³. Как и ранее В. Я. Брюсов, он отметил однообразие звучания голосов различных поэтов в представленных переводах.

В целом можно согласиться с выводами биографа И. Г. Эренбурга Б. Я. Фрезинского: «Критики, задетые эренбурговским Верленом, на остальные переводы в антологии не обратили внимания. Впрочем, сам Брюсов был внимательным читателем и, отметив переводы новых авторов, похвалил перевод Вильдрака за “достаточную точность”. Между тем, впервые переведённый на русский язык Аполлинер остался незамеченным»⁴.

Анализ антологии в историко-литературном контексте

Проанализировав переводы включённых в антологию произведений французских авторов с точки зрения историко-

¹ Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: хроника жизни и творчества : в 3 т. Т. 1. СПб.: Лина, 1993. С. 99.

² Астров С. Поэты Франции. 1870–1913. Переводы И. Эренбурга. Рецензия // Современник. 1914. Кн. XIII–XV. С. 328.

³ Эйхенбаум Б. М. Поэты Франции. 1870–1913. Пер. И. Эренбурга // Северные записки. 1914. № 6. С. 193–194.

⁴ Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подг. текста, прим. Б. Я. Фрезинского. СПб.: Академический проект, 2000. С. 22.

литературного контекста, мы приходим к выводу о неслучайности их выбора. По крайней мере, можно установить, чем были продиктованы «личные пристрастия» И. Г. Эренбурга.

Антология разделена на две части. Первая, более обширная и снабжённая более полным информационным сопровождением, отведена поэтам-модернистам, прежде всего символистам: от Стефана Малларме и Франсиса Жамма до Поля Фора и Шарля Герена.

Безусловно, у И. Г. Эренбурга было особое отношение к П. Верлену: он поместил в книгу переводы восьмью стихотворений «Бедного Лелиана». Учитывая общепризнанный вклад П. Верлена в развитие музыкальности, обогащение акустической и изобразительной палитры французского стиха, этот выбор не был случайным. В предисловии к антологии мы находим указание на то, что И. Г. Эренбурга в творчестве этого основоположника символизма «больше всего привлекли его небольшие песенки, детские жалобы и сомнения, а не поэмы, насыщенные часто глубокой мыслью (как “Мистический диалог” и др.)»¹. Этот выбор объясним философским и эмоциональным состоянием молодого поэта, который параллельно с работой над переводами пишет собственные стихи, полные детских воспоминаний и сомнений (сборники «Одуванчики», «Детское»).

Переводчик воспринимает французский символизм целостно, на основе сложившегося у него философско-эстетического впечатления. В подавляющем большинстве выбраны произведения с важными для декадентов метасимволами – паттернами, формирующими сознание читателей поэзии на рубеже XIX–XX вв.: осень, вечер, сон, молитва. Стихи четырнадцати из шестнадцати поэтов-модернистов И. Г. Эренбург читал в переводах, сделанных ранее другими русскими поэтами. Его собственные ранние сборники «Стихи», «Я живу», «Будни», «Детское» полны мотивов и образов, которые мы находим и в сти-

хотворениях французских символистов. Это логично, поскольку вписывается в общую философию представителей русского декадентства с его тяготением к созданию картины увядания, утомления, крушения, заката [8, с. 32]. Выбор обусловлен необходимостью дать своё представление об усвоенном наследии французской поэзии периода символизма, по-своему интерпретировать её. В какой-то степени – заявить о себе как о состоявшемся переводчике французской поэзии.

Вторая часть антологии посвящена молодым поэтам – современникам И. Г. Эренбурга. Здесь можно отметить наличие следующих закономерностей. Сам составитель отмечает в предисловии: «Быть может, является грехом, с точки зрения исторической справедливости, пропуск таких поэтов, как Рене Гиль или группы “юнимистов” в лице Жюль Ромэна или Жоржа Дюамеля и др., но полная невозможность найти в их творчестве доступные и близкие мне элементы привела меня к этой вынужденной односторонности»². Но вместе с тем в книгу вошли переводы унимиста Шарля Вильдрака и близкого к этой литературной группе Фернанда Дивуара. Причину неприятия «научной поэзии» Рене Гилья, пожалуй, можно объяснить слишком рациональным, «умственным» подходом последнего к поэтическому творчеству, тогда как И. Г. Эренбург тяготеет к восприятию поэзии как откровения, духовного познания, процесса, в котором действует скорее не логика, но эвристика. А обращаясь, например, к статье Ш. Вильдрака и Ж. Дюамеля о теории свободного стиха (в переводе В. Шершеневича)³, мы видим попытку формализовать поэзию, свести поэтическое творчество к выполнению ряда принципов и техник. К тому же обращение унимистов к урбанистической

¹ Поэты Франции. 1870–1913 / пер. И. Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914. С. 3–4.

² Поэты Франции. 1870–1913 / пер. И. Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914. С. 3.

³ Шершеневич В. Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1996. С. 466–507.

проблематике, их попытки романтизировать город как хранителя некоей мистической коллективной души [3] не нашли отклика в душе И. Г. Эренбурга – экзистенциалиста, который видел в городской жизни причину человеческой несвободы.

Уже начиная с изданного в 1912 г. сборника «Будни», в стихи И. Г. Эренбурга всё больше проникают темы и мотивы, свойственные раннему французскому авангарду. Он сам пока не сознаёт этого, указывая в статье, предваряющей переводы стихов Г. Аполлинера, что «написанные в то время, “когда короли умирали один за другим”, это, воистину, стихи “декаденса”»¹. Мотивы абсурдности жизни, её обречённости соседствуют с удивлением этой жизнью, неповторимостью её каждого момента и волшебства простых человеческих чувств. Сходны локусы и мифологемы, связанные с темами войны и бессилия Бога (Бог – авиатор, Бог – бесстрастный наблюдатель). Антивоенные стихи И. Г. Эренбурга, работавшего военным корреспондентом на франко-германском фронте, проникнутые чувствами отвращения и безысходности, погружают читателя в те же обстоятельства военного быта, что и стихотворения Г. Аполлинера, ушедшего добровольцем на войну. Можно обобщённо сказать о мотивном сходстве поэзии И. Г. Эренбурга и новой на тот момент французской поэзии сюрреализма. Их роднят мотивы потери – потери веры, любви и надежды.

Сходно стремление проникнуть в тайны личности и биографии поэтов, чьи имена стали знаковыми в поэзии (так, например, А. Сальмон написал стихи об Артуре Рембо, а И. Г. Эренбург – о Поле Верлене и Франсуа Вийоне).

Образно-мотивное и стилистическое влияние французских поэтов проявится с наибольшей интенсивностью в «Стихах о канунах», изданных спустя два года, – «самой большой и самой темной поэтической книге Ильи Эренбурга»

(Б. Я. Фрезинский)². Эклектичный по содержанию сборник включает образцы поэтических текстов, несущих на себе признаки сюрреализма. Речь идёт о наличии в них неявных (тёмных) смыслов, об использовании фонетических и художественных приёмов, характерных для французской авангардной поэзии.

Заключение

Историко-литературный анализ переводной антологии «Поэты Франции. 1870–1913» позволяет сделать выводы о значении этой книги в творческой деятельности Ильи Эренбурга. Во-первых, ему как переводчику первому удалось реализовать в одном издании переводы франкоязычных авторов, принадлежащих к стержневым направлениям конца XIX – начала XX вв., отразив тенденции развития современной французской поэзии. Во-вторых, И. Г. Эренбургу, чьё творчество закономерно развивалось в контексте основных литературных процессов начала XX в., обширное освоение французской лирики позволило занять особое место в ряду русских поэтов Серебряного века. Это обусловлено влиянием французских поэтов – от модернистов до сюрреалистов – на его художественно-эстетические и философские поиски. Незнакомый ещё с произведениями русских футуристов, И. Г. Эренбург с 1915 г. становится особым поэтическим феноменом, в творчестве которого слились традиции русского символизма и французского авангарда. Вопрос о влиянии западноевропейской, в частности французской, поэзии на лирику И. Г. Эренбурга остаётся перспективной задачей для дальнейшего научного исследования.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

¹ Поэты Франции. 1870–1913 / пер. И. Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914. С. 108.

² Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подг. текста, прим. Б. Я. Фрезинского. СПб.: Академический проект, 2000. С. 22.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е., Мисникевич Т. В. Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Фёдора Сологуба // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 358–377.
2. Галай К. Н. Ф. Жамм в раннем творчестве И. Эренбурга // *Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Филологические науки*. 2017. № 3 (164). С. 103–106.
3. Ёлкин А. А. Единый мир в творчестве писателей-унанимистов // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 6 (68). С. 79–82.
4. Пономарева Е. В., Федерякин А. Ю. «Шесть повестей о лёгких концах» И. Г. Эренбурга: к вопросу об особенностях реализации конструктивистских интенций // *Филология и культура*. 2016. № 1 (43). С. 245–250.
5. Устиновская А. А. Художественный перевод как полемическая манифестация программных установок течений Серебряного века (на примере переводов В. Брюсова и Н. Гумилёва) // *Научный диалог*. 2020. № 6. С. 320–332.
6. Федерякин А. Ю. Жанрово-стилистические особенности цикла И. Г. Эренбурга «Шесть повестей о лёгких концах» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16. № 4. С. 416–421.
7. Федерякин А. Ю. Кинематографические принципы в прозаических циклах Ильи Эренбурга // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2016. № 1. С. 170–176.
8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
9. Щелокова Л. И. Концепт «война» в книге «Испанские репортажи» И. Г. Эренбурга // *Вестник славянских культур*. 2020. Т. 55. № 1. С. 163–172.
10. Berard-Zarzycka E., Ehrenbourg I. Juif, Russe et Européen, 1891–1928 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1985. Vol. 26. № 2. P. 219–242.

REFERENCES

1. Bagno V. E., Misnikovich T. V. [Verlaine in Word-by-word Translation and Verlaine in Translation: The Creative Laboratory of Fedor Sologub]. In: *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 358–377.
2. Galaj K. N. [F. Jamm in the Early Works of I. Ehrenburg]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Petrozavodsk State University. Series: Philological Sciences], 2017, no. 3 (164), pp. 103–106.
3. Yolkin A. A. [A Single World in the Work of Unanimist Writers]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2015, no. 6 (68), pp. 79–82.
4. Ponomareva E. V., Federyakin A. Yu. ["Six Stories about Easy Ends" by I. G. Ehrenburg: On the Issue of the Features of the Implementation of Constructivist Intentions]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2016, no. 1 (43), pp. 245–250.
5. Ustinovskaya A. A. [Literary Translation as a Polemical Manifestation of the Program Settings of the Silver Age (On the Example of Translations by V. Bryusov and N. Gumilyov)]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 6, pp. 320–332.
6. Federyakin A. Yu. [Genre and Stylistic Features of the Cycle of I. G. Ehrenburg "Six Stories about Easy Ends"]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philology. Journalism], 2016, vol. 16, no. 4, pp. 416–421.
7. Federyakin A. Yu. [Cinematographic Principles in the Prose Cycles of Ilya Ehrenburg]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University], 2016, no. 1, pp. 170–176.
8. Hansen-Löve A. Der Russische Symbolismus. System Und Entfaltung Der Poetischen Motive. I. Band: Diabolischer Symbolismus (Rus. ed.: Nekrasov M. Yu., transl. *Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999. 512 p.).
9. Shchelokova L. I. [The Concept of "War" in the Book "Spanish Reports" by I. G. Ehrenburg]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, vol. 55, no. 1, pp. 163–172.
10. Berard-Zarzycka E., Ehrenbourg I. Juif, Russe et Européen, 1891–1928. In: *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1985, vol. 26, no. 2, pp. 219–242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маньшиев Сергей Сергеевич – аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: 89060393635@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Manyshv – Postgraduate Student, Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City University;
e-mail: 89060393635@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маньшев С. С. Значение переводной антологии «Поэты Франции. 1870–1913» в творчестве И. Г. Эренбурга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 76–83.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-76-83

FOR CITATION

Manyshv S. S. Effect of the Translated Anthology “Poets of France. 1870-1913” in the Works of Ilya Ehrenburg. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 76–83.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-76-83

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-84-90

ДВА «ДЕМОНА»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛИБРЕТТО И ПОСТАНОВОК ОПЕР ПО ОДНОИМЕННОЙ ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

Полтавец М. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представить историю создания либретто и постановок опер по поэме М. Ю. Лермонтова «Демон», показать различия в работе над текстами либреттистов.

Процедура и методы. Методологической основой работы являются культурно-исторический и историко-функциональный подходы.

Результаты. В результате исследования доказано, что автором либретто 1860 г. был писатель-либреттист В. А. Соллогуб. Отмечается своеобразное сотрудничество либреттиста П. А. Висковатова и композитора А. Г. Рубинштейна в 1871 г. В работе указывается факт обращения композиторов А. Г. Рубинштейна и В. А. Фитингоф-Шеля к творчеству К. К. Павловой, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, приводятся ранее неизвестные причины отказа Дирекции Мариинского театра в постановке опер А. Г. Рубинштейна и В. А. Фитингоф-Шеля в 1871 г. и последующего изменения названия оперы последнего («Тамара»).

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведенные наблюдения могут быть использованы при сопоставлении текстов либретто, а также при сравнительном анализе поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» и одноимённых либретто.

Ключевые слова: демон, история создания, композитор, М. Ю. Лермонтов, либретто, опера, постановка

TWO “DEMONS”: THE HISTORY OF THE CREATION OF A LIBRETTO AND STAGE PIECES OF OPERAS BASED ON M. LERMONTOV’S POEM “DEMON”

M. Poltavets*Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We explore the history of the creation of the libretto and stage pieces of operas which are based on M. Lermontov’s poem “Demon” and show the differences between librettists’ texts.

Methodology. The paper is based on the main literary approaches, such as cultural and historical, as well as on the method of systemic and holistic analysis.

Results. The analysis showed that the author of the 1860’s libretto was the writer-librettist V. Sollogub. The original collaboration of the librettist (P. Viskovatov) and the composer itself (A. Rubinstein) is noted. The paper demonstrates that composers (Rubinstein and Fitingif-Shel) appealed to the works of K. Pavlova, Ya. Polonsky and A. Maikov, and also presents the reasons for the refusal of the Directorate of the Mariinsky Theater to stage the operas of A. Rubenstein and B. Fitingif-Shel in 1871. Another significant point is given, which is the change in the subsequent name of the Fitingof-Shel’s opera (“Tamara”).

Research implications. The observations can be used to study the texts of the two librettos, as well as to compare and analyzes the librettos and Lermontov’s poem “Demon”.

Keywords: demon, history of creation, composer, M.Yu. Lermontov, libretto, opera, staging

Введение

В 1871 г. в Дирекцию Императорских театров были представлены два текста либретто оперы «Демон»: А. Г. Рубинштейна, П. А. Висковатова и Б. А. Фитингоф-Шеля, В. А. Соллогуба¹. Авторами классического либретто «Демон» справедливо считаются первые, создававшие текст в тесном сотрудничестве друг с другом. Композитор Б. А. Фитингоф-Шель не принимал участия в работе, и единственным автором текста либретто² является В. А. Соллогуб.

Задача работы состоит в том, чтобы показать историю создания двух либретто к опере «Демон» П. А. Висковатова, А. Г. Рубинштейна и Б. А. Соллогуба и продвижения опер к постановке на сцене.

«Демон» П. А. Висковатова и «Демон» А. Г. Рубинштейна: к истории вопроса

Роль А. Г. Рубинштейна в создании музыки к опере «Демон» и текста либретто велика. Этим вопросом занимались такие исследователи, как К. В. Сарычева³, В. С. Захарченко [4], Д. Е. Хайдарова [7]. Идея написания либретто по мотивам поэмы М. Ю. Лермонтова сформировалась у композитора в период между 1859–1871 гг. Б. А. Фитингоф-Шель отмечал, что А. Г. Рубинштейн не только исполнял отрывки из его будущей оперы⁴, но и был знаком с самой партитурой. Тейлор Филипп писал: «Зимой 1870–1871 гг. поэт Яков Полонский предложил Рубинштейну поэму Лермонтова “Демон” как возможный сюжет для оперы» [9, р. 139]. Таким образом, работа над либретто была начата Я. П. Полонским, продолжена А. Н. Майковым, а закончена

первым биографом М. Ю. Лермонтова – П. А. Висковатовым. Работа над оперой велась интенсивно: «Всё лето Рубинштейн усиленно работал над “Демоном”, чтобы закончить оперу к своему возвращению в Петербург во второй половине сентября» [9, с. 142]. К сожалению, во время написания либретто между композитором и либреттистом возникли некоторые разногласия, которые привели к разрыву между ними. В частности, П. А. Висковатов утверждал, что многие части либретто были изменены, переставлены, а некоторые – неизвестны. Т. Н. Маркова и Д. Е. Хайдарова отмечают, что этот конфликт привёл к остановке творческого сотрудничества между А. Г. Рубинштейном и П. А. Висковатовым [5]. Несмотря на это, либретто было представлено в Дирекцию Императорских театров к постановке на сцене Мариинского театра. Что же представляет собой финальное либретто? Кто является автором текста, который был отдан на критику режиссёрам русской оперы? К сожалению, ответить на эти вопросы не представляется возможным ввиду конфликта между либреттистами. Их разногласия указывают на то обстоятельство, что окончательный текст либретто не восстанавливается, как и его авторство. Таким образом, история создания либретто А. Г. Рубинштейна таит в себе множество загадок. Завесу тайны нам удалось приподнять в одном из исследований⁵. В этой работе мы указываем на существование текста 1875 г., изданного в типографии В. В. Пратца⁶, а также текста 1879 г., изданного типографией В. В. Бесселя. Известно также, что П. А. Висковатов высказывал пожелания снять его фамилию с партитуры и текста либретто. Однако во всех изданиях текста он был обозначен как автор.

¹ Впоследствии название «Демон» было исправлено на «Тамара» из-за того, что две оперы с одинаковым названием не могли быть одновременно в репертуаре.

² История создания либретто оперы «Тамара» Б. А. Фитингоф-Шеля нам известна по его воспоминаниям об известных личностях.

³ По мнению К. В. Сарычевой, большая часть текста финальной версии либретто была написана композитором А. Г. Рубинштейном, если учесть при этом ранее внесённые правки [6].

⁴ Письмо в редакцию. Новое время. П. 1899. 7/19 январь. №8212. С. 3–5.

⁵ См.: Полтавец М. А. История создания либретто оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» по тексту одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2021. № 1. С. 144–153.

⁶ См. подр.: «Демон» А. Г. Рубинштейна: опера в 3 д., 7 карт: либретто П. А. Висковатова по одноименной поэме М. Ю. Лермонтова. СПб.: В. В. Пратц, 1875. 50 с.

Между тем вопрос о тексте либретто исключительно важен, поскольку, как отмечал Г. И. Ганзбург, смысл оперы как феномена искусства зиждется на двух основных факторах – словесном тексте и музыке [3, с. 11].

Прежде всего, оба либретто – А. Г. Рубинштейна, П. А. Висковатова и В. А. Соллогуба – необходимо рассмотреть с точки зрения истории их написания. Феномен создания текста либретто включается в историко-литературный и культурный контекст времени: в 1860 г. публикуется поэма М. Ю. Лермонтова «Демон», а после её публикации Б. А. Фитингоф-Шель решает начать писать свою оперу. Импульсом обращения А. Г. Рубинштейна к тексту поэмы был спектакль А. Н. Серова «Вражья сила». Композитор отмечал, что был поражён «натуралистическим характером» этого произведения и решил написать такую оперу, которую можно было бы противопоставить работе А. Серова и отнести к «идеальному направлению». В воспоминаниях Б. А. Фитингоф-Шеля мы находим некоторые факты, которые уточняют события, происходившие с 1860 по 1871 гг. Л. А. Баренбойм в биографии А. Г. Рубинштейна отмечал вероятность того, что «Вражья сила» А. Серова могла не понравиться композитору, «Однако версия Фитингоф-Шеля о мотивах, побудивших Рубинштейна написать оперу на сюжет лермонтовской поэмы, лишена правдоподобия: с «Вражьей силой», законченной Н. Соловьёвым после смерти Серова, Рубинштейн познакомился на премьере этой оперы, состоявшейся 19 апреля 1871 года, то есть тогда, когда он уже писал музыку «Демона»» [1, с. 68]. Более того, после смерти А. Г. Рубинштейна был напечатан ряд статей, в которых авторы намекали, что идея написания оперы на сюжет поэмы была заимствована у других композиторов. Например, В. Серова в своих воспоминаниях «Чета Бларамбергов» косвенно, так же, как и Б. А. Фитингоф-Шель, указывала на отмеченный факт.

Творческая история создания оперы Б. А. Фитингоф-Шеля имеет множество пробелов, и сейчас сложно проследить,

что из высказываемого по поводу этого вопроса основывается на достоверной информации. Сведений, кроме его воспоминаний, к сожалению, не обнаружено, поэтому мы будем руководствоваться исключительно ими. Судя по записям композитора, замысел создать оперу по поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» у него возник давно. В 1960-х гг. он находился в Дрездене одновременно с А. К. Толстым, который посоветовал ему обратиться к Каролине Павловой¹, создательнице литературного салона, известной своими переводами. Он надеялся, что поэтесса-переводчик сможет создать достойный текст на русском и немецком языках.

Б. А. Фитингоф-Шель отмечает, что либретто было заказано у г-жи Павловой², а сам он приступил к написанию музыки на тот материал, который был у него уже написан. В то время он был дружен с графом В. А. Соллогубом, который, как оказалось при общении с композитором, сам хотел бы написать либретто на сюжет М. Ю. Лермонтова, и которому было *очень обидно*, что изначально ему не была предложена роль либреттиста. «Если оно хорошо (либретто. – М. П.), – тем хуже, потому, что я вам никогда не прощу, что вы меня обошли и разсорюсь с вами; а если оно худо, чего я от всей души желаю, – тем лучше: тогда я со спокойною совестью возьмусь написать новое»³.

Либретто⁴, как и следовало ожидать, не понравилось В. А. Соллогубу, и он решил

¹ Обращение Фитингоф-Шеля к К. К. Павловой не случайно, А. К. Толстой отмечал «искреннее уважение к совершенству переводческого мастерства Павловой» [8, с. 99]. Список переводов К. К. Павловой в Дрезденский период обширен. Полный перечень её переводов можно найти у Ф. Гёпферта.

² Судьба возможного текста либретто К. К. Павловой неизвестна, так же, как и несостоявшихся текстов А. Н. Майкова и С. Ю. Полонского, к помощи которых композитор А. Г. Рубинштейн обращался до работы с П. А. Висковатовым.

³ Мировые знаменитости из воспоминаний бар. Б. А. Фитингоф-Шель. 1848–1898: из жизни более ста лиц: Глинки, Доргомыжского, Чайковского и др. СПб.: Тип. Пайкина, 1899. С. 61.

⁴ Нам не известно, что читал В. А. Соллогуб, поскольку текст, предположительно написанный К. К. Павловой, обнаружен не был.

написать новое: «ведь это святотатство! – воскликнул он, – как смеет баловаться с такою святыней как поэзия Лермонтова в Демоне! А что вы даром проработали, это вам поделом за то, что вы меня обошли»¹.

Композитор отмечает, что при *разгульном* образе жизни писателя, он работал очень быстро, и за короткий срок – неделю – либретто было уже готово, если отнестись к воспоминаниям не критически. В. А. Соллогуб был чрезвычайно доволен результатом своей работы и рассчитывал на то, что его либретто лучше подходит к созданию и постановке оперы, о чём свидетельствуют его восторженные оценки своей работы, касающиеся, в частности, сцены с хором монахинь.

К сожалению, надежды композитора и либреттиста не оправдались. Либретто Б. А. Фитингоф-Шеля не было принято к постановке. Причиной отказа Дирекции Императорских театров было бы слишком большое вложение денежных средств, которое театр позволить себе не мог – так звучала официальная причина. Тем не менее, нам известно, что в 1859 г. увертюра из оперы барона «Демон» была исполнена оркестром под управлением А. Г. Рубинштейна на концерте Русского Музыкального Общества. Этот факт, как мы полагаем, явился началом известного разлада между двумя композиторами².

¹ Мировые знаменитости из воспоминаний бар. Б. А. Фитингоф-Шель. 1848-1898: из жизни более ста лиц: Глинки, Доргомыжского, Чайковского и др. СПб.: Тип. Пайкина, 1899. С. 62.

² Примечательно, что в своих воспоминаниях Б. А. Фитингоф-Шель описывает этот разлад так: «в 1871 году я оканчивал эту оперу; мне оставалось оркестрировать в течение лета лишь два или три номера, после чего я собирался её представить в сентябре в дирекцию Императорских театров. В этом же году весной Рубинштейн при встрече со мной спросил меня: – кончил ли я, наконец, моего Демона, и узнав, что я его оканчиваю и намереваюсь в сентябре представить оперу в дирекцию Императорских театров, он выразил мне желание прослушать его у меня, на что я с удовольствием изъявил моё полное согласие. В назначенный день Рубинштейн приехал ко мне и очень подробно ознакомился как с либретто, так и с партитурой всей оперы. А затем он обратился ко мне со следующими словами: Барон, как мне ни жаль, но я не могу поступить иначе и должен вам сообщить что я

Ранее приятельские отношения между Б. А. Фитингоф-Шелем и А. Г. Рубинштейном были нарушены, они становятся соперниками: «всё-таки я буду писать Демона, а затем, кто раньше поспеет, тот и будет прав»³. Б. А. Фитингоф-Шель сказал: «я не могу писать музыку по заказу, как сапожник шьёт сапоги»⁴. В результате в 1871 г. обе оперы были переданы в дирекцию Императорских театров. А. Г. Рубинштейн отправляется в Петербург в сентябре в 1871 г., чтобы отдать текст своего либретто комиссии Императорского театра. 6 сентября он отправляет туда письмо: «Представляя при сём сочинённую мною оперу «Демон», либретто и партитуру, покорнейше прошу о рассмотрении и постановке её в наступившем сезоне на основании существующих положений»⁵. Дирекция Мариинского театра, а в частности цензоры, не одобряют написанную оперу, ссылаясь в основном на религиозный её аспект⁶. В своём письме, адресованном камер-фрейлине двора и корреспондентке философа Ю. Ф. Самарина Э. Раден,

намерен писать оперу на этот же сюжет – Демона. Признаюсь, я не мог поверить своим ушам и высказал ему, до чего я поражён услышать от него такое сообщение, и удивлён тому, что он захотел рассмотреть мою оперу, имея уже определённое намерение писать на тот же сюжет. Он настаивал, говоря что своего намерения изменить не может. Разговор принял естественно недружелюбный характер». См.: Мировые знаменитости из воспоминаний бар. Б. А. Фитингоф-Шель. 1848-1898: из жизни более ста лиц: Глинки, Доргомыжского, Чайковского и др. СПб.: Тип. Пайкина, 1899. С. 135-136.

³ Мировые знаменитости из воспоминаний бар. Б. А. Фитингоф-Шель. 1848-1898: из жизни более ста лиц: Глинки, Доргомыжского, Чайковского и др. СПб.: Тип. Пайкина, 1899. С. 138.

⁴ Там же.

⁵ Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: в 3 т. Т. 2. Письма (1850-1871) / сост., подг. текста, комм., вступ. ст. Л. А. Баренбойма. М.: Музыка, 1984. С. 184.

Партитура оперы была передана на рассмотрение Комитета капельмейстеров, большая часть которых состояла из малокомпетентных музыкантов.

⁶ Мы не располагаем авторитетным источником, на который могли бы опираться, но мы владеем информацией, поясняющей причины отказа, хотя она весьма вероятна, если принимать во внимание строгость духовной цензуры.

А. Г. Рубинштейн, иронизируя над сложившейся ситуацией, говорит: «Моя сага patria снова выказала себя по отношению ко мне блестящим образом. Я написал для Петербурга оперу. Сам принёс готовую партитуру в Дирекцию. Моё произведение подвергли испытанию в комиссии, составленной из капельмейстеров водевилей!? А когда *эти* вынесли своё суждение, я получил ответ, что опера не может быть поставлена в этом году, так как репертуар на этот год установлен. И так как я возразил, сказав, что причина эта неосновательна, мне сообщили теперь, что либретто запрещено *театральной цензурой!* Ничего лучшего произойти не могло. Это только предлог, так как цензура обычно вычёркивает места, которые кажутся ей опасными, и предлагает ей заменить чем-нибудь другим. А здесь сказано – запрещена. Итак – ничего! – И год работы впустую, идея посвятить свои способности родине превращена в посмешище»¹. Согласно истории, рассказанной Б. А. Фитингоф-Шелем, в Дирекцию театра было предоставлено либретто «Демон». Комиссия на тот момент состояла из капельмейстеров, одним из которых являлся Э. Ф. Направник, написавший симфоническую поэму по сюжету поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», а также Л. Маурер, заведовавший певческой капеллой. Хотя большая часть комиссии состояла из режиссёров французского и немецкого театров, представители русской оперы также присутствовали на рассмотрении либретто. Необычность состава комиссии заключалась в том, что либретто таких композиторов, как А. Г. Рубинштейн, оценивалось капельмейстерами водевильных антрактов, что могло казаться странным ввиду того, что рассматривался не водевиль, а классическая опера. Таким образом, только двое судий из комиссии могли дать профессиональную оценку.

¹ Рубинштейн А. Г. Из писем А. Г. Рубинштейна к Э. Ф. Раден: 1856–1871 гг. / вступ. ст., прим., комм. Л. Баренбойма // Советская музыка. 1980. № 11. С. 185.

Ранее мы уже отмечали, что Э. Ф. Направник написал симфоническую поэму «Демон». Историк музыки В. В. Березовский пишет, что симфоническая поэма Э. Ф. Направника, написанная по программе, состоящей из отрывков поэмы М. Ю. Лермонтова, является оригинальным произведением композитора, и приводит анализ симфонии, указывая, что несмотря на разделение на две части, в ней выделяется семь композиционных составляющих, в которых развитие любовного конфликта Тамары и Демона представляется полно и последовательно [2].

Говоря о втором члене комиссии – Л. Маурере, мы можем утверждать также, что, несмотря на своё присутствие в комиссии, он не мог высказать сколько-нибудь авторитетного суждения, поскольку, как известно, он не был знаком с оперой. Об этом свидетельствуют следующие слова: «старик Маурер, которого я хорошо знал, сказал мне: – Меня призвали чтоб дать моё суждение о вашей опере, но мне её вовсе не присылали на рассмотрение. Покажите мне хоть одну страничку вашей партитуры, чтоб я мог сказать что я хоть видел вашу рукопись. Какой же отзыв могу я им дать? Понятно что в сущности он им не нужен. Оказывается таким образом что и Маурера приходится исключить из числа судей»². Следует также упомянуть и разговор Б. А. Фитингоф-Шеля с капельмейстером французского театра, в котором последний поделился практикой принятия подобных решений – отказов. По его словам, дело обстояло в том, что комиссия капельмейстеров-водевильщиков не может рассматривать оперные тексты и в силу своей некомпетентности выносит отказ, это означает, что только мнение Э. Ф. Направника было релевантным.

² Рубинштейн А. Г. Из писем А. Г. Рубинштейна к Э. Ф. Раден: 1856–1871 гг. / вступ. ст., прим., комм. Л. Баренбойма // Советская музыка. 1980. № 11. С. 139–140.

Из приведённой цитаты видно, что Б. А. Фитингоф-Шель считает именно Э. Ф. Направника главным *судьёй* оперы, и можно предположить, что к опере отнеслись предвзято.

Заключение

В течение 14 лет опера Б. А. Фитингоф-Шеля не могла быть поставлена на сцене театра. Когда же её всё-таки включили в репертуар, дирекция театра решила дать другое название опере – «Тамара». Поставлена опера была весной в 1885 г. в Петербурге, а в следующем году – в Москве. Б. А. Фитингоф-Шель отмечал, что «Демон» А. Г. Рубинштейна на тот момент пережил уже сотое представление. Следовательно, даже после постановки 1885 г. особого успеха опера «Тамара» не имела, хотя Б. А. Фитингоф-Шель утверждает, что «начавшееся уже исполнение 3-го действия должно было остановиться вследствие неумолкаемого требования публики повторить антракт – увертюру которая играет перед третьим действием»¹. Произведения А. Г. Рубинштейна пользовались большей популярностью,

поэтому операм малоизвестных авторов было сложно конкурировать с его талантом. Б. А. Фитингоф-Шель сетовал на разный общественный и профессиональный статус, позднюю постановку его оперы и заключал, что условия для борьбы были неравными.

Постановки опер А. Г. Рубинштейна, П. А. Висковатова и Б. А. Фитингоф-Шеля, созданные по либретто самих композиторов в первом случае, В. А. Соллогуба – во втором, имели разную судьбу. Так, Б. А. Фитингоф-Шель после постановки «Демона» А. Г. Рубинштейна утверждал, что его постигла артистическая неудача. Популярность А. Г. Рубинштейна, напротив, и за рубежом, и в родной стране росла, в то время как Б. А. Фитингоф-Шель оставался в тени своего современника.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм Л. А. А. Г. Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность: в 2 т. Т. 2: 1867–1894. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1962. 518 с.
2. Березовский В. В. Русская музыка. СПб.: Ю. Н. Эрлих, 1898. 524 с.
3. Ганзбург Г. И. Статьи о Шуберте. Харьков: Институт музыкознания, 1997. 28 с.
4. Захарченко В. С. Опера А. Рубинштейна «Демон»: особенности прочтения литературного сюжета // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России: материалы заочной Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 10 декабря 2015 г. Хабаровск, Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2015. С. 25–31.
5. Маркова Т. Н., Хайдарова Д. Е. Музыкальные интерпретации поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (опера А. Г. Рубинштейна и балет С. В. Жукова) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2018. № 4. С. 108–115.
6. Сарычева К. В. К истории создания либретто оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» // Текстология и историко-литературный процесс: сборник статей V Международной конференции молодых исследователей, Москва, 10–12 марта 2016 г. М.: Буки Веди, 2017. С. 91–102.
7. Хайдарова Д. Е. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» в музыкальной интерпретации А. Г. Рубинштейна // XIX Всероссийская студенческая конференция Нижневартковского государственного университета: сборник статей: в 7 ч. Ч. 5: История. Документоведение. Филология. Лингвистика. Журналистика. Реклама. Нижневартовск, 4–5 апреля 2017 г. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 669–672.
8. Файнштейн Ф. Ш. «Меня Вы называли поэтом...» Жизнь и литературное творчество К. К. Павловой в ретроспективе времени. Fichtenwalde: Göpfert, 2002. 179 с.
9. Taylor P. S. Anton Rubinstein: A Life in Music. Bloomington: Indiana University Press, 2007. 341 p.

¹ Мировые знаменитости из воспоминаний бар. Б. А. Фитингоф-Шель. 1848–1898: из жизни более ста лиц: Глинки, Доргомыжского, Чайковского и др. СПб.: Тип. Пайкина, 1899. С. 144.

REFERENCES

1. Barenboim L. A. A. G. Rubinshtein. *Zhizn', artisticheskii put', tvorchestvo, muzykal'no-obshchestvennaya deyatel'nost'*. T. 2.: 1867–1894 [A. G. Rubinshtein. Life, Artistic Path, Creativity, Musical and Social Activities. Vol. 2: 1867–1894]. Leningrad, State Musical Publishing House, 1962. 518 p.
2. Berezovskii V. V. *Russkaya muzyka* [Russian Music]. St. Petersburg, Yu. N. Erlih, 1898. 524 p.
3. Ganzburg G. I. *Stat'i o Shuberte* [Issues on Shubert]. Harkov, Institute of Musicology Publ., 1997. 28 p.
4. Zaharchenko V. S. [Rubinstein's Opera "Demon": Features of Reading a Literary Plot]. In: *Lichnost', tvorchestvo, obrazovanie v sotsiokul'turnom prostranstve Dal'nego Vostoka Rossii: materialy zaochnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Habarovsk, 10 dekabrya 2015 g.* [Personality, Creativity, Education in the Socio-cultural Space of the Russian Far East: Materials of the Correspondence All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, December 10, 2015]. Khabarovsk, Khabarovsk State University of Art and Culture, 2015, pp. 25–31.
5. Markova T. N., Khaidarova D. E. [Musical Interpretations of M. Yu. Lermontov's Poem "The Demon" (Opera by A. G. Rubinstein and Ballet by S. V. Zhukov)]. In: *Ural'skij filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems], 2018, no. 4, pp. 108–115.
6. Sarycheva K. V. [On the History of the Creation of the Libretto of A. G. Rubinstein's Opera "The Demon"]. In: *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi process: sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh issledovatelei, Moskva, 10–12 marta 2016 g.* [Textology and Historical and Literary Process: Collection of Articles of the V International Conference of Young Researchers, Moscow, March 10–12, 2016]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2017, pp. 91–102.
7. Khaidarova D. E. [M. Yu. Lermontov's Poem "Demon" in the Musical Interpretation of A. G. Rubinstein]. In: *XIX Vserossiiskaya studencheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: sbornik statei. Ch. 5: Istoriya. Dokumentovedenie. Filologiya. Lingvistika. Zhurnalistika, Reklama, Nizhnevartovsk, 4–5 aprelya 2017 g.* [XIX All-Russian Student Conference of the Nizhnevartovsk State University: Collection of Papers. Pt. 5: History. Document Management. Philology. Linguistics. Journalism. Advertising, Nizhnevartovsk, 4–5 April 2017]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2017, pp. 669–672.
8. Fainshtein F. Sh. "Menya Vy nazvali poetom..." *Zhizn' i literaturnoe tvorchestvo K. K. Pavlovoi v retrospektive vremeni* ["You Called Me a Poet..." The Life and Literary Work of K. K. Pavlova in a Retrospective of Time]. Fichtenwalde, Göpfert Publ., 2002. 179 p.
9. Taylor P. S. *Anton Rubinstein: A Life in Music*. Bloomington, Indiana University Press, 2007. 341 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полтавец Маргарита Александровна – аспирант кафедры Истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: maggiejr95@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita A. Poltavets – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: maggiejr95@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Полтавец М. А. Два «Демонов»: история создания либретто и постановок опер по одноимённой поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 84–90.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-84-90

FOR CITATION

Poltavets M. A. Two "Demons": The History of the Creation of a Libretto and Stage Pieces of Operas Based on M. Lermontov's Poem "Demon". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 84–90.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-84-90

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98

ПОЭТОНИМЫ В МИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ А. К. ТОЛСТОГО «СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА»

Пронченко С. М.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
филиал в г. Новозыбкове
243020, Брянская обл., г. Новозыбков, ул. Советская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности имяупотребления А. К. Толстого в ранней художественной прозе посредством системного подхода.

Процедура и методы. Автором проанализирована система имён собственных в рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака». При проведении исследования применены историко-литературный метод, наблюдение, сплошная выборка, контекстный анализ, классификация, статистический метод.

Результаты. Выявлена специфика толстовского имяупотребления на уровнях парадигматики и синтагматики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования обогащают представление об особенностях семантико-стилистической системы и индивидуально-авторского словоупотребления А. К. Толстого. Они могут быть использованы в вузовских курсах «История русской литературы XIX века», «Литературное краеведение», в спецкурсах по ономастике художественного текста и по русской литературе XIX века, посвящённых творчеству А. К. Толстого.

Ключевые слова: готическая традиция, индивидуально-авторское имяупотребление, «Семья вурдалака», А. К. Толстой, филология имени, язык и стиль произведений русской романтической литературы XIX в.

POETONYMS IN THE MYSTICAL STORY OF A. K. TOLSTOY “THE FAMILY OF THE GHOUL”

S. Pronchenko

*Branch of Ivan Petrovsky Bryansk State University in Novozybkov
ul. Sovetskaya, Novozybkov 243020, Bryansk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to reveal the features of the use of the name by A. K. Tolstoy in early fiction through a systematic approach.

Methodology. The paper analyzes the system of proper names in A. K. Tolstoy's story "The Family of the Ghoul". The research uses the historical and literary method, observation, continuous sampling, contextual analysis, classification, and statistical method.

Results. The specificity of Tolstoy's name usage at the levels of paradigmatics and syntagmatics is revealed.

Research implications. The results of the study enrich the idea of the features of the semantic and stylistic system and the individual author's word usage by A. K. Tolstoy. The obtained results can be also used in university courses "History of the Russian literature of the XIX century" and "Literary local history", as well as in special courses on onomastics of a literary text and on the Russian literature of the XIX century, dedicated to the work of A. K. Tolstoy.

Keywords: Gothic tradition, individual author's name usage, "Ghoul's Family", A. K. Tolstoy, name philology, language and style of works of Russian romantic literature of the 19th century

Введение

Ранняя мистическая проза А. К. Толстого (1817–1875) – повесть «Упырь» (1841), дилогия «Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет» (конец 1830-х или начало 1840-х гг.), романский фрагмент «Амена» (1846) – подводит итог «самоу плодотворному периоду существования готической традиции в русской литературе первой трети XIX века» посредством «осмысления не только западноевропейской готики, но и русских текстов, выдержанных в той или иной степени в соответствии с готическим каноном» [7, с. 5].

В работе в фокусе внимания находятся не изучавшиеся ранее особенности употребления имён собственных (поэтонимов) в одном из написанных на французском языке рассказов дилогии «Семья вурдалака» с подзаголовком «Неизданный отрывок из записок неизвестного».

При рассмотрении ономастического пространства рассказа «Семья вурдалака» применяется системный подход, реализуемый в трудах филологов Санкт-Петербургского государственного университета¹ и предполагающий раскрытие *парадигматического* и *синтагматического* аспектов в функционировании поэтонимов. Первый из них исследует специфику употребления ономастических классов и подклассов, всех вариантов и способов ономастической номинации по отношению к одному референту, взаимосвязь имени с заглавием и ключевыми словами художественного текста, роль поэтонима в развитии сюжета, семантической композиции, цельности и связности, эксплицитного и имплицитного содержания текста. В рамках второго аспекта изучаются типы употребления поэтонимов (переносные, перифрастические, обобщённо-символические и др.), их стилистические функции, способы введения в контекст, употребление в разных формах художественной речи².

¹ См. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прилож. словаря имён собственных. Спец. вып.: Имена собственные / сост. А. В. Фёдоров, О. И. Фонакова. СПб.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 104 с.; работы О. И. Фонаковой.

² Фонакова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 37–38.

Исследование опирается и на современные теоретические достижения поэтономологии (имеются в виду особенности значения имени в художественном тексте, специальная ономастическая терминология), отражённые в трудах В. М. Калинин и учёных Донецкой ономастической школы (Н. В. Усовой, М. В. Буевской, К. С. Федотовой), а также В. Н. Топорова, Н. В. Васильевой, Т. М. Николаевой и др.³

Привлечены и изыскания В. А. Котельникова, А. В. Фёдорова, М. П. Одесского и др., посвящённые творчеству А. К. Толстого.

Особенностью художественной формы «Семьи вурдалака» является применение А. К. Толстым композиционного приёма «рассказ в рассказе». В первом из рассказов, начинающих художественное произведение, автором-повествователем сообщается о современном для него значительном историческом событии – Венском конгрессе 1814–1815 гг., служащем панорамой, на фоне которой кратко изображается жизнь дворянского общества, собирающегося после конгресса под Веной, во втором – повествователем является маркиз д'Юрфе, который в назидание этому обществу рассказывает об «ужасных» происшествиях в сербской деревне, свидетелем которых он стал в 1759 г. Таким образом, специфика хронотопа данного рассказа заключается в пересечении двух временных пластов – настоящего (начало XIX в., 1815 г.) и прошлого (вторая половина XVIII в., 1759 г.), формируемых в том числе и различными классами и подклассами имён собственных.

Парадигматический аспект функционирования поэтонимов

В рассказе употреблены следующие классы имён собственных: антропоэтонимы, топопоэтонимы, эргопоэтонимы, агипоэтонимы, мифопоэтонимы.

³ О специфике понимания Воронежской ономастической школой терминологии литературной ономастики см. [8].

Большинство имён, представленных в художественном произведении, являются антропоэтонимами. Среди них выделяются те, которые соотносятся с реальными историческими лицами. «Даже в тех случаях, когда поэтоним называет лицо, какой-нибудь топографический или другой реальный объект, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры», – отмечает В. М. Калинин [4, с. 70]. Н. В. Васильева в рецензии на книгу немецкого ономастолога-литературоведа Фолькера Коляхайма «Der Name in der Literatur» («Имя в литературе») [10] указывает, что «в фикциональных текстах имя ... прежде всего эстетический знак», что «идентифицирующая функция именем также выполняется, но она иная и может быть неглавной», поэтому оно приобретает вторичные функции, реализующиеся через фонетику и семантику [1, с. 243]. Параметр *мир текста* «не совпадает с *миром реальности* даже в поэтике реализма» (курсив автора. – С. П.) [2, с. 47]. Антропоэтонимы, о которых идёт речь, участвуют в создании художественного времени и пространства произведения, колорита изображаемой эпохи – жизни Европы начала XIX в.: *Меттерних, Гарденберг, Нессельроде, Огюстен Кальме* (аббат, упоминаемый как автор «Рассуждений о явлении ангелов, демонов и духов и о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии» (1746)).

В другую группу включаются антропоэтонимы, более других участвующие в развитии сюжета, цельности и связности текста, обладающие наибольшей частотностью. Это имена членов сербской семьи, коррелирующие с заглавием: *Горча, Георгий, Пётр и Зденка*, а также французские имена рассказчика маркиза *д'Юрфе* и его возлюбленной герцогини *де Грамон*, образы которых созданы «на стыке романтической традиции и традиции французской галантной прозы XVII столетия, в чём проявляется тонкое чувство исторического колорита» [3, с. 10]. Так, маркиз имеет привычку нюхать табак, заявляет о своей французской

галантности и галльской крови. Помимо этого, М. П. Одесский подчёркивает «намеренную аллюзивность» антропоэтонима *д'Юрфе*, поскольку титул и имя героя рассказа А. К. Толстого повторяют титул и имя второстепенного персонажа романа польского писателя Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» (День третий) [6, с. 299]. Первые главы романа были опубликованы в 1797 г. К этой группе онимов, участвующих в развитии сюжета, примыкает малочастотное (употреблено трижды) имя разбойника-турка *Алибека*.

Топопоэтонимы рассказа подразделяются на подклассы:

- названия городов: *Вена, Краков, Варшава, Париж, Яссы*;
- сёл: *Гитцинг* (селение в окрестностях Вены);
- рек: *Дунай*;
- частей города: *Пешт* (район Будапешта);
- стран: *Босния и Герцеговина, Сербия, Франция*.

Они моделируют художественное пространство и время текста (так, в рассказе *Яссы* – это столица Молдавского государства, существовавшего в XIV–XIX вв., в настоящее же время – это румынский город), создают исторический фон и участвуют в развитии сюжета. Хронотоп рассказа задаётся и эргопоэтонимом *Конгресс*, соотносящимся с эргонимом *Венский конгресс* (международной конференцией, пересмотревшей политическую карту Европы).

В «Семье вурдалака» употреблены агипоэтоним (имя христианского святого) *Георгий*, омонимичный антропоэтониму *Георгий* (имя одного из сыновей Горчи), и мифопоэтонимы *Диана, Адонис и Актеон*, создающие имплицитные смыслы, отсылающие, как представляется, к «Чуду о змие», а также римским и греческим мифам.

Сын Горчи Георгий имя христианского святого употребляет тогда, когда хочет удостовериться, что его отец после убийства Алибека превратился в вурдалака. К этому моменту Горча погубил одного из внуков и неожиданно пришёл из леса в дом своей семьи, сев к столу:

– Отец, – голосом твёрдым, но меняясь в лице, произнёс Георгий, – мы тебя ждём, чтоб ты прочёл молитву!

Старик, нахмутив брови, отвернулся.

– Молитву, и тотчас же! – повторил Георгий, – перекрестись – не то, клянусь святым **Георгием**... ..

– Нет, нет, нет, – сказал старик, – не властен он мне приказывать, а коли потребуешь ещё раз, проклянусь!

После этого Георгий бросается в дом и ищет осиновый кол, которым хочет убить отца-вурдалака, но тот «дико завыл и побегал в сторону леса с такой быстротой, которая для его возраста казалась сверхъестественной. Георгий гнался за ним по полю, и мы скоро потеряли их из виду»².

Характерно, что осина в славянских верованиях – это «нечистое» и проклятое дерево; в обрядности и магии – универсальный оберег: «подозревая в покойнике упыря, в могилу при похоронах вбивали осиновый кол или клали на грудь умершему осиновые крестики или щепки (в.-слав., пол.). ... Чтобы помешать покойнику “ходить”, его могилу разрывали, голову отрубали, а сердце пробивали осиновым колом (в.-слав.)»³.

В рассказе отражается ещё одно славянское верование, связанное с вурдалаками и проявившееся в номинационном ряду Горча – старик – он – отец – мертвец. Как поясняет собравшимся рассказчик д'Юрфе, «когда сербы подозревают в ком-нибудь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нём прямо, ибо думают, что так его можно вызвать из могилы»⁴.

Таким образом, этот эпизод рассказа, употребление агиопоэтонима Георгий активизируют фоновые знания об одном из известных посмертных чудес святого Георгия, когда он убил копьём змея, опу-

стошавшего землю языческого царя, и спас царевну от смерти.

Диана, в римской мифологии богиня луны и охоты, считалась олицетворением девственности; Актеон, в греческой мифологии охотник, увидел купающуюся Артемиду, в наказание превратившую его в оленя, которого растерзали собственные собаки; Адонис, прекрасный юноша из греческого мифа, стал предметом раздора между Афродитой и Персефоной, поэтому по решению Зевса треть года должен был проводить у каждой из богинь – с этими подтекстовыми смыслами, идущими из древних мифов, связаны мысли маркиза д'Юрфе о Зденке, напоминающей ему недоступную возлюбленную герцогиню де Грамон: «Если Зденка и не **Диана**, какую я воображал её себе, то я могу сравнить её с другой богиней, не менее очаровательной и, ей-богу же, роль **Адониса** я предпочитаю роли **Актеона**!»⁵. Мифопоэтонимы, таким образом, отражают образ мыслей представителей западноевропейского дворянства, что подтверждается далее следующим замечанием маркиза д'Юрфе: «Мифология занимала тогда все умы, а я не имел притязаний на то, чтобы опередить свой век»⁶.

Одним из ключевых в «Семье вурдалака» является антропоэтоним Зденка. Частотность имени (употреблено 76 раз) обусловлена его активным участием в развитии сюжета, значимостью героини для повествователя маркиза д'Юрфе, в которую он влюблён. В рассказе с образом Зденки связан не только мотив недоступности, чистой духовности, но и мотив её губительной чувственной привлекательности, который возникает на последних страницах произведения, когда д'Юрфе решается ночевать в вымершей деревне, в доме семьи Горчи, и встречается с Зденкой-вампиришей в её комнате. Мотив демонической красоты характерен и для других мистических произведений русской романтической литературы XIX в. – в частности, повести Н. В. Гоголя «Вий», впервые опубликованной в сборнике «Миргород» (1835), где он связан с образом панночки. Источниками

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Агапкина Т. А. Осина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 570, 572.

⁴ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 80.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 97.

мистики у А. К. Толстого, с одной стороны, укоренённого в «русско-малороссийском этнокультурном мире», с другой – имевшего западные ориентиры под влиянием его дяди, писателя-романтика А. А. Перовского (1787–1836) (псевдоним – А. Погорельский), были русский и европейский фольклор и, в частности, творчество Н. В. Гоголя, но наиболее значительным было влияние Э. Гофмана [5, с. 22, 23]. Мистическое же в ранней прозе А. К. Толстого «способствует прояснению общих духовных законов, определяющих бытие мира и человека, то есть является романтически чудесным» [9, с. 510]. Концовка «страшного» рассказа А. К. Толстого жизнеутверждающая: маркизу д'Юрфе удаётся вырваться от преследующих его вурдалаков и спастись.

Синтагматический аспект функционирования поэтонимов

По характеру контекста и стилистической роли в «Семье вурдалака» выделяются несколько типов употребления поэтонимов. Укажем два типа: 1) контексты, объединённые временной рамкой 1815 г., и 2) контексты, связанные с событиями в сербской деревне в 1759 г.

В контекстах первой группы выделяют следующие виды.

а) Контексты, в которых проявляются элементы исторического художественного мышления А. К. Толстого, воссоздаётся колорит эпохи, образ жизни западноевропейского дворянского общества: «В 1815 году в Вене собрался цвет европейской образованности, дипломатических дарований, всего того, что блистало в тогдашнем обществе. Но вот – **Конгресс** окончился.

Роялисты-эмигранты намеревались уже окончательно водвориться в своих замках, русские воины – вернуться к покинутым очагам, а несколько недовольных поляков – искать приюта своей любви к свободе в **Кракове** под сомнительной тройственной эгидой независимости, уготованной для них князем **Меттернихом**, князем **Гарденбергом** и графом **Нессельроде**»¹.

б) Контексты-характеристики упоминаемых или действующих лиц: «*Это весёлое общество, к которому принадлежал и я, собиралось два раза в неделю у вдовствующей княгини **Шварценберга** ... Истинная светскость хозяйки дома, ещё более выигрывавшая от её милой приветливости и тонкого остроумия, делала чрезвычайно приятным пребывание у неё в гостях*»²; «...маркиз **д'Юрфе**, старик эмигрант, пользовавшийся всеобщей любовью за свою чисто юношескую весёлость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о былых своих любовных удачах, воспользовался минутой безмолвия и сказал ...»³.

Более разнообразна вторая группа контекстов с поэтонимами, внутри которой можно выделить несколько видов.

а) Контексты, участвующие в движении сюжета: «*Утром мне сообщили, что по **Дунаю**, пересекавшему дорогу в четверти мили от деревни, начал идти лёд ... Переправа на несколько дней была закрыта, и мне было нечего думать об отъезде*»⁴; «*Уже зашло солнце, когда **Георгий** возвратился домой, бледный как смерть и с взъерошенными волосами. Он сел у очага, и зубы у него, кажется, стучали*»⁵; «*Дела, по которым я приехал в **Яссы**, задержали меня там дольше, чем я предполагал*»⁶; «*Когда меня отозвали в **Париж**, я избрал ту же дорогу, какой я прибыл в **Яссы***»⁷ и др.

б) Контексты с портретными зарисовками-характеристиками членов сербской семьи: «...старик отец его (Георгия. – С. П.), по имени **Горча**, человек нрава беспокойного и неуступчивого...»⁸; «**Георгий**, старший сын, с чертами лица мужественными и резкими, был, по-видимому, человек строгий и решительный. ... Убрата его **Петра**, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо носило выражение скорее мягкости, чем отваги, и его, судя по всему, особенно любила младшая сестра, **Зденка**, в кото-

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же. С. 77.

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 74.

рой можно было признать тип славянской красоты»¹ и др.

в) Контексты, раскрывающие внутреннее состояние, чувства маркиза д'Юрфе: «Своеобразная прелесть **Зденки**, это странное сходство с герцогиней **де Грамон** ... эта удивительная складочка на лбу ... всё это, вместе с необычностью моего положения и таинственностью всего, что происходило вокруг, повлияло, должно быть, на зреющее в моей душе чувство...»²; «Все эти обстоятельства не мешали мне чувствовать к **Зденке** нежность, которая всё больше усиливалась»³ и др.

г) Контексты с именами-обращениями, употребляемыми в репликах персонажей:

– Ладно, дочка, ладно, **Зденка**, я тебе расскажу, что со мной было в горах, только уж как-нибудь в другой раз, а то сегодня я устал⁴;

– **Георгий**, – вполголоса сказала ему жена, – да неужто ты...

– Брат, что ты затеял? – заговорила и сестра. – Да нет, нет, ты этого не сделаешь, верно?⁵ и др.

Итак, содержание контекстов с поэтонимами позволяет указать следующие стилистические функции имён в рассказе: номинативно-изобразительная, эстетическая, текстообразующая, характеристическая, экспрессивная, апеллятивная, культурно-историческая, локально-темпоральная.

Заметим также, что в рассказе «Семья вурдалака» употреблена лексика, указывающая на его принадлежность к романтизму: *сумерки, тишина, вечер, луна, лунный свет, темнота, мёртвенно-бледное лицо, кровь, окровавленная голова, вампиры, вурдалаки, труп, трупное дыхание* и др. В произведении характеризуются традиции сербов, представлены лексемы, называющие оружие, одежду, еду. Это свидетельствует об установке А. К. Толстого на этнографизм: *турецкая пицаль* и *нож, ятаган*,

казакин, творог и молоко в кринках, водка с грушами, мёдом и изюмом; сербская традиция по воскресеньям веселиться, плясать, стрелять из пицали, бороться.

Заключение

Особенности имяупотребления в рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака» на уровне парадигматики заключаются в представленности немногих ономастических классов (и подклассов), среди которых преобладают антропоэтонимы. В целом среди поэтонимов встречаются моделирующие хронотоп (образуемый двумя временными рамками, что обусловлено применением композиционного приёма «рассказ в рассказе»), много- и малочастотные, участвующие в движении сюжета в меньшей и в большей степени, аллюзивные, демонстрирующие историческое мышление и установку автора на этнографизм (в том числе посредством отражения в тексте славянских «страшных» верований о вурдалаках).

Характерно, что вариантность ономастической номинации одного и того же персонажа в рассказе сведена к нулю. Это особенно заметно при сопоставлении поэтонимиконов данного рассказа и романа «Князь Серебряный» (1862), подведшего черту в развитии А. К. Толстого-прозаика.

На уровне синтагматики своеобразие толстовского имяупотребления проявляется в характере контекстов с поэтонимами (создают исторический и этнографический колорит, характеризуют главных и второстепенных персонажей, участвуют в развитии сюжета, отражают внутреннее состояние героев) и стилистической роли имён в тексте рассказа.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021.

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 78.

² Там же. С. 85–86.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 83.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. В. Литературная ономастика: традиционное и новое // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 241–251.
2. Васильева Н. В. О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. № 2 (13). С. 44–55.
3. Громова П. С. Проза А. К. Толстого: проблемы жанровой эволюции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 19 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла // Культура в фокусе научных парадигм. 2018. № 6. С. 66–71.
5. Котельников В. А. «Немецкий текст» в жизни и творчестве А. К. Толстого (К 200-летию со дня рождения поэта) // Русская литература. 2017. № 4. С. 22–39.
6. Одесский М. П. Вампирическая топика в ранней прозе А. К. Толстого // Одесский М. П. Четвёртое измерение литературы: статьи о поэтике. М.: РГГУ, 2011. С. 275–316.
7. Полякова А. А. Готический канон и его трансформация в русской литературе второй половины XIX века (на материале произведений А. К. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.
8. Скуридина С. А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 105–117.
9. Фёдоров А. В. Испытание веры: повесть А. К. Толстого «Амена» // «О Родине песни и думы его...»: А. К. Толстой в мировой культуре: материалы научно-практических конференций, посвящённых 200-летию А. К. Толстого, Брянск, 17 мая 2017 г. Брянск: ВОО, 2017. С. 504–511.
10. Kohlheim V., Kohlheim R. Der Name in der Literatur. Heidelberg: Winter, 2019. 371 S.

REFERENCES

1. Vasil'eva N. V. [Literary Onomastics: Traditional and New]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, no. 4, pp. 241–251.
2. Vasil'eva N. V. [On the Terminological Boundaries of Literary Onomastics]. In: *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages], 2020, no. 2 (13), pp. 44–55.
3. Gromova P. S. *Proza A. K. Tolstogo: problemy zhanrovoy evolyutsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Prose of A. K. Tolstoy: Problems of Genre Evolution: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tver, 2011. 19 p.
4. Kalinkin V. M. [The Poetics of Onyms: The Indisputability of the Truth of Fiction]. In: *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm* [Culture in the Focus of Scientific Paradigms], 2018, no. 6, pp. 66–71.
5. Kotel'nikov V. A. [“The German Text” in the Life and Work of A. K. Tolstoy (To the 200th Birthday of the Poet)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2017, no. 4, pp. 22–39.
6. Odesskii M. P. [Vampiric Topic in the Early Prose of A. K. Tolstoy]. In: Odesskii M. P. *Chetvertoe izmerenie literatury: stat'i o poetike* [The Fourth Dimension of Literature: Articles on Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, pp. 275–316.
7. Polyakova A. A. *Goticheskii kanon i ego transformatsiya v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka (na materiale proizvedenii A. K. Tolstogo, I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Gothic Canon and Its Transformation in Russian Literature of the Second Half of the Nineteenth Century (Based on the Works of A. K. Tolstoy, I. S. Turgenev and A. P. Chekhov): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 28 p.
8. Skuridina S. A. [The Specifics of the Terminology of Literary Onomastics]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2020, no. 1 (36), pp. 105–117.
9. Fedorov A. V. [Test of faith: A. K. Tolstoy's story “Amen”]. In: “O Rodine pesni i dумы ego...”: *A. K. Tolstoy v mirovoi kul'ture: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii, posvyashchennykh 200-letiyu A. K. Tolstogo, Bryansk, 17 maya 2017 g.* [“On the Homeland of the Song and His Thoughts ...”: A. K. Tolstoy in World Culture: Materials of Scientific and Practical Conferences Dedicated to 200th Birthday of A. K. Tolstoy, Bryansk, May 17, 2017]. Bryansk, VOG Publ., 2017, pp. 504–511.
10. Kohlheim V., Kohlheim R. Der Name in der Literatur. Heidelberg, Winter, 2019. 371 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове;
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Pronchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Branch of Ivan Petrovsky Bryansk State University in Novozybkov;
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пронченко С. М. Поэтонимы в мистическом рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 91–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98

FOR CITATION

Pronchenko S. M. Poetonyms in the Mystical Story of A. K. Tolstoy “The Family of the Ghoul”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 91–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-99-107

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ РАССКАЗА И ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ДРАГУНСКОГО

Ши Юйцин*Нанкинский университет науки и технологии**210094, пров. Цзянсу, г. Нанкин, ул. Сяолинвэй, д. 200, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Выявить, проанализировать жанровые разновидности рассказа и составить типологию характеров в творчестве В. Ю. Драгунского.

Процедура и методы. При проведении исследования применены историко-литературный, дискурсивный, типологический, аналитический, сопоставительный и герменевтический методы.

Результаты. В работе представлена жанровая система рассказов В. Драгунского, на конкретных примерах показаны основные типы рассказов и их подтипы, отмечены типичные образы героев в каждом виде рассказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в определении жанровой специфики рассказов В. Ю. Драгунского. Результаты исследования могут быть использованы при изучении проблемы жанровой специфики рассказа и творческого наследия В. Ю. Драгунского. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов для дальнейшего изучения творчества В. Ю. Драгунского, а также преподавания курсов по истории русской детской литературы и теории литературы в вузах. Материалы исследования могут быть использованы не только для разработки специальных курсов по творчеству В. Ю. Драгунского, но и для создания историко-литературоведческих и теоретических курсов, посвящённых проблемам детской литературы и жанровой специфики повествования в рассказе.

Ключевые слова: бесфабульный рассказ, Виктор Драгунский, жанровая разновидность, комический, комический фабульный рассказ, лирико-философский рассказ, типология характеров

GENRE VARIETIES OF SHORT STORIES AND TYPOLOGY OF CHARACTERS IN THE WORK OF VICTOR DRAGUNSKY

Shi Yuqing*Nanjing University of Science and Technology**st. Xiaolingwei 200, Jiangsu, Nanjing 210094, China*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to identify and analyze the genre varieties and the typology of characters in V. Dragunsky's short stories.

Methodology. The research relies on the use of historical-literary, discursive, typological, analytical, comparative and hermeneutic methods.

Results. The paper presents the genre system of V. Dragunsky's short stories, shows the main types of short stories and their subtypes on specific examples, and discusses the typical characters in each type of short story.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in identifying the genre specificity of V. Dragunsky's stories. The results of the research can be used to study the problem of the genre specificity of V. Dragunsky's short stories and his creative heritage. The practical significance of the study is associated with the possibility of using the materials and conclusions for further study of V. Dragunsky's work, as well as teaching university courses on the theory of literature and the history of Russian children's literature. The materials can be used not only for reading courses on the works

of V. Dragunsky, but also for the development of theoretical and historical-literary courses, where the problems of children's literature and the genre specificity of short stories are actualized.

Keywords: plotless story, Victor Dragunsky, genre variety, comic, comic plot story, lyric-philosophical story, typology of characters

Введение

В. Ю. Драгунский (1913–1972) – известный русский советский писатель, который обращался к жанру юмористического рассказа и создал цикл «Денискины рассказы». В своих произведениях он продолжает и развивает юмористическую традицию, заложенную Н. Н. Носовым. Однако наряду с юмористической составляющей в творчестве В. Ю. Драгунского начинают появляться философские и лирические элементы, что связано с оригинальной манерой писателя и возрастными особенностями адресата его рассказов.

Некоторые исследователи уже отмечали такую неоднородность рассказов В. Ю. Драгунского. Например, С. И. Сивоконь говорит о том, что сосуществование и взаимодействие комичного и элегичного в рассказах писателя – это проявление особенного мировоззрения героя, познающего окружающий мир и наделённого чувством юмора и поэтической натурой. Кроме того, исследователь выделяет несколько типов рассказов повествования: «Первый, внешний слой даёт нам смешные, «эстрадные» рассказы писателя, построенные главным образом на комизме положения ... Второй, глубинный слой, который я назвал бы лирико-поэтическим, лежит в основе грустно-весёлых или просто грустных рассказов писателя» [6, с. 115–116]. О. Н. Челюканова также отмечает «соположение юмористического и элегического» [7, с. 276]. Оценивая такое соположение, И. Н. Арзамасцева отмечает своеобразие жизненного периода первоклассника Дениса, когда «окружающий ребёнка мир значительно расширяется и усложняется, а вместе с тем происходит самоопределение личности»¹.

Л. В. Долженко также указывает, что рассказы В. Ю. Драгунского отличаются не только юмором, но и многообразием «пафоса, тональности и поэтики» [1, с. 181].

Специфика произведений В. Ю. Драгунского уже становилась объектом исследований, однако жанровые разновидности рассказов по-прежнему остаются малоизученными. Среди работ, посвящённых данной проблематике, следует отметить работы О. С. Октябрьской. Кроме традиционных (фабульный и бесфабульный, лирический и комический) исследовательница выделяет в творчестве В. Ю. Драгунского «три типа рассказов повествования»: «философский монолог», «рассказы-диалоги» и «юмористический фабульный рассказ» [4, с. 94].

Ослабление фабульного начала в произведениях В. Ю. Драгунского приводит к появлению *комических фабульных, комических бесфабульных и лирико-философских* типов рассказа. Комические фабульные, в свою очередь, можно разделить на *рассказ-действие* и *рассказ-случай*, комические бесфабульные – на *рассказ-размышление* и *рассказ-мнение*, лирико-философские – на *рассказ-воспитание*, *рассказ-приключение*, *рассказ-мировоззрение*. В каждой жанровой разновидности показана определённая сторона жизни главного героя и изображён конкретный тип персонажа.

Комический фабульный рассказ в творчестве В. Драгунского

В комическом фабульном рассказе на первый план выходит действие или событие, основанное на комизме ситуации. Такой тип рассказа может строиться по двум основным моделям: *рассказ-действие* и *рассказ-случай*. Рассмотрим более подробно эти два типа рассказа (табл. 1).

¹ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник. М.: Академия, 2005. С. 439.

Таблица 1 / Table 1

Модели комического фабульного рассказа в творчестве В. Драгунского / The models of humorous plot stories in V. Dragunsky's work

Модель рассказа	Название	Типы героев
рассказ-действие	«Ровно 25 кило», «Кот в сапогах», «Рыцари», «Сражение у чистой речки», «Мотогонки по отвесной стене», «Смерть шпиона Гадюкина», «Где это видано, где это слышано...», «Куриный бульон», «Шляпа grossмейстера»	деятель (исследователь, спаситель)
рассказ-случай	«Не хуже вас, цирковых», «Сверху вниз, наискосок!», «Расскажите мне про Сингапур», «Слон и радио», «Похититель собак»	деятель

Источник: данные автора.

В *рассказах-действиях* центральным типом героя является **герой-деятель**. Поступки главного героя, Дениса, – это своего рода пружина раскрытия сюжетной линии, в них проявляются основные черты характера героя, такие как жизнерадостность и активность. Деятельность Дениса более разнообразна, чем, например, занятия героев в рассказах Н. Н. Носова. Герой проявляет себя в играх и в бытовых задачах («Куриный бульон»), а также занимается творчеством, совершает добрые поступки. То он громко поёт, то выступает на сцене («Кот в сапогах», «Где это видано, где это слышано...», «Смерть шпиона Гадюкина»), то готовит подарок для мамы («Рыцари») или помогает другим людям («На Садовой большое движение», «Шляпа grossмейстера»), даже старается спасти киногероя («Сражение у чистой речки»). Мальчик редко шалит, а если и совершает недуманные поступки, то они бывают вызваны любопытством или неопытностью («Мотогонки по отвесной стене», «Тайное становится явным»).

Денис проявляет себя не только как активный деятель, но и как **креативный исследователь**. Его изобретательность проявляется, в частности, в оригинальных способах решения проблем. Например, в рассказе «Кот в сапогах» Денис, используя мамину соломенную шляпу, папины ба-

хилы и хвост из старой горжетки соседки, вместе с другом создаёт карнавальный костюм. В огромных, не по размеру, бахилах, герой выглядит чрезвычайно смешно, но в итоге получает премию за лучший костюм.

В рассказе «Куриный бульон» мы видим двух героев-исследователей – Дениса и его папу. Им надо сварить курицу, но никто из них не умеет этого делать, и бытовая задача превращается в весьма комичный исследовательский процесс. Сначала папа говорит, чтобы Денис состриг волоски на курице и опалил её на огне, чтобы она стала «чистенькая и беленькая»¹. Процесс мытья курицы превращается в цирковой трюк – для этого герои используют земляничное мыло, а тушка птицы то и дело выскальзывает из рук горе-поваров и «убегает» от них. Несмотря на свою неопытность, герои искали творческие способы решения вопросов, смело используя различные инструменты (ножницы, огонь, мыло).

Среди комических фабульных рассказов В. Драгунского распространён **рассказ-случай**. В нём изображаются комические ситуации, которые строятся на каком-то совпадении, случайности (рассказы «Слон и радио», «Расскажите мне про Сингапур», «Не хуже вас, цирковых», «Похититель собак»). Главный герой часто оказывается в

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 293.

каких-нибудь нелепых ситуациях: слон в зоопарке съедает его новый радиоприёмник и начинает говорить странным голосом («Слон и радио»); герой раскачивается на качелях с Клоуном в цирке и рассыпает помидоры в разные стороны («Не хуже вас, цирковых»); берёт резиновый шланг и красит свою подругу, Алёнку, коричневой краской, при этом случайно попадая на белый костюм управдома Алексея Акимыча («Сверху вниз, наискосок!»). Различные случайности и совпадения переплетаются между собой и приводят к комической, но в то же время драматической развязке.

Комический бесфабульный рассказ в творчестве В. Драгунского

Ещё один тип рассказа в творчестве В. Драгунского – **комический бесфабульный рассказ**. По содержанию его можно разделить на *рассказ-мнение* и *рассказ-размышление* (табл. 2).

В *рассказе-мнении* можно встретить типы *героя-наблюдателя*, *мыслителя*. Их взгляды на обыденные явления жизни отличаются своей оригинальностью. Обратимся к рассказу «Зелёнчатые леопарды», в котором ребята обсуждают разные болезни. Перед нами тип героев-мыслителей. Их суждения не похожи на привычные представления: они рассматривают болезни не как что-то негативное, что приносит страдания, а как какое-то приключение. Например, по мнению Дениса, ветрянка – «очень хорошая, интересная болезнь»¹: когда он болел ею, его мазали зелёнкой, и это делало мальчика похожим на леопарда. Также ребятам нравится то, что во время болезни все окружающие начинают больше любить их, ласкают, угощают: например, во время гриппа наливают чай с малиновым вареньем; когда вырезают гланды, дают мороженое. Денис даже считает, что «нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят»². Герои думают, что даже сломанная нога и шея

могут прирасти, как в сказке. Они ещё не знают серьёзности и безжалостности болезней, но ценят внимание и заботу окружающих.

Денис не только мыслитель, но и внимательный и вдумчивый *наблюдатель*. «Все рассказы о Дениске Кораблёве – это история познания ребёнком мира, своеобразный “дневник наблюдений”» – отмечают исследователи [2, с. 36]. Так, в рассказе «Ничего изменить нельзя» маленький герой делится собственным опытом наблюдения за взрослыми взглядами и привычками. Рассказ строится на описании знакомства взрослых с ребёнком. Денис указывает на штампы речи, жесты и мимику взрослых, говорит, что они всегда ведут себя одинаково: задают глупые и бестактные вопросы, например, «Денис, как тебя зовут?»³ или «Кого ты больше любишь? Папу или маму?»⁴ и ждут нелепых ответов, чтобы посмеяться над ребёнком. Денис хорошо распознаёт такие ситуации, видит наглость и притворство собеседника, но всегда отвечает так, как ожидают взрослые. В «Денискиных рассказах» примером взрослого, который задаёт подобные вопросы, служит Мария Петровна. Её появление всегда приносит неприятности: она дико кричит на Дениса по телефону или обманывает по поводу поездки на дачу и сабли. В рассказе «Разговаривающая ветчина» Денис открыто выражает неприязнь и отвращение к ней. Герой вспоминает «гнусные»⁵, «подлые»⁶ поступки Марии Петровны и радуется её прозвищу, которое придумал папа, – «разговаривающая ветчина»⁷.

Рассказ-размышление – следующий подтип, который можно выделить в комических бесфабульных рассказах В. Драгунского. В нём воплощён образ *героя-фантазёра*. Раскрываются различные грани его характера: он и *герой-мечтатель*, и *мыслитель*, и *спаситель*.

³ Там же. С. 447.

⁴ Там же. С. 450.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Там же. С. 338.

⁷ Там же. С. 338.

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 24.

² Там же. С. 27.

Таблица 2 / Table 2

Модели комического бесфабульного рассказа в творчестве В. Драгунского / The models of humorous plotless stories in V. Dragunsky's work

Модель рассказа	Название	Типы героев
рассказ-мнение	«Разговаривающая ветчина», «Слава Ивана Козловского», «Заколдованная буква», «Зелёные леопарды», «Тиха украинская ночь...», «Ничего изменить нельзя»	наблюдатель, мыслитель
рассказ-размышление	«Не пиф, не паф!», «...Бы», «И мы!», «Когда я был маленький»	фантазёр, мыслитель, деятель, спаситель, мечтатель

Источник: данные автора.

Основной объект изображения здесь – богатая фантазия героя. Например, в рассказе «...Бы» Денис ставит себя на место взрослого, а того представляет ребёнком. Мальчик воображает, что он ворчит на маму, папу и бабушку так, как взрослые ворчали на него раньше. Герой создаёт вымышленный мир, в котором дети и взрослые меняются местами, и взрослые во всём должны слушаться детей.

В рассказе «И мы!» представлен тип **героя-деятеля и героя-мечтателя**. Рассказ был написан Драгунским в 1962 г. «по следам актуальных событий» [3, с. 96], когда А. Г. Николаев и П. П. Попович совершили первый в мире групповой полёт в космос. Денис и Мишка тоже мечтают о космосе, разыгрывают сценки, представляя себя в роли небесных близнецов Сокола и Беркута. Когда родители просят их что-то сделать по дому, герои воображают, что это указания для тренировок и испытаний космонавтов. Перед сном они изображают космический дуэт и громко поют. Мальчики даже используют космические жаргонизмы («выходи на орбиту»¹ значит «выходи во двор», «налаживать телефонную связь»² – звонить, «иллюминатор»³ – окно).

К типу рассказа-размышления также относятся рассказы «Когда я был маленький» и «Не пиф, не паф!». В рассказе «Не пиф, не паф!» Денис жалеет зайца, которого в сказке убивает охотник. Герой воображает монолог зайца перед смертью: «Ой-ой-ой! Прощайте все! Прощайте, зайчата и зайчиха! Прощай, моя весёлая, лёгкая жизнь! Прощай, алая морковка и хрустящая капуста...»⁴ Перед глазами Дениса как будто встаёт эта грустная картина: «Я прямо своими глазами видел, как серый зайчик ложится под тоненькую берёзку и умирает...»⁵. Но Денис находит выход – он заново сочиняет историю, в которой зайцу удастся спастись от ружья охотника. По поступкам Дениса можно назвать **героем-спасителем и мыслителем**.

Лирико-философский рассказ в творчестве В. Драгунского

Третий важный тип рассказа в творчестве В. Ю. Драгунского – это **лирико-философский рассказ**. В нём автор пытается передать позицию героев по каким-то важным жизненным вопросам. В зависимости от сюжета и содержания лирико-философские рассказы можно разделить на три группы: **рассказ-мировоззрение, рассказ-воспитание и рассказ-приключение** (табл. 3).

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 76.

² Там же. С. 78.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же.

Таблица 3 / Table 3

Модели лирико-философского рассказа в творчестве В. Драгунского / The models of lyric-philosophical stories in V. Dragunsky's work

Модель рассказа	Название	Типы героев
рассказ-мировоззрение	«Красный шарик в синем небе», «На Садовой большое движение», «Что я люблю...», «Он живой и светится», «И чего не люблю», «Гусиное горло», «Что любит Мишка», «Друг детства», «Девочка на шаре»	мыслитель
рассказ-воспитание	«Старый мореход», «Арбузный переулочок», «Хитрый способ», «Тайное становится явным»	воспитатель, ученик, мыслитель
рассказ-приключение	«Человек с голубым лицом», «Рабочие дробят камень», «Поют колеса тра-та-та», «Запах неба и махорочки»	мыслитель

Источник: данные автора.

К *рассказу-мировоззрению* относятся рассказы «Девочка на шаре», «Он живой и светится», «Что я люблю...», «И чего не люблю», «Что любит Мишка», «Красный шарик в синем небе», «Друг детства». Основной тип героя в них – *герой-философ и мыслитель*. Форма большинства рассказов – монолог, но иногда встречаются диалоги персонажей, в которых они выражают различные взгляды. Например, в рассказах «Друг детства» и «Он живой и светится» слова Дениса и его мамы показывают разные ценности персонажей. Мама больше ценит материальные блага, а Денис – чувства, эмоции, какие-то нематериальные вещи. Для мамы плюшевый медведь в рассказе – это просто старая игрушка, а Денис считает его другом детства. Он погружается «в детские воспоминания, которые в итоге и приведут его к гуманному решению не использовать игрушку в виде боксёрской груши» [5, с. 79]. И со светлячком также: для мамы это – обычный жук, букашка, а Денис воспринимает его через призму эмоций, ценит за то, что он находится рядом с ним и утешает, когда вокруг темно, страшно и одиноко.

В *рассказе-воспитании* мы видим, как родители пытаются воздействовать на Дениса в каких-то моментах. В рассказах

«Тайное становится явным», «Арбузный переулочок», «Старый мореход», «Хитрый способ» родители выступают как *воспитатели*, а Денис – как *герой-ученик и мыслитель*.

Примечательно то, что мама и папа по-разному ухаживают за Денисом. Мама в основном заботится о физическом состоянии сына: следит за его питанием, беспокоится о его худобе (можно вспомнить её излюбленную присказку «Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!»¹). Но Денис с большим сочувствием и пониманием относится к своей матери, старается не капризничать даже тогда, когда получает завтрак, который ему не нравится. Герой не отказывается от манной каши, а пытается сделать её вкуснее: добавляет сахар, кипяток, даже наливает хрен. И только после этого, видя, что все его попытки бесполезны, выкидывает кашу в окно. Действия мальчика вызваны не только тем, что он хочет пойти в Кремль, но и нежеланием огорчать маму. Она же, в свою очередь, тоже готова понять и защитить его. Например, когда манная каша попала на шляпу прохожего, мама сразу поняла, откуда она там, но не стала ругать сына, а извинилась перед пострадавшим и исправила ситуацию. Воспитательный эф-

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 30.

фект в этом эпизоде имеет двойную направленность. С одной стороны, ребёнку стало стыдно, он понял свой проступок и усвоил урок. Кроме того, он понял значение выражения «Тайное всегда становится явным»¹ и осознал важное правило нравственности – надо поступать честно. С другой стороны, мама тоже получила жизненный урок – нельзя сильно давить на сына, надо стараться понять его. Таким образом, взрослый и ребёнок в рассказах В. Ю. Драгунского не только учат один другого, но взаимообогащаются от этого общения.

В отличие от мамы, папа действует не приказами и нравоучениями, а убеждением и собственным примером. Например, когда Денис отказывается есть лапшу с пенками, папа рассказывает об арбузе, который незнакомый рабочий подарил ему во время войны. Это довольно серьёзная по содержанию история, но, несмотря на это, папа рассказывает её в юмористической форме. И Денис здесь выступает не только учеником, но и мыслителем. Он чувствует всю грусть папы от этого воспоминания, размышляет над его рассказом и может взглянуть на родителя новым взглядом. Денис видит сложность и неоднозначность жизни, узнаёт о военном детстве отца. В итоге он выносит из этого определённые уроки, начинает бережнее относиться к еде. Отец становится для Дениса живым примером для подражания, а его рассказ – серьёзным поводом для размышлений.

Рассказ-приключение – ещё один подтип, который можно выделить в лирико-философских рассказах детского писателя (это такие рассказы, как «Запах неба и махорочки», «Человек с голубым лицом», «Рабочие дробят камень», «Поют колёса тра-та-та» и т. д.) В них Денис рассказывает о различных непредвиденных происшествиях в его жизни: автомобильная авария, прыжок с вышки в воду, сорванный полёт на самолёте и т. д. В. Ю. Драгунский изображает ситуации с максимальной остротой и напряжённостью, сталкивает героев с необходимостью мгновенного выбора. В

рассказе «Человек с голубым лицом» мы видим героическое поведение отца Дениса. Подвозя соседа до города, он неожиданно увидел девочку перед машиной. Тогда ему пришлось резко развернуться, чтобы не задавить её. Машина скатилась под откос и упала набок. На Денисе не было ни царапины, но папа получил двойные переломы. И только спустя некоторое время Денис узнаёт от «знакомого дядьки» о том, как героически поступил его отец, который ради спасения чужого ребёнка рисковал собственной жизнью и жизнью своего сына. Жизненные уроки, который выносят герои, размышления, к которым они приходят, позволяют отнести подобные рассказы к **лирико-философскому типу**.

Заключение

В рассказах В. Драгунского ослаблено фабульное начало. В связи с этим можно выделить комические фабульные, комические бесфабульные и лирико-философские рассказы. Каждый тип предполагает особый характер героя и делится на подтипы: в юмористических фабульных рассказах можно выделить рассказ-действие и рассказ-случай, которым соответствуют типы героя-деятеля, исследователя и спасителя; в комических бесфабульных рассказах выделяются рассказ-мнение и рассказ-размышление, в которых запечатлены типы героя-мыслителя, фантазёра, наблюдателя и спасителя. Лирико-философский рассказ можно разделить на рассказ-мировоззрение, рассказ-приключение и рассказ-воспитание. В них реализованы типы героя-мыслителя, воспитателя и ученика.

Оригинальные жанровые разновидности рассказов, выявленные в творчестве В. Ю. Драгунского, во многом обогащают содержание произведений и раскрывают психологическую глубину характеров героев. Все эти типы рассказов создают многогранный образ Дениса, показывая не только его ребячества, но и тонкую поэтическую натуру.

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 29.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 394 с.
2. Маслова Т. С., Бенеш Н. И. Сравнительная характеристика сквозных образов-персонажей в рассказах В. Ю. Драгунского и Н. Н. Носова [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 1. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19895> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Михайлова О. О. По следам комментария к «Денискиным рассказам» В. Ю. Драгунского: истории для взрослого читателя // Детские чтения. 2018. Т. 14. № 2. С. 94–108.
4. Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М.: МАКС Пресс, 2016. 248 с.
5. Плешкова О. И., Селивёрстова М. П. Формирование представления о психологизме детской литературы у будущих учителей начальных классов (на материале творчества В. Ю. Драгунского) // Современные образовательные технологии в начальной школе: материалы заочной Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 20 апреля 2017 г. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 78–82.
6. Сивоконь С. И. Весёлые ваши друзья: очерки о юморе в советской литературе для детей. М.: Детская литература, 1980. 191 с.
7. Челюканова О. Н. Художественный и внутрилитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества (50–80-х гг. XX века): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 413 с.

REFERENCES

1. Dolzhenko L. V. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkoi literature 50–80-kh godov XX v. (H. H. Nosov, V. Yu. Dragunskij, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin): dis. ... d-ra filol. nauk* [Rational and Emotional in Russian Literature of the 50–80s of the 20th century (H. H. Nosov, V. Yu. Dragunsky, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin): Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences.]. Volgograd, 2001. 394 p.
2. Maslova T. S., Benesh N. I. [Comparative Characteristics of Cross-cutting Images-Characters in the Stories of V. Yu. Dragunsky and N. N. Nosov]. In: *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 2020, no. 1. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19895> (accessed: 20.09.2021).
3. Mikhailova O. O. [In the Footsteps of the Commentary on V. Yu. Dragunsky's "Deniska's stories": Stories for an Adult Reader]. In: *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2018, vol. 14, no. 2, pp. 94–108.
4. Oktyabr'skaya O. S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoi detskoj proze 1920–50-kh godov* [Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Prose of the 1920s–50s]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016. 248 p.
5. Pleshkova O. I., Seliverstova M. P. [Formation of Ideas about the Psychology of Children's Literature among Future Primary School Teachers (Based on the Work of V. Yu. Dragunsky)]. In: *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v nachal'noi shkole: materialy zaachnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Barnaul, 20 aprelya 2017 g.* [Modern Educational Technologies in Elementary School: Materials of the Correspondence All-Russian Scientific and Practical Conference, Barnaul, April 20, 2017]. Barnaul, AltGPU Publ., 2017, pp. 78–82.
6. Sivokon S. I. *Veselye vashi druz'ya: ocherki o yumore v sovetskoj literature dlya detei* [Your Cheerful Friends: Essays on Humor in Soviet Literature for Children]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1980. 191 p.
7. Chelyukanova O. N. *Khudozhestvennyi i vnutriliteraturnyi sintez v razvitii russkoi prozy dlya detei i yunoshstva (50–80-kh gg. XX veka): dis. ... d-ra filol. nauk* [Artistic and Intraliterary Synthesis in the Development of Russian Prose for Children and Youth (50–80s of the 20th Century): Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 413 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ши Юйцин – кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков Нанкинского университета науки и технологии;
e-mail: fdsyq@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shi Yuqing – Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Institute of Foreign Languages, Nanjing University of Science and Technology;
e-mail: fdsyq@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ши Юйцин. Жанровые разновидности рассказа и типология характеров в творчестве Виктора Драгунского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-99-107

FOR CITATION

Shi Yuqing. Genre Varieties of Short Stories and Typology of Characters in the Work of Victor Dragunsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-99-107

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-108-113

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕСЕНИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. 1895–1925. ВЫП. 1: ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ / НАУЧ., ОТВ. РЕД. Н. И. ШУБНИКОВА-ГУСЕВА. КОНСТАНТИНОВО: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК С. А. ЕСЕНИНА, 2020. 412 С.

Алексеева Л. Ф.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

BOOK REVIEW: SHUBNIKOVA-GUSEVA N. I., ED. THE YESENIN ENCYCLOPEDIA. 1895–1925 ISS. 1: MEMORIAL PLACES AND LITERARY GEOGRAPHY. KONSTANTINOVO, STATE MUSEUM-RESERVE OF S. YESENIN PUBL., 2020. 412 P.

L. Alekseeva

Moscow Region State University

ul. Veri Voloshinoy 24, Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Среди изданий последнего времени великолепным эдичионным качеством и научной обстоятельностью отличается представленная выше Есенинская энциклопедия. Выпуску этого издания предшествовали тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина»¹.

Первый выпуск рецензируемой здесь весьма солидной «Есенинской энциклопедии» посвящён местам на планете, где побывал поэт Сергей Александрович Есенин. В статьях, посвящённых биографическим топонимам, указано, с какого по какое время поэт находился в обозначенном месте, когда появлялся там снова, возвращался туда, с кем встречался, какие произведения сочинил. Значительная часть энциклопедических статей содержит описание истории географических названий, которые С. А. Есенин упомянул в своих письмах, статьях, поэмах, стихотворениях, где иногда оставил след в виде фотодокумента или коротких кадров киносъёмки, подтверждающих пребывание поэта на той или иной территории. Свидетельством о деятельности поэта в освещаемых составителями выпуска местах являются письма поэта и его адресатов к нему, газетные репортажи о вечерах и выступлениях С. А. Есенина и его спутников с чтением стихов, воспоминания друзей, знакомых или случайных свидетелей, записавших свои наблюдения и впечатления, а также квитанции, расписки и прочие документы, значительные и пустяковые, подтверждающие, что поэт присутствовал в тех или иных странах, городах, деревнях, монастырях, гостиницах, передвигался на пароходах, в поездах, на автомобилях, с помощью гужевого транспорта и пешим ходом, в обуви и босиком...

¹ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т.: в 7 кн. / гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.

В 357 статьях, составивших энциклопедию, упоминаются или подробно освещаются 442 топонима. Это по преимуществу географические названия стран, городов, сёл, деревень, гор, рек и морей, океанов и материков, которые он реально посетил и описал в стихах или прозе. Получают систематическое освещение также места действия персонажей в стихотворениях, поэмах, драмах. Некоторые топонимы (и микротопонимы) нередко воспринимались исчезающими из исторического обихода уже при жизни С. А. Есенина, а то и были созданы его творческой фантазией.

В предисловии к основному корпусу статей составителями тома упоминается также о микротопонимах, ставших предметом некоторых информационных (адреса улиц, площадей, домов, памятников, мемориальных досок, барельефов, музеев, библиотек, театров, концертных залов, консерваторий, поэтических центров, школ, институтов).

Наибольшее внимание уделено пребыванию С. А. Есенина в Москве, Петрограде (Ленинграде), Константиново и Рязани, путешествиям в пределы Западной Европы, Азии и Америки, на Север, Восток и Юг России (на Соловки, в Самарканд, Азербайджан и Грузию).

Замечательным достоинством энциклопедии являются иллюстрации. В первую очередь, это ксерокопии портретов Есенина и его родных и близких, а также снимки сельских и городских пейзажей, мостов, плотин, скромных домиков и величественных зданий, концертных залов, монастырских строений, храмов, часовен... Изобразительный ряд выполнен на основе профессионально изготовленных фотографий, любительских карточек, картин и рисунков, географических карт и схем, почтовых открыток, памятных знаков, удостоверяющих, что когда-то в этом месте было поселение, проходила шоссейная или железная дорога, были церкви, базары, дома священников, учебные заведения, жильё приятелей поэта... Значительный ряд составляют групповые фотографии, лица женщин, с которыми был связан С. А. Есенин любовными, дружескими или

деловыми отношениями, снимки друзей, родных, членов семьи, детей поэта и их матерей, адресатов лирики и посвящений.

Здесь можно встретить ксерокопии дарственных надписей и черновиков произведений, изображения памятников, барельефов, живописных картин и графических изображений, в том числе портретов поэта и иллюстраций к его произведениям.

Обстоятельностью, даже скрупулезностью отличается большинство статей.

Иногда это информативные, строго освещающие сведения о географическом пункте с кратким указанием на источники полученных сведений.

Наибольшее пространство энциклопедии занимают аналитические литературоведческие статьи, исследующие не только своеобразие восприятия той или иной географической точки, но и мировоззрение поэта в период путешествия или проживания в той или иной местности. Приводятся яркие факты и формы его участия в литературной борьбе эпохи, различные переклички с мнениями и убеждениями единомышленников и оппонентов, места, где произошло переосмысление прежних убеждений, изменились взгляды, проиллюстрированы некоторые собственные или групповые декларации, произошли повороты в позициях, смены идей и оценок.

Авторами многих статей являются специалисты Есенинской группы ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, сотрудники Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина и музея-заповедника С. А. Есенина, члены Международного Есенинского общества «Радуница». Натальей Игоревной Шубниковой-Гусевой написано 55 статей (плюс 6 статей в соавторстве); Максимом Владимировичем Скороходовым 61 статья (и 9 в соавторстве); Еленой Александровной Самоделовой – 52 статьи (плюс 7 в соавторстве); Аллой Александровной Николаевой – 43 статьи (плюс 4 в соавторстве); Ниной Максимовной Солобай – 36 статей (плюс 7 в соавторстве); Татьяной Константиновной Савченко – 17 (плюс 2 в соавторстве)... Все географические названия и поэтические

топонимы расположены по алфавиту. Это создаёт калейдоскопически пёструю общую панораму географических пунктов, в которые вписан С. А. Есенин. Научную достоверность подкрепляют подробные списки справочной литературы и литературоведческих трудов, подкрепляющих позиции интерпретаторов.

Немало внимания уделяется священным местам, воспетым или упоминаемым С. А. Есениным. Впечатляют контрастные переходы от *Германии к Голгофе*, а затем к *Гомелю*, от *Солотчинского Рождества Богородицы мужского монастыря к Сочи*, от *Китая – к Китежу*. Константиново располагается рядом с Константинополем, Лион с подмосковным Литвиново, Люберцы – с Ляояном. Волнует экзотическое соседство Самарканда и Сан-Франциско, Соединённых Штатов Америки и Соловков, Перми и Персии, Павловска и Падуи, Новочеркасска и Нью-Йорка, Алатыря и Америки, Африки и Багдада, Бердичева и Берлина, Брюсселя и Брянска, Калифорнии и Калуги, Кандалаки и Канзас-Сити.

Символически неслучайным воспринимается расположение рядом Елеона – и Есенинской Руси...

Топоним «Русь» в есенинском поэтическом мире имеет богатый ряд эпитетов, среди которых определения общеязыковые и индивидуально есенинские: *древняя, смиренная, убогая, святая, метафизическая, белая, золотая, отжившая, ложноклассическая, кабацкая...* Русь представлена несколькими статьями (автор – Светлана Серегина¹), в широком историко-литературном контексте, с привлечением образов, созданных поэтами и прозаиками XIX в. (В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Ф. И. Тютчевым, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским), фольклористами и этнографами, художниками и композиторами, а также современниками С. А. Есенина (К. Д. Бальмонтом,

А. А. Блоком, С. М. Городецким, Н. А. Клюевым, П. В. Орешиним...).

Распадение единой Руси отозвалось в энциклопедии наличием отдельных статей с названиями «Русь бесприютная», «Русь советская», «Русь уходящая» (все статьи написаны С. А. Серegiной). «Русь бесприютная» выведена поэтом в заголовок поэмы о детях-беспризорниках, в которых С. А. Есенин видел «тяжёлый укор» всем взрослым, в особенности благополучным «членам совнаркома», не замечающим горестного существования детей, из которых могли бы сформироваться гениальные поэты, творческий потенциал нации.

Некоторые статьи могли бы претендовать на значение самостоятельной научной монографии. Сразу после короткой статьи о Монголии идёт «Москва» (автор Н. И. Шубникова-Гусева при участии Н. М. Солобай²). С этим городом связаны многие события творческой деятельности С. А. Есенина с 1912 по 1925 гг. Энциклопедическое повествование о Москве открывает не только малоизвестные и значительные события в жизни С. А. Есенина, уточняет его биографию, одновременно рисуя целостный его портрет, но и историю литературной и культурной жизни города, с 1918 г. вернувшего себе статус столицы России, а с 1922 г. ставшего столицей СССР.

Сотни имён писателей, актёров, художников, критиков, общественных и политических деятелей, издателей, названий и адресов организаций, домов и квартир Москвы вы обнаружите в этой чрезвычайно насыщенной разного рода сведениями, отрывками из репортажей, цитатами из воспоминаний, указаниями на источники сведений статье. Здесь цитируются периодические издания, перечисляются локусы, где создавались, озвучивались самим поэтом и актёрами опубликованные, а также готовившиеся к печати, но так и не получившие завершения издания произведений поэта, в том числе коллективных сборников.

¹ Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география / науч., отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. С. 258–264.

² Там же. С. 152–183.

С удивлением обнаруживаем множество судьбоносных пересечений, каждое из которых способно вызвать удивление.

С. А. Есенин был лично знаком с великой княгиней Елизаветой Федоровной, встречался с ней в Москве. После совместного выступления в Доме искусств на Поварской (дом Н. М. Соллогуб, известный как дом Наташи Ростовской) будущий автор «Анны Снегиной» беседовал с М. И. Цветаевой. С лёгкостью компанейского человека он присутствовал на именинах А. Н. Толстого, прогулял в увлечённой беседе по московским улицам с Вл. Ходасевичем... После развода с З. Н. Райх (во время её брака с Вс. Мейерхольдом) замыслил в 1922 г. совместно с последним и режиссёром В. М. Бебутовым драму «Григорий и Димитрий»¹.

Среди знакомых, с которыми С. А. Есенин поддерживал диалогические отношения, К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис, Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), Н. А. Клюев, С. А. Клычков, А. В. Ширяевец, Б. А. Пильняк, С. Т. Конёнков, В. В. Маяковский, Вс. В. Иванов, А. П. Чапыгин, Л. М. Леонов, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, М. И. Калинин, С. М. Киров... Он был не только поэт, литератор, но и «действительный член Вольной философской ассоциации»². Художник Ю. П. Анненков писал его портрет...

В первой половине 1920-х гг. только о пьесе «Пугачёв» в печати зафиксировано около 100 статей в отечественной и зарубежной печати. В данном случае и количественный подход оправдывает себя. Изобилие внимания к С. А. Есенину в печати подчёркивает, что поэта воспринимали уже при жизни как весьма значительную личность в литературном процессе.

Приведённые составителями факты документируют его бесприютность в Москве и одновременно рассказывают о готовно-

сти очень многих простых людей, литературных и общественных деятелей, случайных знакомых и друзей приютить поэта в своём доме, помочь ему издать стихи, откликнуться на человеческое обаяние, написать о нём воспоминания. Знакомство с женщинами и стихи, им посвящённые, любовные «романы» с добросовестной тщательностью также вписаны в общий контекст городской жизни и творческой деятельности С. А. Есенина. Осознавая ценность сведений о поэте, значительность всех следов его пребывания среди земных людей, многие современники, талантливые и не владевшие божественными дарами, исполнили свою миссию поддержки человека и гениального художника в трагическую пору войн, революций, «классовой» борьбы.

Основательно развёрнута в энциклопедии также статья о Петрограде-Ленинграде (авторы А. А. Николаева и М. В. Скороходов). К сожалению, не упоминается, что сам Пётр I в письмах называл город на голландский манер – «Санкт-Питербурх». Среди петроградских литераторов, с которыми был знаком С. А. Есенин, – А. А. Блок, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Ф. К. Сологуб, А. М. Ремизов, А. А. Ахматова, Л. Н. Андреев, А. М. Горький (послушав, назвал его «херувимом»), Рюрик Ивнев, С. М. Городецкий, Е. И. Замятин, Г. В. Иванов, О. Э. Мандельштам, художник И. И. Бродский. На квартире Канегисеров зимой 1915–1916 гг. С. А. Есенин познакомился с М. И. Цветаевой. Многочисленные описания топонимов содержат сотни интереснейших фактов, делают чтение энциклопедии увлекательным наслаждением, утоляющим не только жажду познания, но и питающим эстетическое чувство, расширяющим духовное пространство читателя.

В бывшей столице 12 мая 1924 г. родился сын, четвёртый ребёнок, у Н. Д. Вольпин и ставшего очередной раз бессемейным поэта. С энциклопедической обстоятельностью описаны выступления С. А. Есенина с чтением стихов, пересказаны и цитиро-

¹ Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география / науч., отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. С. 168.

² Там же. С. 165.

ваны отклики об этом в печати, перечислены вечера памяти безвременно погибшего человека и поэта, но уже в январе 1926 г. зафиксированы ограничения в их проведении (предвестие репрессий). В связи с уходом С. А. Есенина в рецензируемом томе справедливо не употребляется слово «самоубийство». Более того, дана информация, что в 1990 г. была отслужена панихида по Сергею Есенину в Спасо-Преображенском соборе тогда ещё Ленинграда, и в Санкт-Петербурге «ежегодно проходит панихида по поэту в церкви во имя Спаса Нерукотворного образа (Конюшенная пл., 1)»¹.

Кратко остановилось на одном мимолётном топониме – *Лидо*, пляжном курорте в Италии, где С. А. Есенин и А. Дункан отдыхали с начала августа до начала сентября 1922 г. Автор статьи упоминает о стихотворении Альфреда Мюссе «Декабрьская ночь» как импульсе к созданию «Чёрного человека», но не называет стихотворения Александра Блока «Мы шли на Лидо в час рассвета...», – на наш взгляд, с той же степенью вероятности послужившем источником лирических образов «позднего» С. А. Есенина.

Всё изобилие пространственных обозначений, даже беглый обзор того, к чему прикоснулся С. А. Есенин своими стопами, расширяет наше представление о земном пути и творческом словом созданном художественном мире С. А. Есенина до размеров почти половины всего земного шара. Пространство континентов Евразии, Северной Америки, Кавказа, Сибири, столичных и губернских городов (Ростова-на-Дону, Харькова, Оренбурга, Самары, Рязани, Твери, Тулы, Вологды) так или иначе освоено путешественником, странником, мыслителем, влюблённым и счастливым, в увлечении народным и индивидуальным творчеством россиян и искусством многих стран мира, а то разо-

чарованным, огорчённым, страдающим, сокрушённым, болезненно одиноким, тоскующим поэтом.

С. А. Есенин предстаёт со страниц энциклопедии не только как «гражданин села», защитивший своё право создать и никому не отдать собственную «лиру», даже и не только художник, успевший, несмотря на краткий по обычным меркам земной путь, мощно вписаться в литературную жизнь и духовное пространство российской и мировой культуры, но и как человек, представляющий земную цивилизацию в целом. Все достоинства и заблуждения человека, который прикоснулся к духовным и «материальным» источникам жизни, открыты и обнажены в наследии и биографии поэта, разорвавшего с традициями и вернувшегося к ним, жертвенно сопротивляясь жестокости века.

Издание сопровождается подробным указателем имён, упоминающихся в статьях², условных сокращений источников³, указателем произведений С. А. Есенина⁴. Напечатанная на хорошей бумаге, прекрасного типографского исполнения, с великолепными иллюстративными материалами, книга могла бы украсить любую научную или юношескую библиотеку, в том числе вузовскую или школьную, но тираж её – увы (!) – всего 1000 экземпляров...

Энциклопедический калейдоскоп статей о «памятных местах» С. А. Есенина на пространстве Земного шара является замечательным поводом к новым научным исследованиям и разысканиям. Помимо этого, сама жизнь и судьба С. А. Есенина, столь яркая и удивительная, творчески плодотворная, подробно обнажённая в информативных и аналитических статьях, претендует на новые варианты творческого освещения.

¹ Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география / науч., отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. С. 241.

² Там же. С. 383–401.

³ Там же. С. 359–367.

⁴ Там же. С. 373–382.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru; modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov' F. Alekseeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru; modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. Рецензия на книгу: Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: памятные места и литературная география / науч., отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. 412 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 108–113.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-108-113

FOR CITATION

Alekseeva L. F. Book Review: Shubnikova-Guseva N. I., ed. The Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Iss. 1: Memorial Places and Literary Geography. Konstantinovo, State Museum-Reserve of S. Yesenin Publ., 2020. 412 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 108–113.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-108-113

Прияткина Алла Фёдоровна,
доктор филологических наук, профессор

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-114-119

РУССКИЙ СИНТАКСИС: ОТ КОНСТРУКЦИЙ К ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ: ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ, ПОСВЯЩЁННАЯ 95-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА АЛЛЫ ФЕДОРОВНЫ ПРИЯТКИНОЙ

Милянчук Н. С., Шереметьева Е. С.

Дальневосточный федеральный университет

690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10, Российская Федерация

RUSSIAN SYNTAX: FROM STRUCTURES TO FUNCTIONING. ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION DEDICATED TO THE 95TH BIRTHDAY OF DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES, PROFESSOR ALLA FEDOROVNA PRIYATKINA

N. Milyanchuk, E. Sheremetyeva

Far Eastern Federal University

pos. Ajax 10, ost. Russky, Vladivostok 690922, Russian Federation

11–13 октября 2021 г. в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) прошла научная конференция в честь 95-летия доктора филологических наук, профессора Аллы Фёдоровны Прияткиной, организованная кафедрой русского языка и литературы ДВФУ. А. Ф. Прияткина – один из авторов академической «Русской грамматики» 1980 г. и энциклопедии «Русский язык», автор широко известного учебного пособия «Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения», создатель оригинального научного направления «Синтаксис конструкций», основатель и многолетний руководитель Дальневосточной научной синтаксической школы. Вся научная жизнь А. Ф. Прияткиной посвящена исследованию синтаксиса русского языка, что абсолютно предопределило тему и содержание конференции. С особым воодушевлением участники конференции восприняли приветственное видеообращение Аллы Фёдоровны, в котором она дала ещё одно определение любимой науки: «Синтаксис – это то, что нас объединяет, что даёт нам настоящее удовлетворение, дарит неожиданные, живые повороты в дискуссиях и исследованиях». Вовлечению молодых исследователей в столь вдохновляющую сферу науки призвана способствовать и именная стипендия А. Ф. Прияткиной для студентов-русистов ДВФУ, об учреждении которой было объявлено на церемонии открытия конференции.

Несмотря на достаточно узкую специализацию тематики, конференция привлекла внимание многих специалистов – как уже признанных, авторитетных отечественных и зарубежных языковедов, так и молодых, но, безусловно, перспективных исследователей. Более того, именно сконцентрированность содержания конференции на вопросах синтаксиса сделало её очень насыщенной в научном отношении.

© СС BY Милянчук Н. С., Шереметьева Е. С., 2022.

Конференция была проведена в очно-дистанционном формате, что позволило существенно расширить географию участников и обеспечить представленность самых разных направлений, школ, подходов, сложившихся в современной синтаксической науке. С докладами и сообщениями выступили исследователи из таких городов, как Владивосток, Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Великий Новгород, Волгоград, Елец, Пенза, Петрозаводск, Саратов, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень, Иркутск, Хабаровск, Уссурийск, Женева (Швейцария), Тампере (Финляндия), Чанчунь (КНР). В общей сложности было представлено 30 вузов и научно-исследовательских институтов. На конференции работало 6 секций: «Синтаксис конструкций», «Синтаксис текста», «Синтаксис частей речи», «Служебные слова русского языка: история и современность», «Русская пунктуация», «Преподавание синтаксиса в школе и вузе». В работе пленарного и секционных заседаний приняло участие 93 докладчика, вниманию слушателей было представлено 86 докладов.

Пленарное заседание проходило в дистанционном режиме, прозвучавшие на нём доклады были посвящены обсуждению как общих вопросов теории русского синтаксиса, так и конкретных синтаксических явлений. Д-р филол. наук Г. Д. Фигуровская (Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина) в докладе «Союзные средства в предложении и тексте: скрепы-фразы, актуализованные фразы, метаконструкции» подняла актуальный вопрос о классификации связующих единиц разного типа, в том числе имеющих предикативную структуру. В докладе д-ра филол. наук О. Ю. Иньковой (Женевский университет) «О понятии “текстовая скрепа”» обсуждалась важная теоретическая проблема квалификации функционально неоднородных единиц, обозначаемых в синтаксических исследованиях этим термином, и был предложен вариант решения этой проблемы. Д-р филол. наук И. М. Кобозева (Московский государственный универ-

ситет имени М. В. Ломоносова) в докладе «Экономия и избыточность при выражении семантических отношений между пропозициями в русском языке» показала действие двух указанных противоположно направленных тенденций на примере функционирования русских временных союзов со значением непосредственного предшествования и обосновала лингвоспецифичность представлений о мере избыточности, сопоставив указанные союзы с их французскими эквивалентами. В докладе д-ра филол. наук Н. Б. Кошкаревой (Новосибирский государственный университет; Институт филологии СО РАН) «Место осложнённого предложения в кругу единиц языка и речи: к вопросу о моделировании синтаксического яруса языка» был сделан содержательный анализ концепции простого осложнённого предложения, введённой в научный оборот А. Ф. Прияткиной, и показана продуктивность этого подхода для описания языков разных систем. Механизм развития специфической семантики конструкции на основе анализа одной из стандартных трансформаций был представлен в докладе д-ра филол. наук Е. В. Урысон (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН) «Слово “и” в тавтологиях типа “девушка и девушка (ничего особенного)”». В совместном докладе д-ра филол. наук Т. И. Стексовой (Новосибирский государственный педагогический университет) и д-ра филол. наук Т. В. Шмелёвой (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) «Лексема факт: идиоматизация и грамматикализация» на примере функционально-семантических преобразований одного слова была продемонстрирована такая общая тенденция в развитии грамматического строя русского языка, как пополнение состава служебной лексики за счёт знаменательной. Д-р филол. наук Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Структура диалога при передаче чужой речи в русском повседневном дискурсе» на материале корпусов устной речи описала базовую структуру

«чужого» диалога и показала её возможные структурные расширения. В докладе д-ра филол. наук М. С. Миловановой (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина) «Мысль о противоречии и его синтаксическое разрешение в повести И. Бунина «Митина любовь»» была показана роль союзов как носителей экспрессивного начала в актуализации позиции автора.

Заседания секций проходили в очно-дистанционном режиме в течение трёх дней. Разница в часовых поясах внесла определённые коррективы в распределение докладов по секциям, однако благодаря специализированной направленности конференции это не помешало продуктивной работе. В целом тематически выступления сгруппировались следующим образом.

Весьма широко и разнообразно представленной оказалась проблематика описания служебных слов русского языка. Терминологические проблемы, возникающие при описании служебных средств связи, были освещены в докладе Н. В. Кузнецовой и О. В. Почtareвой. Разные аспекты описания текстовых скреп обсуждались в докладах Е. А. Стародумовой и Ван Сюецзянь, Е. Н. Гускиной, Н. В. Коневой, Ван Цяоши, Цао Сяоминь, Сюй Лина; проблемы семантико-синтаксических свойств союзов и союзных образований рассматривались в докладах В. Н. Завьялова, Н. Т. Окатовой; функционирование частиц, их роль в организации простого осложнённого предложения и отдельных конструкций – в докладах И. Н. Токарчук, К. А. Перцевой, Е. Б. Степановой. Серьёзное внимание было уделено анализу структур с производными и непроизводными предлогами (доклады Н. А. Аксариной и Л. В. Басовой, Е. Н. Виноградовой, Вэй Хуэйминь, Инь Чжаосин, Е. С. Зарубиной, О. Д. Ли, И. В. Одинцовой, Т. Е. Чаплыгиной, Чэнь Сюэцин) и с другими полуслужебными единицами, находящимися на разных стадиях грамматикализации (доклады Н. А. Герасименко, О. О. Ивановой,

Т. В. Конченко, Т. В. Петроченко, Сюй Сюэцзянь, Р. Р. Шамсутдиновой, Е. С. Шереметьевой). Исторические исследования функционирования служебных слов нашли отражение в докладах А. В. Зеленина и Д. В. Руднева, С. С. Сая, Е. А. Петренко и А. О. Васильевой.

Ещё одним центром притяжения исследовательского внимания стал синтаксис конструкций. Ряд докладов был посвящён конструкциям, построенным по определённым моделям (А. В. Дегальцева, И. В. Мухачёва); включающим определённый формальный или семантический компонент (И. В. Галактионова, О. М. Исаченко), в том числе фразеологизированный (А. В. Величко, Л. А. Золотарева, Н. Ю. Пилюгина, Жэнь Цзяньсинь); выражающим определённые типы отношений (И. В. Семенова, О. К. Грекова); выполняющим определённые прагматические функции (И. А. Маринченко, Сунь Сяоли, И. А. Нагорный и А. И. Долженкова). В докладе Цзин Юньчжицзы и Е. В. Полищук русские и китайские конструкции сложносочинённого предложения рассматривались в сопоставительном (контрастивном) аспекте.

Большое количество докладов было посвящено синтаксической организации текста и дискурса: участники конференции получили возможность ознакомиться с результатами исследований функционирования синтаксических средств языка в детских игровых диалогах (Т. И. Петрова); в древнерусских письменных памятниках (Е. А. Петренко, Е. С. Першина, Е. Д. Шишкина); в художественном (поэтическом и прозаическом) тексте (Н. В. Патроева, А. А. Лебедев, И. Г. Родионова, Е. А. Голосова, А. А. Анисова, М. С. Баранова, И. А. Фадеева, Д. С. Фещенко), в том числе регионально обусловленном (Н. С. Милянчук, Е. Н. Пугачева, Ли Цзябао). На материале художественных текстов проведено и исследование Т. Е. Шаповаловой, представленное в докладе «Категориальный и лексический аспекты синтаксического времени в русском языке», но оно посвящено

теоретической проблеме: Т. Е. Шаповалова обосновала синтаксический статус категории времени, продемонстрировав, с одной стороны, несовпадение значений морфологического и синтаксического времени в пределах одного высказывания, а с другой стороны, наличие в предложении таких средств выражения временных отношений, которые выходят за рамки морфологической категории времени.

Не остались без внимания участников конференции и прикладные проблемы синтаксической науки. В докладах, посвящённых пунктуации, обсуждались, с одной стороны, традиционные трудности, возникающие при выборе знаков препинания (Е. Н. Агашина, А. Н. Бертякова), с другой стороны, новые синтаксические явления в русском языке, пока не получившие кодифицированной пунктуационной оформленности (Н. В. Орлова); звучала неудовлетворённость действующей практикой кодификации пунктуационных норм и выдвигались предложения по её усовершенствованию (Л. И. Горбунова). В докладах, связанных с преподаванием синтаксиса, рассматривались теоретические проблемы, порождающие сложности при представлении синтаксических единиц в учебной аудитории (И. А. Астафьева, Сунь Цзин), и методические приёмы, позволяющие совершенствовать у обучающихся навыки владения синтаксическими средствами языка (Л. Б. Крюкова и А. Н. Губайдуллина, Т. Д. Капустина).

Тексты докладов, прозвучавших на конференции, а также докладов заочных участников были опубликованы в научном издании, индексированном в системе РИНЦ¹.

В целом можно констатировать, что в рамках работы конференции состоялось всестороннее обсуждение самых актуальных проблем современной синтаксической науки: пополнение арсенала синтаксических средств русского языка, их квалификация, принципы и методы их научного описания, новые явления в русском синтаксисе и пунктуации, механизмы построения текста и разворачивания дискурса и др. Во многих докладах отмечался вклад в развитие синтаксической науки Аллы Фёдоровны Прияткиной и созданной ею Дальневосточной синтаксической школы. Конференция показала, что грамматические, в частности синтаксические, исследования являются трендом современной лингвистики, что в этой области отечественные русисты занимают ведущую позицию в мировой науке, что решающим фактором развития данного направления является заинтересованный и высокопрофессиональный диалог между представителями разных научных школ. И ярким примером такого диалога стала Всероссийская научная конференция с международным участием «Русский синтаксис: от конструкций к функционированию», посвящённая 95-летию Аллы Фёдоровны Прияткиной.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милянчук Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета;
e-mail: milyanchuk.ns@dvfu.ru

Шереметьева Елена Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Дальневосточного федерального университета;
e-mail: sheremeteva.es@dvfu.ru

¹ Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Фёдоровны Прияткиной / отв. ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. 361 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya S. Milyanchuk – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University;

e-mail: milyanchuk.ns@dvfu.ru

Elena S. Sheremeteyeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Russian Language Department of the Far Eastern Federal University;

e-mail: sheremeteva.es@dvfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милянчук Н. С., Шереметьева Е. С. Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Всероссийская научная конференция с международным участием, посвящённая 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 114–119.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-114-119

FOR CITATION

Milyanchuk N. S., Sheremeteyeva E. S. Russian Syntax: from Structures to Functioning: All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 95th Birthday of Doctor of Philological Sciences, Professor Alla Fedorovna Priyatkina. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 114–119.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-114-119

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2022. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,5, уч.-изд. л. 12.
Подписано в печать: 25.02.2022. Дата выхода в свет: 28.02.2022. Заказ 2022/02-05.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А